

4 АПРЕЛЬ 2011

150 ЛЕТ
ВОКРУГ **СВЕТА**
1861-2011

**БОРИС СТРУГАЦКИЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ**

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ПЬЛВУН

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 38 РУБЛЕЙ

ISSN 077-17276000-3

9 771727 600003

Коллектив авторов
Полдень, XXI век (апрель 2011)
Серия «Альманах Бориса Стругацкого
«Полдень, XXI век»», книга 76

*Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=596215
Полдень, XXI век (апрель 2011): Вокруг света; Москва; 2011
ISBN 978-5-98652-354-5*

Аннотация

В номер включены фантастические произведения: «Плывун» Александра Житинского, «Звезды для дочки» Дэна Шорина, «Однажды в Одессе» Натальи Анисковой и Майкла Гелприна, «У лазурных скал» Яны Дубинянской, «Вагон» Валерия Воробьева, «Мореход» Сергея Фомичева.

Содержание

Колонка дежурного по номеру	4
1. Истории. Образы. Фантазии	5
Александр Житинский	5
От главного редактора	5
Краткая предыстория, рассказывающая о герое и о том, как он снова попал в тот же дом на Петроградской	5
Часть первая	6
1	6
2	15
3	17
4	20
5	24
6	27
7	33
8	39
9	42
10	47
11	50
12	53
13	56
Дэн Шорин	62
Наталья Анискова, Майк Гелприн	71
Яна Дубинянская	90
Валерий Воробьев	98
Сергей Фомичёв	105
1	105
2	105
3	106
4	106
5	107
6	109
2. Личности. Идеи. Мысли	111
Владимир Цаплин	111
3. Информаторий	115
«Интерпресскон – 2011»	115
Наши авторы	117

Альманах фантастики Полдень, XXI век (апрель 2011)

Колонка дежурного по номеру

Возможно, стоит припрятать этот номер «Полдня» и сохранить. Как я, и не один я, поступил с «Невой» 1987 года, где был напечатан роман Александра Житинского «Летающий дом».

Он был превосходно написан, и в нем содержалось предсказание, которое сбылось.

И стало сбываться почти сразу.

Не помню, как звали персонажей, и что они говорили и делали.

Осталась – не только в памяти, но и в истории, причем не только литературы, – ключевая метафора. Вобравшая в себя тогдашнее чувство тогдашней жизни: что сложившийся порядок вещей крайне ненадежен и может в любой момент измениться, причем не обязательно к худшему.

Потому что люди – самые обыкновенные люди: ленинградские, советские, молодые и старые, образованные и нет, – практически все – гораздо лучше своих обстоятельств. Заслуживают других. Как говорится теперь в телерекламе парфюма: ведь вы этого достойны.

А если Тот, От Кого Все Зависит, этого не понимает, – он дождетя, что мы всей страной возьмем и улетим от него куда–нибудь. В параллельную реальность. Или на другую планету.

Так легка, окончательно потеряв смысл, делается жизнь, того гляди.

Кажущаяся настолько равнодушной, что и нам ее почти не жаль.

Но если опомнится – мы с нею помиримся. Еще почти не поздно. Еще целая секунда. Правда, она уже идет.

Так чувствовали тогда время лучшие из тех, кто его чувствовал.

И дом действительно взлетел.

Но вскоре опустился. У многих жизнь успела пройти. Никто никуда не улетел. Кроме тех, кто улетел на самолете.

А метафора Житинского все работает. Дом шатается. И в окна нижних этажей уже не проникает свет.

Падаем? Похоже, нет: проваливаемся. Похоже, фундамент намертво прикреплен к монолитной скале, – а та скала, увы, ни на чем не держится. Просто плавает в подземной хляби, так и называемой (как новая повесть Житинского) – плывун. Плавала тысячи лет – и вдруг резко устремилась к центру Земли. То ли от случайного толчка. То ли оттого, что люди (условно говоря – мы) все–таки оказались хуже своих обстоятельств. Или глупее самих себя.

Такая фантастика.

Самуил Лурье

1. Истории. Образы. Фантазии

Александр Житинский Пльвун Роман¹

От главного редактора

Сорок лет (целую жизнь) назад в Доме творчества «Комарове» мы, помню, читали, передавая друг другу прочитанные листки – совсем новую самиздатовскую повесть с названием «Лестница». Имя автора ничего нам не говорило, а повесть говорила сама за себя: это был классический самиздат: абсурдный, но вполне узнаваемый мир, наш мир, казенно-скучный, суконный и безнадежно тупиковый, – и человек, обыкновенный, такой же, как мы, замороженный и затюканный, пытающийся из этого мира выбраться... куда? Он и сам толком не понимает, куда? Мы листали рукопись и говорили друг другу: «Нет, но каков молодец, этот Житинский! Вот это молодежь подрастает, ай да они!..» И было нам совершенно ясно, что это не будет опубликовано НИКОГДА.

Как и все пессимисты, мы ошибались. Повесть пролежала в столе «всего» восемь лет, и все эти восемь лет она ходила в самиздате. Потом начало что-то меняться в нашем мире: повесть напечатали, сначала в СССР (в журнале, в авторском сборнике), а потом в Германии, Болгарии, ЧССР, Италии... И наконец, уже в новейшие времена, в 1990 году, «Мосфильм» выпустил художественный фильм «Лестница», где главную роль исполнил один из лучших актеров отечественного кино Олег Меньшиков.

Прошло без малого сорок лет, и вот сегодня Александр Житинский предлагает продолжение истории своего прежнего героя, постаревшего, уже семидесятилетнего, изменившегося, конечно, но в чем-то главным оставшегося самим собой, – странные приключения его в нынешнем нашем мире, так хорошо знакомом каждому из нас, вроде бы тоже изменившемся за эти сорок лет, но в чем-то, самом главном (?), так и оставшемся на удивление прежним. Времена меняются, мы меняемся вместе с ними, но всегда что-то остается неизменным – неужели, действительно, самое главное?

Б. Стругацкий

Краткая предыстория, рассказывающая о герое и о том, как он снова попал в тот же дом на Петроградской

История сорокалетней давности началась с того, что молодой человек Владимир Пирошников проснулся в незнакомой комнате после бурно проведенного вечера накануне с полной неизвестностью в мыслях – как он сюда попал.

Была зима, в окнах было еще темно, и он незаметно выскользнул из квартиры, никого не встретив, чтобы идти домой, попутно вспоминая, что же было вчера.

Однако, пройдя вниз довольно долго, он заметил, что лестница никак не кончается. Более того, на ней стали повторяться какие-то детали – рисунок на стене, котенок, пьющий молоко на лестничной площадке...

---

¹ Журнальный вариант.

Пирошников бросился вверх – то же самое! Лестница не имела конца, она была замкнута сама на себя. В ужасе молодой человек кинулся к людям и попал в ту же самую квартиру, где он ночевал. Здесь ему суждено было узнать, как он там очутился, а потом провести какое-то время в попытках выбраться.

Эти попытки выйти из замкнутого круга и составляют суть истории. Не вдаваясь в подробности, скажем, что в конце это ему удалось. Он вышел на крышу дома вместе с мальчиком шести лет, сыном соседки, и, неловко поскользнувшись, поехал по заснеженной крыше к краю...

На этом история обрывалась. Читателю предстояло решить – погибнет герой или нет.

Однако автор решил этот вопрос однозначно в новой повести. Пирошников остался жив и прожил довольно большую жизнь. Мы встречаем его хозяином небольшой книжной лавки, живущим в одиночестве в съемной квартире. Начало истории совпадает с потерей съемного жилья и съемной площади магазина из-за повышения арендной платы, которую Пирошников не сможет осилить.

Однако ему везет. Направляясь куда глаза глядят, он оказывается рядом с домом, где произошли с ним когда-то странные события. Теперь это отремонтированный бизнес-центр, лишь в подвальных этажах живут жильцы. Выясняется, что там можно дешево снять помещение, и Пирошников остается здесь жить и даже устраивает свой магазин на том же этаже.

Совершается переезд, справляется новоселье с новыми соседями на минус третьем этаже, магазин начинает работать. Никто еще не знает о странных и опасных событиях, которые вновь потрясут этот старый петербургский дом...

Часть первая Домочадец

1

...Общий праздник новоселья безусловно способствовал началу работы магазина-салона поэзии на минус третьем этаже. Софья Михайловна, единственный продавец магазина, с первого же дня завела обыкновение выносить стул, на котором она сидела, в общий коридор и встречать посетителей рядом с дверью в магазин, провожая внутрь и оставляя наедине с Прекрасным. А сама возвращалась на свой пост за новым посетителем.

Впрочем, интересовали ее не только посетители магазина, а вообще все домочадцы, спешившие на работу, в магазин или учиться, а также возвращавшиеся домой, – каждому она успевала сказать слово, а иногда и завязать разговор.

Это относилось и к посторонним людям, навещавшим эзотерический салон соседки Деметры или парикмахерскую «Галатей». Лишь коренастые накачанные подростки из клуба восточных единоборств враскачку проходили мимо, не удостоиваясь разговоров. Их Софья побаивалась.

За разговорами не забывала она и своих обязанностей продавца, непременно ввертывая на прощанье что-нибудь типа:

– Заходите, чудесный Есенин появился. В супере...

Или:

– Рекомендую Губермана. Краткость – сестра таланта.

Репертуар ее был разнообразен.

Пирошников в это время обычно находился за стенкой, в своем боксе, одетый в домашний костюм и тапки, небритый и иногда в меру похмельный. Щебетанье Софьи его почему-то раздражало и лишь некий доход от продаж как-то мирил его с новой формой торговли.

Эти скромные продажи позволяли Пирошникову ежедневно выпивать вечером бутылочку сухого красного, закусывая его сыром и предаваясь сладостно-мучительному подведению итогов собственной жизни.

Ему почему-то всегда казалось, что от него ждут подвигов. Правда, чем дальше, тем меньше. И невыполнение этих подвигов Пирошников неизвестно почему записывал себе в минус, хотя многие этого попросту в себе не замечают, с какой стати? Подвигов обещано не было.

Оговоримся: никому, кроме себя.

И сейчас, подходя к итогу своей жизни, Владимир Николаевич осознавал, как мало осталось времени для подвига, да и необходимость его все чаще ставилась под сомнение.

Причем подвиг этот неминуемо должен был совершиться по приказу Предназначения – и во славу Отечества.

Но почему Отечества, а не своего дела, призвания, семьи, в конце концов?

Так уж был воспитан.

Однако как бы там ни было, а за прошедшие сорок лет ничего похожего на Предназначение в жизни Пирошникова так и не обнаружилось. Не считать же, в самом деле, Предназначением его длительное сожительство с Наденькой и Толиком на правах мужа и отца, так и не узаконившего эти отношения?

Додумавшись до этого невеселого вывода, Пирошников допил вино и вытянулся на тахте, глядя в потолок.

«Старик... – подумал он. – Жалкий, никчемный старик...»

Эта мысль обожгла его, он рывком вскочил с тахты, застонав от боли в бедре, и схватив беспечно дремавшего на своей подстилке котенка, прокричал тому прямо в мордочку:

– Нет! Нет! Нет! Ты слышишь?!

Котенок Николаич, без сомнения, услышал, потому что сморщил нос и зашипел. Но Пирошников явно обращался не к нему, а к кому-то другому, находившемуся много выше этого подвала, этой последней отчаянной Родины, после которой уже ничего, лишь вечный покой.

И он был услышан. Нарастающий подземный гул поднялся снизу, пол качнулся вместе со стенами, так что Пирошников вновь упал на тахту, и пустая бутылка кьянти гулко покатила по паркетному полу.

Это продолжалось мгновение, но было замечено всеми домочадцами.

Пирошников выскочил в коридор, успев машинально взглянуть на часы. Была половина восьмого вечера. Первое, что он увидел в коридоре, была стоящая на четвереньках рядом с упавшим стулом Софья Михайловна. Она теперь имела обыкновение задерживаться после окончания работы на полчаса, на час ввиду крайней своей общительности и в надежде быть приглашенной в гости к кому-нибудь из домочадцев. И действительно, попадала на чаепитие, а то и на ужин к сестрам из «Галатеи», тоже проживающим рядом со своим салоном, или к ветерану подводного флота, капитану первого ранга в отставке Семену Израилевичу Залману, крепкому еще старику, любителю Омара Хайяма.

Итак, Софья, охая и стона, ползала по коридору, пытаясь подняться. Пирошников помог ей, в то время как из многих дверей в коридор высыпали галдящие домочадцы. Молодая мамаша Шурочка Енакиева промчалась мимо к лифту, прижимая к груди годовалую дочь.

– Владимир Николаевич, видите, видите! – чуть не плача запричитала Софья.

– Что я должен видеть? – рассердился Пирошников.

Дверь напротив открылась, и на пороге возникла Дина-Деметра, как всегда, одетая с иголочки, спокойная и загадочная. Она с каким-то торжеством посмотрела на Пирошникова и произнесла лишь одну фразу:

– Что и требовалось доказать...

Софья между тем закончила свою тираду.

– Вы договор аренды читали? Подписывали? Там было сказано, было! «Предупрежден о возможных чрезвычайных ситуациях, могущих возникнуть на месте расположения строения в связи с геологическими причинами!» – наизусть процитировала Софья.

– Какими? – спросил совсем сбитый с толку Пирошников.

– Геологическими! Землетрясение! Вы под землетрясениями подписались! – голосила Софья.

Мамаша Енакиева впрыгнула с ребенком в лифт и вознеслась на волю.

– Не подписывался я под землетрясениями, – сказал Пирошников. Ситуация все более казалась ему комичной, тем более что новых подземных толчков не последовало.

– Наука умеет много гитик, – с улыбкой произнесла Дина.

Появившийся в коридоре отставной подводник подошел к Софье Михайловне, учтиво, по-офицерски поинтересовался самочувствием.

– Пустяки... – зарделась Софья.

– Покидать подводный корабль следует лишь в критической ситуации, – пояснил подводник. – Пока я такой не наблюдаю.

– Я тоже. Закрывайте лавку, Софья Михайловна, – распорядился Пирошников.

– Сейчас, сейчас, подниму книги, они попадали с полок... – Софья скрылась в магазине.

– На Северном флоте... – начал моряк.

– Да погодите вы с мемуарами! – оборвал его Пирошников.

И тут из открывшихся дверей лифта показался начальник охраны Геннадий, бережно поддерживающий за плечи всхлипывающую мамашу Енакиеву с ребенком.

– Идите домой, успокойтесь, страшного ничего нет... – напутствовал он ее, направляя по коридору к ее двери.

Затем Геннадий возвысил голос и обратился к домочадцам:

– Граждане, расходитесь! Ложная тревога. На улице Блохина рухнул подъемный кран. Сотрясение почвы. Аварию к утру устранят.

Он замолчал и взглянул на Пирошникова.

– Можно к вам зайти, Владимир Николаевич?

– Заходи, Геннадий, почему нет...

Они вошли к Пирошникову и он притворил дверь.

– Садись.

– Да я на минуточку. Дело в том, что кран не падал. Я обязан был предотвратить панику среди жильцов. Но вы должны знать... – сказал Геннадий.

– А что же это было?

– Возможно, снова начались подвижки.

– Какие подвижки? – не понял Пирошников.

– Ну, вы же подписывали приложение к договору?

– Подписывал, но не читал.

– Ну, тогда я расскажу с начала.

Они сели за стол и Геннадий начал рассказ.

После того, как Пирошников, по выражению вахтерши Ларисы Павловны, «сбежал от Наденьки», а произошло это где-то в середине восьмидесятых годов, с домом начали твориться не совсем понятные вещи.

Собственно, творились они и раньше, но замечены были лишь локально. Дом, а точнее какая-то его часть – квартира или лестница – как бы начинал иногда сходить с ума, что при-

писывалось обычно особому нервическому состоянию какого-нибудь домочадца. Об этом и книжки были написаны, и фильм снимали.

Но дом никогда не обнаруживал желания сойти с ума целиком, как вдруг кто-то первым заметил, что он выпирает из земли – день за днем, месяц за месяцем – по сантиметру, по два. Через полгода уже и окна цокольного этажа, полу-утопленные ранее в специальные колодцы, вылезли на свет Божий целиком, и обнажилась серая бетонная полоска фундамента, которая все увеличивалась.

По ночам перепуганные домочадцы слышали потрескивания и шорохи, кто-то улавливал голоса, которые что-то отдаленно скандировали, но это, скорее всего, нервические домыслы.

Дом пробудился ото сна.

Надо было срочно что-то предпринимать, а для начала исследовать – на чем, собственно, стоит это сооружение столетней давности?

Стали копать и быстро докопались до огромного гранитного валуна, на котором и покоился фундамент, привязанный к валуну весьма грамотно стальными стяжками и шпунтами. Дом и валун составляли единое целое, точнее, фундамент и валун, потому как связь фундамента с самим домом была не столь прочна.

Геодезические исследования показали, что огромный валун этот, в свою очередь, покоился в песчано-глинистой породе, прорезанной подземными ручьями, весьма изменчивой и склонной менять со временем свои формы и перемещаться.

Это то, что геодезисты и гидротехники называют *пльвун*ом.

Иными словами, гранитный неколебимый валун веками был впечатан в тело пльвунуна, а сейчас что-то разладилось в природе, и его стало выносить наверх вместе с покоящимся на нем домом.

Вскоре, лет через несколько, стало уже невозможно не замечать, что дом стоит на неровном гранитном постаменте высотой до метра, что придает ему сходство со странным памятником.

Жителей из дома – кто хотел, а хотели почти все – расселили. И решили в угаре нового энтузиазма создать в доме Музей перестройки. В логике такому решению не откажешь. Перестройка сама была людским пльвунуном – неизвестно куда вынесет.

Но вскоре потихоньку, сантиметр за сантиметром, дом снова стал вращаться в землю. Через год уже и постамент заметно не было, встал на место цокольный этаж, но на этом дело не остановилось – дом продолжал проваливаться тихо, методично и неуклонно.

Впрочем, заметно это было лишь специалистам. В повседневной жизни убывание высоты дома на какой-нибудь сантиметр в сутки совершенно не улавливалось жильцами, но за год под землей оказывался целый этаж!

Снова провели срочные исследования и выяснили, что исчез гранитный валун со скрепленным с ним фундаментом дома – как сквозь землю провалился, в прямом смысле этого слова!

То есть дом теперь опирался своими стенами на пльвун – зыбкую породу, подверженную катаклизмам и влиянию подземных вод. Иными словами, мог рухнуть в любую минуту или провалиться в таргарары.

Конечно, срочно стали подводить под кирпичную кладку стальные листы и бетонные блоки, как-то скреплять, но основы не было. Создать нечто подобное гигантскому валуну инженерная мысль была не в состоянии.

И тогда дом и участок земли, на котором он стоял, а точнее, в который он впивался, как хоботок комара в кожу, продали предпринимателю Джабраилу неизвестной кавказской национальности.

Инвестиционная политика Джабраила была простой: если с одного конца убавляется, с другого должно прибавляться. Поэтому по мере вrastания дома в родную почву и перехода очередного этажа в подземное состояние, сверху мгновенно воздвигался новый этаж. Таким образом, внешне дом был всегда одной и той же высоты, хотя этажность его росла за счет невидимых глазу подземных этажей.

Уже к концу года ожидался перевод цокольного этажа в состояние минус первый с соответствующим пересчетом всей цепочки этажей на одну единицу вниз.

Общественность, как всегда, пыталась бить тревогу, но тревога уже была бита и перебита по более серьезным поводам, да и внешне все было в порядке: дом стоял новенький, отремонтированный, время от времени достраивался лишь последний этаж.

– Так что вы имейте в виду, Владимир Николаевич, – закончил свой рассказ Геннадий. – Если начались подвижки, то скоро здесь будет минус четвертый, а там и минус пятый. Но ничего, лифты хорошие да и вентиляцию делают на совесть.

– А почему бы с появлением нового этажа всем арендаторам не сдвигаться вверх одним махом? – подал рационализаторское предложение Пирошников.

– Ну вы подумайте – каждый год переезд. Кому это надо? У многих здесь какое-никакое производство, оборудование, машины. И все это перетаскивать регулярно. Да и чего ради? Цифирки? Когда углубимся по-настоящему, всем будет решительно все равно, какой там – минус двенадцатый или минус двадцатый!

Пирошникова тут поразил даже не масштаб предполагаемого «отрицательного небоскреба», а вот это: «углубимся по-настоящему». Чем-то неистребимо родным повеяло от этого оборота. Он почти не сомневался, что бизнес-центр такой конструкции уже является предметом патриотической гордости домочадцев.

– Ну, и до каюк пор будем проваливаться? – спросил он, когда Геннадий закончил.

– Владимир Николаевич, я вас прошу воздержаться от терминов «проваливаться» и «тонуть». Мы не проваливаемся и не тонем. Происходит контролируемое перемещение этажей на новые уровни. Я обязан просто по должности не допускать пораженческих настроений.

Пирошников проникся. Здесь все было серьезно, по старинке.

– Но вот толчки нежелательны. Разовые смещения более десяти сантиметров являются подвижками. Причину подвижек будем искать.

И он ушел, оставив Пирошникова размышлять. Впрочем, размышлял он недолго, вскочил со стула и направился к Деметре, рассудив, что эзотерика – именно то, что может ему сейчас помочь.

Она открыла ему, ничуть не удивившись визиту, и пригласила в квартиру.

Жилище Дины-Деметры поражало резким несоответствием всему, что видел пока Пирошников в этом доме. Ни официальный мраморно-никелевый стиль первого этажа, ни убогий вид коридора в минус третьем никак не вязались с этим уютным, располагающим к отдохновению интерьером. С первого взгляда непонятно было, чем создано это впечатление, но приглядевшись можно было заметить, что здесь не было ни единой вещи или детали интерьера моложе семи-восьми десятков лет, а то и целого столетия.

Несмотря на то, что мебель в гостиной вся была старинная, общий вид не создавал впечатления антикварного магазина, как это иногда бывает у нуворишей, накупивших дорогого старья. Все было подобрано с большим вкусом и служило удобству, а не демонстрации роскоши.

Стены были однотонные, кофейного цвета, а вся мебель темного дерева. Несколько картин в старинных рамах можно было не проверять на подлинность – и так было видно, что это оригиналы, писанные давным-давно. Среди них выделялся портрет молодой женщины, похожей на Дину, в национальном костюме с украшениями.

– Моя бабушка, – пояснила Дина, заметив взгляд Пирошникова. – Это армянский национальный наряд.

На полу были прихотливо разложены тонкие персидские коврики ручной работы, по ним было мягко ступать. Резная темная дверь с медной ручкой вела из гостиной в другую комнату, по-видимому, спальню.

– Садитесь, – указала Дина на диванчик с выгнутыми и тоже резными подлокотниками, перед которым находился низкий стол темного дерева. – Хотите чаю?

– С удовольствием...

Пирошников присел на диванчик, продолжая разглядывать комнату, а хозяйка скрылась за дверью. Вдруг он заметил боковым зрением какое-то движение в углу, будто в комнате еще кто-то был. Он повернул голову и увидел себя в напольном зеркале, которого он поначалу не заметил, настолько искусно оно было поставлено в углу, так что увидеть свое отражение можно было, только сидя на диване. Пирошников почувствовал свою неуместность здесь, среди антиквариата.

Дина вернулась с подносом – конечно, не простым, расписанным национальными армянскими узорами, – на котором стояли пиалы, серебряный чайник с выгнутым тонким носиком и тарелочка с печеньем.

Она расположилась напротив Пирошникова на атласном пуфике с кривыми ножками. Чаепитие началось.

– Владимир Николаевич, почувствуйте себя как дома. Расслабьтесь, – сказала хозяйка улыбаясь, и Пирошниковым вновь овладело беспокойство. Лет пятнадцать назад у него не было бы сомнений, что его соблазняют.

– Не бойтесь меня, я вас не съем, – добавила она и рассмеялась.

– Кто вас знает, – проворчал Пирошников и отхлебнул глоток.

Он почувствовал, что беспокойство исчезло.

– Скажите, если это не секрет, что вас заставило снять квартиру в этом доме, да еще в подвале? Судя по обстановке, вы женщина обеспеченная... – спросил Пирошников.

– Да, у меня есть, где жить. Квартира отца в Ереване и здесь, в Питере, однокомнатная. Я тут по профессиональным соображениям...

– Каким же? – удивился Пирошников.

– Они связаны с этим домом. Это непростой дом...

Пирошников поежился. Уж он-то знал, насколько непрост этот дом!

– Здесь чрезвычайно сильное магическое поле. Оно взаимодействует с живущими в доме людьми... – начала Дина.

По ее словам, это взаимодействие разной силы, проявлялось тоже по-разному. Легенды рассказывают об удивительных случаях. Еще в конце позапрошлого века, когда дом был построен и заселен арендаторами, его хозяин, промышленник Стрижевский, построивший дом чисто как доходный, внезапно забросил все дела, оставил семью в своем особняке на Каменно-островском близ Карповки, а сам переселился сюда в одну из квартир.

– И что? – вырвалось у Пирошникова, который с необычайным вниманием следил за ее рассказом.

– Говорят, он сошел с ума. Но при этом и его квартира, как бы это сказать... тоже тронулась. Говорят, в ней можно было летать, то есть в каких-то местах отсутствовала сила тяжести... В этой квартире собирались до революции большевики и плавали там в невесомости. Стрижевский к ним примкнул. Еще что-то подобное говорили...

Пирошников слушал, затаив дыхание.

– Правда, когда он умер, эти явления исчезли, – продолжала Дина. – А сравнительно недавно в этот дом случайно попал молодой человек, с которым связывают целый ворох чудес. Причем происходили они не только в той самой квартире Стрижевского, где он обосновался, но и на лестнице этого дома. Это было тридцать пять лет назад...

– Сорок, – сказал Пирошников.

– Ну вот видите. Значит, вы тоже знаете эту историю...

– Да уж... – вырвалось у него.

– Ну и в новейшие времена дом вел себя странно, в результате чего мы и сидим на минус третьем этаже.

– А в этом кто виноват? – недоуменно спросил Пирошников. – Ведь молодой человек из этого дома давно выехал?

– Об этом история умалчивает, – ответила она. – Но магия определенно осталась. Я это чувствую по своим клиентам. Результаты превосходные.

Пирошников помолчал. У него на языке вертелся вопрос, но он не решался его задать, боясь обидеть. И все же решился.

– А скажите, Дина, насколько велик среди представителей вашей профессии процент... непрофессионалов? Обманщиков, попросту говоря.

– Вы хотели спросить – не шарлатанка ли я? – улыбнулась Дина. – Дайте ваши руки.

– Руки? Зачем?

– Лучше один раз увидеть. Давайте. Обе.

Пирошников нерешительно протянул ей обе руки. Дина мягким движением уложила их на стол и повернула ладонями кверху. Затем она сделала движение ногой, что-то щелкнуло, и откуда-то сверху ударил снопом белый свет, ярко осветивший лежащие на столе ладони Пирошникова.

– Хиромантия, что ли? – догадался он.

Дина не отвечала. Она сосредоточенно разглядывала ладони Пирошникова, изредка дотрагиваясь и проводя по ним пальцами.

– Однако... – сказала она. – Вы разносторонний человек. Много наклонностей и талантов... Но линии не развиваются.

– И какие же это таланты? – чуть насмешливо спросил Пирошников.

– В деловой сфере ваше предназначение лежит в области политики. Но вы родились в такое время, что заниматься политикой в полном смысле слова было невозможно. Ведь членом партии вы так и не стали... Правда, вот тут, видите? – она указала на едва заметную морщинку на ладони Пирошникова. – Вы пробовали уйти в политику в начале девяностых, но это продолжалось недолго.

Пирошников с усмешкой вспомнил анекдотический эпизод в своей биографии, когда по настоянию общественности он выдвинул свою кандидатуру на выборах в городскую Думу от партии «Правое дело» и тусовался в их штабе. Партия тогда была на коне, выражение «когда мы придем к власти» было в большом ходу. Но через пару месяцев Пирошников сбежал оттуда, свою кандидатуру снял и более никогда в политику не лез.

Потому он с удивлением узнал сейчас о своем предназначении, которое так занимало его в тридцать лет.

– В творческой области вам следовало стать композитором... – продолжала Деметра. – У вас определенный талант композитора. Вот здесь, видите.

Вот тебе и на! А он стихи писал, как дурак. Когда нужно было сочинять песни и симфонии, как предписывала эта закорючка на его ладони.

Хиромантия давала явные сбои.

– Перейдем к биографии, – проговорила прорицательница.

И она ровным голосом, продолжая легко прикасаться пальцами к ладоням Пирошникова, словно играя неслышимую мелодию, начала рассказ про его жизнь.

Ладони Пирошникова, а точнее их капиллярные линии, содержали бездну информации о прошлой жизни их обладателя, причем зачастую информации тайной, которую не хотелось бы делать достоянием окружающих.

Так, лет до тридцати судьба Пирошникова складывалась ни шатко ни валко, зацепиться не за что: школа, полтора курса института, служба в армии, потом различные занятия то тем, то этим – творческая, ищущая натура, которая так ничего и не нашла и до творчества не добралась.

Но в тридцать лет случилось из ряда вон выходящее событие...

Тут Дина взгляделась в ладонь Пирошникова внимательнее и проговорила:

– А ведь это случилось сорок лет назад, вы были правы.

– Что случилось? – безмятежно спросил Пирошников.

– Вы стали жильцом этого дома. Боже мой, все сходится. Как я не догадалась сразу!

Пирошников молчал.

– Вы прожили здесь четырнадцать лет с женщиной и ее сыном. Брак вы не оформляли, – читала Дина по ладони. – Работали в двух местах, что-то такое, близкое к творчеству...

– Редактором, – подсказал Пирошников.

– Гражданской жене изменяли. Вижу два романа, внебрачных детей нет. А потом, в середине восьмидесятых, у вас случился еще один роман. Родилась дочь, я правильно говорю?

– Правильно, – подтвердил Пирошников, волнуясь. – Зовут Люба.

– Молодец, Дина, молодец... – похвалила себя гадалка. – И вы ушли в эту семью и оформили брак. Но тут... – она сделала огорченное лицо, – случилось непредвиденное. Ваша молодая жена сама влюбилась... Нечетко вижу. Военный?

– Да. Военный врач, – уныло согласился Пирошников.

– И вы ушли. Это случилось... ага! Семнадцать лет назад. Но вот уже четыре года вы живете один. Все правильно?

– Нет слов! – восхищенно воскликнул Пирошников.

– И теперь вы снова вернулись в свой дом... – задумчиво проговорила Деметра. – Как блудный сын.

– Дина Рубеновна, я беру свои слова назад. Извините, – сказал Пирошников. – Никогда не думал, что хиромантия столь сильна. Вы кудесница.

– Нет, Владимир Николаевич, кудесник – это вы, – покачала она головой. – Надо же, как мне повезло. Я практически буду в эпицентре.

– Эпицентре чего? – не понял Пирошников.

– Скажите честно, вы валяете дурака? Вы правда не чувствуете своей магической силы? И тогда, сорок лет назад, тоже не догадывались о ней?

– Бог с вами! Какая магическая сила? У меня было временное помутнение рассудка. Потом это прошло, – сказал Пирошников.

– Ну-ну. Оставайтесь в счастливом неведении. Только учтите – мы все теперь зависим от вас.

– Вы действительно думаете, что я имею отношение к этому... землетрясению?

– Я уверена.

– Но как, почему? Я лежал на тахте, размышлял... И вдруг...

– Это совсем неважно, что вы делали и о чем думали. Я же не утверждаю, что вы сознательно вызвали эту подвижку. Но через вас дом получает какую-то информацию и реагирует. Вы – его антенна.

Пирошников невольно осмотрел себя – руки и ноги.

– А кто подает сигналы?

– Не знаю. Коллективный разум. Или коллективное бессознательное, что больше похоже на правду.

– Вы хотите сказать, что коллективное бессознательное общества хочет утонуть?

– Я ничего этого не говорила, – она снова улыбнулась.

– Да-да, спасибо...

Пирошников вернулся к себе и некоторое время экспериментировал со своими виртуальными способностями. Например, прилеги на тахту, он некоторое время сосредотачивался, а потом вскакивал рывком и с неопишуемой яростью выкрикивал в пространство:

– А пошло оно всё нах!

Так что котенок Николаич вздрагивал и жалобно мяукал.

Пирошников посылал сначала «все», а потом и сам дом в разные места, но тот хранил полнейшее спокойствие и не сдвинулся ни на миллиметр. Казалось, он издевается над Пирошниковым.

Приходилось снова вступать с ним в борьбу, как и сорок лет назад.

2

Внезапно назначенный антенной коллективного бессознательного, Пирошников сначала почувствовал нечто вроде обиды. Почему бессознательного, собственно? Разве не мог он улавливать главные тенденции в коллективном разуме общества? Разве не нужны эти веяния самому дому, ведущему столь сложную интеллектуальную жизнь? Опять все отпускалось на волю волн, подчинялось случаю. Сознательность погружалась в трясину безволия, дом покорно тонул в пливуне.

Бессознательные домочадцы, смирившиеся с любым исходом событий, транслировали дому через Пирошникова о своем нежелании сопротивляться – и дом не сопротивлялся.

Нет, не просто антенна. Передатчик, подумал он.

Который не знает, что он передает.

Ну и что? Поэт тоже не знает, как он пишет стихи.

Эти возвышенно-умозрительные размышления Пирошникова были прерваны появлением Софьи Михайловны с накладными от книготорговой фирмы «Топ-книга» на поставку новых книг.

Софья Михайловна последние дни, после первой подвижки, образовала неформальный союз с отставником Залманом и все чаще позволяла себе критические замечания в адрес Пирошникова. Старый подводник часами не выходил из магазина, принес даже туда собственный стул, а Софья свой стул в магазин вернула. Приятно было смотреть, как они, сидя у книжных полок с томиками стихов в руках, читают друг другу Тютчева или Блока.

Но, вероятно, обсуждались и другие темы.

На этот раз Софья воздержалась от новых предложений об аренде, которые она высказывала в интернете, но спросила, откуда такое количество стихов молодых поэтов.

– Их ведь не покупают, Владимир Николаевич, – посетовала она.

– Ничего. Мы устроим творческий вечер, чтения молодых... У меня и девиз придуман.

– Какой же?

– «Живите в доме – и не рухнет дом». Арсений Тарковский.

В магазин «Гелиос» зачастили молодые люди с маленькими пачками собственных книг, которые Софья с недовольным видом размещала на полках. А вскоре привезли из клуба «Книги и кофе» позаимствованные там микрофон с усилителем и два мощных динамика и с ними еще пачек тридцать книг. Пирошников махнул рукой: тащите! Вечера, мол, будут традиционными.

Но человек предполагает, а Бог посмеивается.

Еще тащили добровольцы два черных динамика по длинному коридору минус третьего этажа, как снова послышался нарастающий гул, треск – и пол качнулся под ногами. На этот раз не устояло электричество, и минус третий погрузился в полную тьму. Общий крик ужаса

слился в мощный хор, в основном, женских голосов, ибо произошло это рабочим днем, около трех часов, когда в боксах оставались неработающие мамы, пенсионеры и пенсионерки, а также посетители Деметры и салона «Галатей».

Пирошников в этот миг находился во главе процессии звукотехники.

– Спокойствие! – крикнул он в темноту. – Соседи, без паники! Фонари, свечи зажигайте! Мобильники!

И сам помахал в воздухе мобильным телефоном, экран которого слабо светился. То тут, то там ему ответили такими же помахиваниями, в то время как общий гомон продолжался. Появилась первая свеча, затем вторая – и вдруг перед Пирошниковым из темноты возникла та самая мамаша Енакиева с ребенком на руках.

– Вы! Вы испортили! – срываясь на визг, выкрикнула она. – Разве можно сюда это! Не выдержала линия, вы сума сошли!

Она свободной рукой тыкала в темноту за спиной Пирошникова, где угадывались очертания двух черных динамиков.

– Да Бог с вами! Мы даже не включили. Это сотрясение почвы, – попытался оправдаться он.

– И сотрясений никаких до вас не было!

И тут, слава Богу, дали свет, обнаруживший в коридоре человек двадцать домочадцев и посетителей со свечками и фонариками в руках, теперь уже ненужными.

Все стояли, будто на отпевании, с зажженными свечками, вблизи двух маленьких черных гробиков, роль которых исполняли звуковые колонки мощностью по сто ватт каждая.

– Вот видите, – мягко проговорил Пирошников.

– Все равно! Мы жили не тужили. Зачем вам все это? – ткнула она пальцем в микрофон.

– Скоро будет вечер поэзии, – объяснил Пирошников.

– Поэ-эзии?! – не веря своим ушам, протянула мамаша. – На фига нам ваша поэзия! Вы нам жилье нормальное дайте, ребенок в подвале растет! – и она для убедительности потрясла перед Пирошниковым маленькой кудрявой девочкой, которая была на удивление безмятежна и даже весела.

– Извините, я этим не занимаюсь, – сухо ответил Пирошников и, обойдя мамашу, устремился к дверям кафе.

Добровольцы со звукотехникой двинулись за ним.

– Я этого так не оставлю! – заявила Енакиева и спряталась в своем боксе.

Аппаратура была подключена, оставалось дать оповещение о вечере. Но настроение было немного испорчено. На этот раз подвижка произошла в разгар рабочего дня, так что офисы верхних этажей не могли ее не заметить. Геннадий стал появляться чаще и оказывать Пирошникову особое внимание, что не нравилось Владимиру Николаевичу. Ему казалось, что Геннадий его в чем-то подозревает.

Он сообщил, что несколько фирм сверху во главе с банком «Прогресс» подали заявления хозяину бизнес-центра Джабраилу, в котором предупреждали о разрыве договора аренды в случае повторения подвижек.

– Они же подписку дали, что предупреждены! – возразил Пирошников.

– Ну мало ли... Подписка одно, а когда трясет – это другое. К ним клиенты боятся ходить. Банк должен на месте стоять ровно.

– Надо их успокоить. Пригласим на вечер, стихи читаем... Я сам пойду приглашу, – сказал Пирошников.

Геннадий потупился.

– Вы лучше не ходите, – пробормотал он.

– А что случилось? – насторожился Пирошников.

– Разное говорят про вас. Уже и в офисах знают. Что вы влияете... – нехотя докладывал Геннадий.

– Это все домыслы безумной мамашки?

– Нет. Свидетели объявились...

Пирошников изумился. Какие свидетели? Свидетели чего?

– Деметра нагадала? – продолжал допытываться он.

– Владимир Николаевич, не могу я вам этого сказать! – взмолился Геннадий.

– Ну что ж...

Пирошников ощутил, что его окружает двойная стена отчуждения. Плывун с домом на нем, будто тонущий корабль, лишенный управления, в любую минуту мог кануть в небытие, вдобавок его команда, если еще не взбунтовалась, то стала роптать.

Вот-вот пришлют черную метку.

Как-то незаметно он поставил себя на место капитана этого тонущего корабля с враждебной командой и пассажирами. Обе силы были враждебны, от обеих можно было ждать удара в любую минуту.

Удар пока задерживался, но черную метку прислали. Доставил ее Иван Тарасович Данилюк, про которого было известно, что он является следователем прокуратуры, что сразу придавало ситуации ненужную официальность. Впрочем, Данилюк сразу дал понять, что пришел отнюдь не по долгу службы, а как сосед к соседу.

– Вот какая беда, Владимир Николаевич... – доверительно начал он, потирая лысину. – Надо трохи подумать...

– О чем вы, Иван Тарасович? – Пирошников, наоборот, старался держаться строже.

– Так ведь стабильность нарушена... Сползаем черт-те куда.

– О чем же вы предлагаете подумать?

– Шо ж нам працювати? – Данилюк использовал родной язык для задушевности, тогда как русский применял для протоколов.

– И что вы предлагаете «працювати»? – с ненужной язвительностью произнес Пирошников.

– Есть основания полагать, что причиной последних событий в нашем доме являетесь вы, – неожиданно тихо и четко проговорил Данилюк. – Или ваш магазин.

– ... Или поэзия в целом, – подхватил Пирошников.

– За поэзию не скажу, не знаю. От имени группы жильцов я предлагаю вам подумать о скорейшем освобождении площади и переезде в другое место. Вы поняли меня? – Данилюк поднял свои маленькие глазки и в упор просверлил ими Пирошникова.

– Чего ж не понять... – Пирошников взгляд выдержал.

– Ну вот и гарно...

– Скажите мне только, что же это за основания у вас? Откуда взялась эта нелепая мысль? – спросил Пирошников.

– Я вам пока обвинения не предъявляю. Когда предъявлю, вам будет дана возможность ознакомиться с делом.

Данилюк широко улыбнулся и протянул руку. Пирошникову ничего не оставалось, как пожать ее. При этом его ладонь почувствовала ожог черной метки.

3

Теперь мысли Пирошникова были заняты одним: откуда, как получили соседи «основания» для этого дурацкого обвинения? Выходило, что это работа Деметры. Она первая объявила его антенной и связала поведение дома с Пирошниковым.

Вопрос следовало разрешить немедленно, и Пирошников вновь постучался к соседке.

– Дина, скажите мне, только честно, это вы распускаете слухи о моем отношении к этим чертовым подвижкам? – выговорил он, впадая в раздражение к концу тирады.

Дина Рубеновна смотрела на него с сожалением, но не отвечала.

– Как хотите, но это всего лишь ваши домыслы! Спасибо, что поделились, но это еще не делает их истинными! И вот, пожалуйста! Соседи требуют, чтобы я выселился отсюда! – продолжал он в гневе.

– А вы не выселяйтесь, – улыбнулась она. – Но вы ошибаетесь насчет домыслов. Есть люди, которые своими глазами видели, как вам это удавалось.

– Что удавалось?! Кто видел?! – вскричал он.

– А вы подумайте. Это ведь так просто.

И тут только до Пирошникова дошло.

– Лариса Павловна... – прошептал он.

– Вот именно. Вы сделали ее необычайно популярной. Она третий день рассказывает, во что вы превратили ее комнату, посетив ее явно с донжуанскими намерениями, как вы сломали форточку спяну... И как вы совершенно не умеете танцевать.

– Боже мой... – только и сумел выговорить Пирошников.

– Но аттракцион был эффектен, если ей верить. Как вам удалось сделать пол в ее комнате таким кривым? Оказывается, в молодости вы умели демонстрировать уникальные номера, – говорила она с легкой насмешкой.

Пирошников был разбит. Перед его глазами встал тот нелепый давний визит к Ларисе Павловне сорок лет назад, и их танец, и падение на тахту... Боже, как стыдно...

– И... этому верят? – спросил он.

– Ну это хоть какое-то объяснение.

Итак, Пирошников был поставлен перед нелегким выбором. Либо последовать настойчивому желанию соседей и вновь заняться поисками жилья, либо продолжать гнуть свою линию и прививать «к советскому дичку» классическую розу Поэзии.

Решение должно найтись само! – постановил он. Между прочим, в жизни Пирошникова так чаще всего и бывало. Он просто останавливался перед затруднительным выбором и ждал – что ему пошлет Господь Бог.

И тот никогда не подводил его.

...Тихий стук в дверь раздался за полночь. Пирошников не спал, читал лежа новый номер журнала «Арион», который выписывал, чтобы вдоволь поиздеваться над публикуемыми там стихами. Слушателем его критики был котенок Николаич, всегда разделявший взгляды Пирошникова.

Пирошников открыл дверь.

За дверью стоял долговязый молодой человек с усиками, к которым был приложен указательный палец.

– Тсс!.. Я вас умоляю, – прошептал он.

Пирошников прекратил пение и осмотрел пришельца.

– Слушаю вас.

– Я Максим Браткевич, не припоминаете? Был у вас на новоселье, – продолжал он шепотом.

– Да, вспомнил. Чем обязан? – Пирошников был насторожен, а потому строг. Соседи по этажу вызывали подозрение.

– Можно пройти? – умоляюще попросил Максим, оглядываясь.

Пирошников пропустил его в комнату и усадил на стул. Максим сел и сложил руки на коленях. У него был вид, будто он собирается катапультироваться.

– Простите, что я так поздно. Я не хотел, чтобы нас видели вместе... – проговорил он отрывисто.

Он явно нервничал.

– Ладно, пустое. Что привело вас ко мне?

– Я ваш фанат, – объявил он.

«Только этого не хватало!» – подумал Пирошников, вслух же сказал:

– В чем это выражается?

– Я не только фанат, я исследователь. Три года назад, как только бизнес-центр объявил об аренде, я снял здесь квартиру. А до этого исследовал вне дома...

– Что же вы исследовали?

– Пространственно-временные аномалии объекта. Впервые я прочел о феномене дома в одной популярной книжке, ее причисляли к фантастике. Но я понял, что там рассказана подлинная история. Тогда же я пытался разыскать вас, но вы уже отсюда уехали. А дом я нашел с помощью своего прибора. Вот он...

С этими словами Максим сунул руку в карман брюк и вытащил блестящий металлический шарик – точь-в-точь какие применяют в подшипниках. Диаметром сантиметров в пять.

Он положил его на пол и шарик принялся медленно кататься по гладкому полу, будто вычерчивая какую-то кривую.

– Видите? Он движется по эвольвенте. Это значит, что поле времени не нарушено, но есть напряженность пространства. Иначе бы он был в покое.

Пирошников тупо смотрел на шарик. Так вот, кем он был, оказывается! Он был таким же шариком, так же двигался по эвольвенте, отмечая аномалии этого старого дома, а потом связал с ним жизнь, жил и любил здесь... по эвольвенте. Черт побери! Да что же означает это слово?!

Он встрепенулся и бросился к ноутбуку. Через минуту Яндекс выдал ему ответ.

«Эвольвента – кривая, описываемая концом гибкой нерастяжимой нити (закрепленной в некоторой точке), сматываемой с другой кривой, называемой эволютой...»

Теперь загадок было ровным счетом три. Эволюта, эвольвента и гибкая нерастяжимая нить, черт ее дерит!

Пирошников спросил, кто есть кто в данной ситуации.

– Вы – прибор. Эволюта – кривая, по которой движется пловун, а эвольвента – это ваше движение. Вы связаны с ним нитью, условно говоря. Но она не материальная, а информационная.

«Так и есть. Прибор. Шарик,» – отметил про себя Пирошников и устало спросил:

– И чего же вы хотите?

– Я хочу попросить вас принять участие в исследованиях. Чтобы мы работали не с моделью, каковой является шарик, а непосредственно с субъектом...

– Со мной, что ли? – догадался Пирошников.

– Да! Да! – радостно закивал Максим.

– Что же я должен делать?

– Ничего! Решительно ничего! Вы просто будете всегда носить на себе маленький датчик. Чип, микросхему, которая будет передавать сигналы на мою аппаратуру. Я его оформил так, чтобы он не бросался в глаза, был естественен...

Он полез в другой карман и вынул маленькую коробочку, вроде как для хранения драгоценностей.

– Вот, посмотрите... – он протянул коробочку Пирошникову.

Тот раскрыл ее и увидел лежащий на голубой атласной подушечке маленький золотой крестик на тонкой цепочке.

4

Скажем прямо, обстановка для проведения вечера поэзии на минус третьем была не самая благоприятная. Но Пирошников как классический Козерог не привык уклоняться от цели. Уже через пару дней были готовы афиши, предназначенные для развешивания на этажах здания и в многочисленных офисах. Мероприятие было локальным, город решили не оповещать, «Приют домочадца» был слишком тесен для города. Но тем не менее сотню красочных листовок формата писчего листа Пирошников напечатал.

На следующее утро он отправился с этой рекламной пачкой на верхние этажи, чтобы лично убедить «офисный планктон» в необходимости Поэзии в тонушем доме. С собою он прихватил моточек липкой ленты для развешивания листовок.

Для начала он поднялся на первый этаж, где рядом с будкой вахтера находился указатель учреждений, работающих в бизнесцентре. Пирошников хотел узнать, где же располагается банк «Прогресс», возглавивший кампанию против него.

Как назло, дежурила в то утро Лариса Павловна, которая восседала в будке, одетая в униформу синего цвета с какими-то знаками отличия на рукавах – то ли метрополитена, то ли Аэрофлота.

Рядом с нею, прямо за турникетом, стояла молодая женщина в позе, выдающей почти-тельное внимание. Короткая стрижка делала ее похожей на подростка, да и слегка угловатая хрупкая фигурка тоже. Лариса Павловна, по всей видимости, о чем-то рассказывала женщине, но с появлением из лифта Пирошникова тут же замолкла.

Обе женщины уставились на Пирошникова с видом застигнутых врасплох. Нетрудно было догадаться, что говорили о нем. Поэтому Пирошников сразу перешел в наступление.

– Лариса Павловна, я попросил бы вас поменьше заниматься сплетнями, – заявил он, на что Лариса Павловна всплеснула ладонями и изобразила на лице самое натуральное изумление.

– Да кто вам... – начала она.

– Мне рассказывали, – прервал ее Пирошников.

– А что, разве я неправду говорю?! – перешла в контратаку вахтерша.

– Мне все равно, что вы говорите обо мне, но плести всякие... антинаучные бредни...

Это слишком. Вы восстанавливаете против меня общественное мнение.

– Ах, это я, оказывается, виновата! – Лариса Павловна попыталась привлечь взглядом собеседницу на свою сторону. – Пол у меня дыбом встал! На ногах устоять было невозможно! Можете себе представить?!

Молодая женщина с восхищением посмотрела на Пирошникова, не в силах вместить в себя эту картину.

Пирошников подошел к доске объявлений и принялся демонстративно приклеивать листовку на свободное место.

Там было написано:

«ЖИВИТЕ В ДОМЕ, И НЕ РУХНЕТ ДОМ!»

Поэтические чтения

в кафе «Приют домочадца» (этаж «—3»).

В программе:

молодая поэзия,

классика,

силлаботонические практики!

Украшал текст рисунок, выловленный в интернете и изображавший шеренгу каменных истуканов, напоминавших Пушкина. По замыслу Пирошникова, этот рисунок в соче-

тании с загадочными силлаботоническими практиками должен был придать мероприятию необходимую привлекательность. Он заранее договорился с Диной, что она в конце вечера проведет сеанс коллективной медитации под чтение пушкинских стихов.

Дина, будучи женщиной практичной, от бесплатной рекламы не отказалась.

Конечно, в душе Пирошникова все восставало против подобных приемов, но таково было веяние времени, блеск и нищета неодаканса.

Лариса Павловна дождалась, пока Пирошников приклеит последнюю полоску скотча на уголок листовки, а затем скомандовала:

– А теперь снимите!

– Почему? – вскинулся Пирошников.

– Не положено.

– Все согласовано. Попробуйте только убрать! – неожиданно для себя веско проговорил Пирошников, указывая пачкой бумаги куда-то вверх. – Где у нас банк «Прогресс»?

Он принялся шарить глазами по указателю.

– Второй этаж! – услужливо подсказала слушательница вахтерши. – Я вас провожу. Я там работаю. Операционисткой, – смущаясь, уточнила она.

Лариса Павловна проводила ее презрительным взглядом.

Пирошников с женщиной поднялись на второй этаж по мраморной лестнице. Пирошников искоса посматривал на свою спутницу и видел, что она его немного побаивается и в то же время горда своей ролью. Он понял, что незаметно стал звездой, Вольфом Мессингом местного значения, но признание пришло слишком поздно. Сейчас он не мог не то что вздыбить пол, но даже пройти незамеченным мимо милиционера при входе в банк. Он и не пытался этого делать, а показал паспорт.

– Вы кого хотите увидеть, Владимир Николаевич? – спросила она, и Пирошников с удовольствием отметил и то, что знает, как его зовут, и то, что обратилась по имени-отчеству.

– А кто у вас здесь главный?

– Управляющий. Гусарский Вадим Сильвестрович, – сказала она.

– А вас как зовут? – улыбнулся он.

– Серафима Степановна.

– Спасибо, Серафима Степановна.

Он вдруг почувствовал, что она ему симпатизирует, а может быть, невольно тянется к нему. Это забытое чувство безотчетного робкого притяжения к женщине на секунду смутило Пирошникова. Он в этом смысле поставил на себе крест несколько лет назад и с тех пор запретил себе амурные мысли. Но они нет–нет да пробивались сквозь скорлупу старческого вынужденного целомудрия.

Они подошли к двери, на которой висела табличка «Управляющий отделением», и Серафима, шепнув Пирошникову «Сейчас я доложу», скрылась за нею.

Ее не было минуты три. Наконец она вышла и, не прикрывая двери, объявила:

– Вадим Сильвестрович ждет. Потом зайдите ко мне, пожалуйста. Я в операционном зале, – тихо добавила она.

Пирошников вошел в кабинет.

Управляющий при первом взгляде показался Пирошникову юношей лет семнадцати – белобрысый, щуплый на вид, однако в безукоризненном костюме и при галстукe. «Пацанчик», – мелькнуло у Пирошникова. Вадим Сильвестрович встал со своего рабочего кресла и, обойдя стол, приблизился к Пирошникову. И по мере этого приближения, с каждым шагом возраст его прибавлялся, так что, когда он протянул Пирошникову руку, ему было уже все сорок, и в чертах его лица появилось что-то неестественное, свойственное лилипутам. «Подтяжку, что ли, сделал?» – успел подумать Пирошников и пожал руку, которая оказалась узкой и холодной.

Это был вечный офисный мальчик, начавший карьеру аккурат на сломе времен и дослужившийся до управляющего отделением.

Он источал радушие и готовность помочь, хотя облик его не вязался с традиционным представлением о банкирах, как о румяных толстяках. Наоборот, гладкая белая кожа обтягивала лицо, и было непохоже, что сквозь нее может пробиваться щетина.

– Наслышан, наслышан... – ответствовал он, едва Пирошников назвал себя. – Рад, что мы теперь соседи. Это честь для нас...

Пирошников не ожидал такого приема. Он готовился защищаться и доказывать, что не имеет отношения к странным подвижкам дома. Но что-то переменялось вдруг, теперь ему здесь рады...

Возможно, операционистка Серафима успела кратко доложить шефу о подвигах Пирошникова – как в отдаленные времена, так и сегодня. Но при чем здесь честь?

– Я не очень понимаю... – осторожно начал он. – Возможно, вы меня с кем-то путаете?

– Нет-нет! – энергично возразил белобрысый управляющий. – Легендарный Пирошников! Паранормальный экспириенс... где-то в начале семидесятых. Мои сотрудники разыскали и фильм, и брошюру, хотя это было трудно. В те времена паранормальные явления были под запретом, вы это лучше меня знаете...

Пирошников вспомнил молодого журналиста, прослышавшего о странных явлениях в доме на Петроградской стороне и явившегося к Пирошникову за разъяснениями сорок лет назад... Потом он тиснул статью, затем издал брошюру. А фильма Владимир Николаевич так и не посмотрел – ему было неинтересно. И вот на тебе – «легендарный»!

Все это давным-давно кануло в Лету, и ему совсем не хотелось продолжать ту легенду.

– Я, собственно, не за этим... – начал он.

– А что? Кредитная линия? Облигации? Пластиковая карта? Мы сегодня же откроем вам счет, – деловито затрещал управляющий.

– Нет-нет! Я о вечере поэзии... – Пирошников протянул ему афишу.

Гусарский окаменел и несколько секунд неподвижно смотрел на Пирошникова, точно бык на корриде, которому заморочил голову тореадор.

– Поэзии... – повторил он и вдруг мелко расхохотался. – «С дуба падали листья ясеня...» Хм. Поэзии...

Он пробовал на вкус это слово, словно впервые слышал.

– И чего же вы хотите?

– Пригласить вас и ваших сотрудников, – просто ответил Пирошников.

Гусарский взял афишу, расстелил ее на столе для заседаний и внимательно изучил.

– Позвольте... – он вынул из кармана авторучку. – Это элементарный маркетинг.

И он приписал снизу под словами «силлаботонические практики» фразу: «При участии специалиста по паранормальным явлениям, мастера полтергейста Владимира Пирошникова».

– Вот так, – он вернул афишу Пирошникову. – И я гарантирую полный зал.

Пирошников ужаснулся.

– Но я не... Я не полтергейст...

– Правильно. Но вы умеете это делать. И сейчас снова в форме. Мы все это ощущаем, – попробовал пошутить Гусарский. – Я тоже не Доу Джонс, но я знаю, как он работает. В конце концов, никто не требует, чтобы вы поставили дом вверх тормашками. Расскажите об опытах в молодости. Молодые вас плохо знают, напомните им, покажите, кто в доме хозяин... Мы с вами все преодолеем, у нас получится! – расплылся он в улыбке.

Кто в доме хозяин... Эта фраза продолжала звучать в ушах, когда Пирошников спускался в свой подвал, приобретая все больше нежелательных интонаций – от иронически-вопросительных до попросту издевательских.

Болели ноги. Пирошников тяжело дышал, проклиная все на свете. Легендарного героя не вытанцовывалось.

5

Лишь на следующее утро Пирошников вспомнил, что миловидная операционистка Серафима зачем-то просила его зайти, а он позабыл об этом приглашении. Настолько был ошарашен своей открывшейся легендарностью.

Похоже, из него начинали лепить шарлатана, торгующего своими мнимыми подвигами в молодости. Таких легенд сейчас до черта, особенно на эстраде. Выходит траченное молью старичье, о котором забыли сто лет назад, и вдруг выясняется, что это легендарная группа. Пирошников совсем не собирался вступать в их компанию.

Но афиши с надпечаткой, где значилось его имя, уже висели. Надпечатку сделал банк «Прогресс». Афиши висели по всему дому, слава Богу не на улице.

Снова, как в те давние времена, начинало возникать ощущение, что дом диктует ему свою волю, что здесь он не может жить, как хочет, а вынужден соразмерять свои поступки с его поведением.

До вечера поэзии, а точнее сеанса паранормального специалиста, как того пожелали обстоятельства, оставалась неделя. Делать нечего, надо было идти к Дине на консультацию.

Она встретила Пирошникова усмешкой. Ожидала его визита сразу, как только увидела афиши с его фамилией, но он пришел лишь через несколько дней.

– И что же вы намерены делать? – с ходу задала она вопрос.

– Да я и пришел это спросить. Как я должен себя вести?

Дина вздохнула, пригласила его к себе и поставила посреди комнаты.

– Стоять нужно на месте, смотреть в зал и делать пассы. Какие вам удобно. Ну, например...

И она стала делать круговые движения раскрытыми ладонями, обращенными к воображаемому залу. Пирошников попытался повторить, чувствуя себя в глупейшем положении.

– Сымпровизируйте! – скомандовала Дина.

Пирошников продолжил круговые движения лишь одной левой, а правой принялся делать возвратно-поступательные движения в сторону зала, как бы гоня туда невидимые волны.

– О! Да у вас талант! – насмешливо воскликнула она.

– А говорить? Что говорить? – обеспокоенно спросил он, не переставая размахивать руками.

– Говорить нужно два слова. Первое – «Мо! Мо! Мо!». Низким голосом, медленно и протяжно.

Пирошников начал мычать.

– Мо!.. Мо-о!.. Мо-о-о!..

– Отлично! – похвалила она.

– А второе? – поинтересовался он.

– Второе высоким голосом, быстро: «Кизэй! Кизэй! Кизэй!» Как удар хлыстом!

– Мо, мо-о-о, мо-о-о, кизэй, кизэй, кизэй! – с удовольствием повторил он.

Ему начинало это нравиться. Идиотизм крепчал с каждой минутой.

Они повторили все вместе с движением.

– Ну вот. Примерно так, – сказала Дина.

– А что это значит? Мо? Кизэй?

– Это на древнекхмерском. «Мо» – это просто «тихо». А «кизэй» означает «Вселенная слышит тебя и меня».

– Так длинно?

– Да. Это иероглиф, – невозмутимо отвечала Дина.

Пирошников вернулся к себе и некоторое время тренировался перед зеркалом, беззвучно мыча «мо» и шепотом выкрикивая «кизэй». При этом не забывал делать пассы. То и другое выглядело, как ритуальные танцы папуасов в Новой Гвинее.

Внезапно пришла из лавки Софья и сухо проговорила:

– Владимир Николаевич, вас там спрашивают.

Пирошников не успел полностью сбросить с лица остатки выражения «кизэй» – довольно зверского, надо признать – так что Софья отшатнулась в ужасе.

А Владимир Николаевич прошел в магазин, где у полок дожидалась операционистка Серафима.

– Вот я пришла, – простодушно сказала она.

– Здравствуйте, Серафима Степановна, – провозгласил Пирошников, слегка недоумевая: зачем она пришла?

Но она молчала и смотрела на него, будто ожидая чего-то. Пирошников смутился. Да еще Софья вертелась рядом, наострив уши и как бы поправляя книги на полке.

– Зайдемте ко мне, – предложил он.

Они перешли в жилище Пирошникова. Он усадил женщину за стол, а сам собрался готовить кофе. Но не обнаружилось фильтров, да и чашки все были грязные и ожидали мытья в раковине умывальника. Серафима смотрела на него с улыбкой.

Пирошников смущенно развел руками и уселся за стол.

– Извините... А вот... откуда у вас это имя... несовременное такое... – он не нашелся спросить ничего лучшего.

– Это родители. Они верующие. Хотели, чтобы я была, как ангел, – улыбнулась она.

– Шестикрылый?

Она рассмеялась, кивая.

– Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился, —

продекламировал Пирошников. – Знаете?

– Пушкин, знаю, конечно, – ответила она.

– Да. А что этот серафим сделал с автором? Помните?

Она утвердительно кивнула.

– Он вырвал ему язык, заменил его змеиным жалом, затем вынул из груди сердце и на его место положил горящий уголь. А потом отправил куда-то глаголом жечь сердца людей! Вот вам и ангел! – сделанным возмущением проговорил Пирошников.

– Да, да! Правильно! – обрадовалась она.

– Ничего себе – правильно!.. Ну, а что вы собираетесь со мною сделать?

– А я просто помогу вам, хорошо? – спросила она, оглядывая комнату.

– Зачем? Ну что вы... – попытался протестовать он.

– Я же за этим пришла. Вы один живете. Смотрите, как запущено, – обвела она рукою квартиру.

И, не дожидаясь его ответа, принялась хлопотать по хозяйству. Николаич вертелся у нее под ногами и терся спинкой. Пирошников наблюдал за ними. Странно, но это вторжение в его жизнь не вызвало протеста. Чувствовалось, что женщина не решает задачу своего жизнеустройства, а просто помогает ему разобраться со своим.

Серафиме было лет тридцать пять или немного меньше, по ее сноровке можно было догадаться, что ей не в диковинку вести хозяйство. Возможно, она замужем. Или была...

Определенно, она начинала ему нравиться. Он попытался снова отогнать эти мысли, но безуспешно.

Уборка продолжалась недолго, а затем Серафима, подхватив продукты из холодильника и необходимую утварь, удалилась на кухню готовить ужин.

Пирошников поднялся из-за стола, за которым он сидел с ноутбуком, и достал бутылку испанского вина и два бокала.

Пока ее не было, он успел обдумать ситуацию, чтобы решить, как себя вести. Она столь открыто и откровенно шла ему навстречу, что впору было заподозрить какие-то посторонние мотивы, кроме желания помочь одинокому пенсионеру. Но даже если только это – не всем же пенсионерам она помогает? Что именно выделило его? Рассказ Ларисы Павловны о его мистических подвигах, скорее, мог оттолкнуть и испугать ее...

И все же интерес молодой привлекательной особы повысил настроение, заставил собраться и почувствовать себя чуть ли не мальчишкой, узнавшим, что он нравится однокласснице. Его выбрали. Странные мысли в моем возрасте, подумал он.

Тем не менее, он не стал развивать тему сексуального притяжения, а ограничился чисто человеческим интересом, то есть стал за ужином расспрашивать Серафиму – кто она и откуда, чем занимается в банке, где живет и тому подобное.

Она отвечала просто, без всякого кокетства, вполне вероятно, находя интерес Пирошникова естественным. Довольно скоро ему показалось, что он знает ее давно, а возраст не играет роли. Пирошникову стало легко, флер адюльтера растаял без следа.

Он узнал, что Серафима по профессии учительница, закончила педагогический институт и несколько лет вела начальные классы в Парголово, ближнем питерском пригороде, где жила с родителями в старом деревенском доме. Но потом школу закрыли, и она пошла на курсы банковских служащих, поскольку заработки в школе были мизерные и семья нуждалась в средствах. Серафима была старшей из семи детей в семье с православными традициями и помогала матери растить младших братьев и сестер.

Успела она и замужем побывать, правда, недолго, меньше года, а потом снова вернулась в старый парголовоцкий дом. Сейчас там из ее младших братьев и сестер осталось лишь трое, остальные выпорхнули из родительского гнезда.

...Он проснулся ночью и, лежа на своей кушетке, всмотрелся в темноту, где у противоположной стены комнаты спала на диване Серафима. Слабо светящийся прямоугольник фальш-окна на этот раз создал иллюзию космического корабля, летящего в пространстве, и Пирошников вдруг впервые осознал это по-настоящему. Он давным-давно знал, что Земля летит куда-то в холодном космосе вместе с миллиардами своих живых обитателей – людей, зверей, птиц, мух и всяких инфузорий. Но только сейчас он это почувствовал – и ужас пронзил его. В этом была запредельная одинокость, последняя степень отчаяния. Нам некому помочь, мы одни – и только мертвые тела астероидов караулят нас на пути, чтобы убить.

Мы осмелились жить в этом необъятном пространстве. Зачем? Зачем?

Ужас смерти опять подкрался к нему и он, скорее инстинктивно, будто хватаясь за соломинку, прошептал в темноту:

– Ты спишь?

– Нет, – мгновенно отозвалась она.

Его сразу отпустило. Он был не один.

– Почему ты не спишь? – спросил он.

– Вы проснулись – и я проснулась. Я вас чувствую.

– Иди ко мне, – позвал он.

– Идите вы лучше. У меня просторнее.

И Пирошников пришел к ней, и они полетели дальше.

6

Софья Михайловна явилась на работу, как всегда, к десяти утра и первым делом поступалась к шефу. Формальный повод у нее был – по дороге на работу она зашла в бухгалтерию и получила там очередные счета за аренду и коммунальные услуги. Но счета и сами добрались бы до магазина, а истинная причина была в том, что Софья желала убедиться – ушла ли Серафима.

И предчувствие ее не обмануло. Пирошников и Серафима завтракали.

– Заходите, Софья Михайловна! Хотите чаю? – пригласил ее Пирошников как ни в чем не бывало.

– Нет, спасибо... – Софья как-то нехорошо покосилась на Серафиму. По-видимому, сама мысль о том, чтобы сесть за стол с нею, показалась ей оскорбительной.

– Знакомьтесь, я вам вчера не представил. Это Серафима...

– Очень приятно, – выдавила из себя Софья. – Я пойду? Там салон открыт...

– Да-да, идите, спасибо.

Софья вернулась в лавку, где уже поджидал ее любитель поэзии Залман.

– Семен Израилевич, вы представить себе не можете! У нашего директора на старости лет поехала крыша! – всплеснула руками Софья.

– Как вы сказали? – насторожился отставник.

– Ах, простите! Этот жаргон вылезает, как его ни души. Он спятил, форменным образом спятил!

Если бы Софья, или Залман, или даже профессор Ганнушкин совсем из другого романа заглянули бы в комнату Пирошникова через пять минут, то получили бы полное подтверждение этим словам. Они увидели бы там такую картину.

Пирошников, взгромоздившись на стул, стоявший посреди комнаты и изображавший сцену, делал свирепые пассы в сторону сидящей на диване Серафимы и повторял волшебное заклинание:

– Моооо! Кузэй! Моо! Кузэй!.. А теперь вместе! – и он взмахнул обеими руками, как дирижер.

И Серафима подхватила весьма музыкально.

– Мооо! Кузэй!!

Она повалилась набок на диван и залилась хохотом. Пирошников, неловко спрыгнув со стула и на секунду скривившись от боли в суставе, присоединился к ней, тоже хохоча.

Отсмеявшись, он сказал:

– Меня побьют. Помнишь, в «Приключениях Гекльберри Финна», как их изваляли в перьях?

Серафима лишь помотала головой, преданно глядя на Пирошникова.

– Ладно. А лекцию Остапа Бендера о Нью-Васюках помнишь?

– Помню. Смотрела кино. Они спасались на лодке.

Пирошников задумался на секунду, а потом притянул ее к себе и поцеловал.

– Золотце ты мое. Может, это и к лучшему.

Однако чем ближе было к вечеру, тем больше Пирошниковым овладевало волнение. Неприятным предзнаменованием явилась обнаруженная идеологическая диверсия, а именно, на нескольких афишах с разных этажей жирным черным фломастером была нарисована свастика. Две афиши сняли и принесли Пирошникову, затем посланная им Серафима обежала все этажи и принесла еще три.

Серафима, как выяснилось, заранее взяла отгул на этот день и потому находилась подле Пирошникова, исполняя все его поручения.

– Ты мой ординарец, – пошутил он.

– Нет. Я ваша семья. Вам без семьи нельзя.

– Семья? – он попытался перевести все в шутку. – «Я семья. Во мне, как в спектре, живут семь я. Невыносимых, как семь зверей. А самый синий свистит в свирель...» Не спрашиваю, кто, потому что не знаешь. Это Вознесенский, когда тебя еще на свете не было.

– Что он понимает в семье? – обиделась она. – Он красуется. Семья это просто. Это мир и покой в душе. У каждого. У нас дома такая семья... А вы на моего папу похожи.

Софья советовала вызвать милицию на всякий случай. Показать свастики и попросить подежурить во время вечера. Но Пирошников не согласился. Он не верил, что кто-то хочет помешать вечеру.

– Как-нибудь сами справимся. Да и Геннадий начеку. Не будем раскачивать лодку.

Эти его слова оказались в каком-то смысле пророческими, однако с обратным знаком.

Но обо всем по порядку.

Поначалу публика собиралась вяло, больше было выступающих молодых поэтов, которые, сбившись в углу кафе за столиком, определяли очередность выступлений, договаривались о регламенте, в результате чуть не разодрались. Все прекрасно понимали, что первые по порядку получают больше внимания и пусть и непреднамеренно станут отщипывать время у последних. Пирошников как устроитель отвел на поэтические чтения ровно два часа, намереваясь закончить их в девять вечера, после чего подать слушателям силлаботонические практики.

В половине седьмого с верхних этажей бизнес-центра повалил офисный народ. Сразу стало понятно, что кафе вряд ли вместит всех желающих. Геннадий и его дружина зорко следили за порядком, и в какой-то момент Геннадий скомандовал охране:

– Выносить столы! Стульев оставить только один ряд.

Стол поплыл в коридор и встал там цепочкой, а за ними и стулья. Осталась лишь дюжина, образовавшая первый ряд, который Геннадий забронировал за выступающими. Остальные места были стоячими. В роли сцены выступали три невесты откуда взявшиеся деревянные поддона, на которые обычно ставят контейнеры в универсамах. Их то ли выпросили, то ли откуда-то тихо увели молодые стихотворцы, которым необходимо было возвышение. И они его добились.

Бочком протиснулся в кафе Максим Браткевич, прижимая к груди маленькую черную коробочку с мерцающим на крышке зеленым светодиодом.

И даже мамаша Енакиева пришла, правда, без дочки, но зато эффектно накрашенная и в длинных сережках.

Дина тоже готовилась к выступлению, но в свои планы Пирошникова не посвящала.

– Для вашего успеха очень важен момент импровизации, – сказала она.

– Какого успеха? – не понял Пирошников.

– Вот мы и посмотрим какого... – рассмеялась она. – Ничего не бойтесь и ничему не удивляйтесь!

Естественно, такое напутствие не могло не ввести Пирошникова в полный ступор. Лишь только он воображал себя на этом деревянном помосте, на виду у толпы домочадцев делающим пассы и завывающим «моо-кузэй!», как им овладевал ужас. Никакое чувство юмора уже не работало. Фрик Владимир Николаевич никогда не был.

Во всяком случае, по собственному желанию.

К семи часам пространство от первого ряда стульев до задней стены кафе заполнилось народом численностью до полутора сотен. Домочадцев и «белых воротничков» было примерно поровну. Представители банка «Прогресс» составляли большинство среди офис-

ных, может быть, потому что управляющий Гусарский пожаловал самочинно и занял место по центру, как раз за спиною Серафимы, которую Пирошников, невзирая на косые взгляды домочадцев, усадил в центре первого ряда рядом с поэтессами.

Гусарский, увидев Серафиму на почетном месте, удивленно вскинул брови, но промолчал. К чести Серафимы, следует сказать, что она вела себя с завидным хладнокровием и естественностью – скромно, но с достоинством.

Помост, возвышавшийся над полом сантиметров на пятнадцать, был укрыт тонким персидским ковром из коллекции Дины Рубеновны, а у стен стояли софиты на высоких штативах – по одному с каждой стороны, – которыми управляли молодые люди, приглашенные Диной.

Задником импровизированной сцены служила барная стойка, с которой убрали бокалы, поставив две вазы с белыми розами. Это тоже сделала Дина.

Пирошников суетился в коридоре, обговаривая с прорицательницей сценарий. Она не желала усаживаться в первом ряду и сказала, что войдет прямо на помост, когда начнется второе отделение и Пирошников ее объявит. Решили, что спектакль будет без перерыва.

– Когда я вручу вам жезл, вы начнете читать стихи, – предупредила она.

– Какие?

– Какие угодно. Пушкина.

На Дине было черное вечернее платье с блестками, волосы стянуты в узел, глаза сильно подведены тушью.

– Ну, с Богом, Владимир Николаевич, – наконец сказала она. – Начинайте!

Пирошников открыл дверь в кафе, увидел устремленные на него взгляды, вдохнул воздух всюю грудью и вышел на помост.

Осветители выключили общий свет, оставив гореть софиты. Они ослепили Пирошникова, в темноте были видны лишь блестящие глаза зрителей.

– Здравствуйте! – выдохнул он в зал.

Раздались неуверенные аплодисменты.

– Начинаем поэтические чтения, посвященные дому, в котором мы все живем. Где нас свела судьба... – продолжал Пирошников. – «Живите в доме – и не рухнет дом!»

Пожалуй, начало было слишком пафосным, он сам это почувствовал, потому что народ несколько притих и посерьезнел.

А Пирошников представил ведущего поэтической части вечера – это был староста литературного объединения Роберт Калюжный, могучий молодой человек, бывипш толкатель ядра, а ныне поэт–верлибрист. Он ступил на помост, отчего тот угрожающе заскрипел и, обернувшись к залу, стал говорить о литературном объединении.

Пирошников сделал два шага вперед, опустился на стул рядом с Серафимой и только тут перевел дух.

Он слушал стихи невнимательно, не мог сосредоточиться, лишь наблюдал, как реагирует Серафима. По ее лицу было видно – нравятся ей стихи или нет. Чаще всего оно выражало недоумение, но иногда какой-нибудь поэтессе удавалось задеть Серафиму за живое, и тогда глаза ее влажнели, она украдкой вытирала их платочком.

Так прошли два часа, томительные для Пирошникова. Стихи слились в сплошное монотонное жужжание, и лишь в мозгу у него время от времени вспыхивало древнекхмерское заклинание.

Наконец последняя поэтесса получила свою порцию аплодисментов, и бывший спортсмен объявил об окончании чтений.

Пирошников немедля вышел на сцену и, подняв руку, громко крикнул:

– Тишина!..

Зал притих.

– А теперь – силлаботонические практики! Экстрасенс и прорицатель Деметра!
И он сделал жест в сторону двери.

Заиграла музыка, погасли софиты, лишь один луч маленького прожектора высвечивал яркое круглое пятно на двери. Та медленно распахнулась, и в зал вошли два мальчика в чалмах, которые несли перед собой прозрачные стеклянные чаши с водой, где плавали лепестки белой розы. За ними вошла Деметра в черной полумаске.

Замыкала процессию девочка лет семи в костюме феи, которая несла в одной руке жезл, оклеенный серебряными звездочками, а в другой – нечто среднее между шапкой Мономаха, чалмой и шутовским колпаком.

Короче, это было сказочно. Зал замер.

Процессия двигалась медленно. Чтобы пройти несколько метров до помоста, жрице потребовалась целая минута. Наконец она вошла на сцену, а ее маленькая свита выстроилась вдоль барной стойки. Прожектор погас и вновь зажглись софиты. Деметра сделала шаг вперед и объявила: – Верховный демиург, мастер силлаботонических практик и король полтергейста Владимир Пирошников!

Вся ее маленькая камарилья, обойдя помост спереди, гурьбой приблизилась к ней и протянула свои дары.

Деметра обеими руками подняла головной убор и водрузила его на Пирошникова. Затем она, двигаясь, как в замедленном кино, приняла от феи жезл и вручила его Владимиру. И наконец, опустив обе ладони в чаши, она зачерпнула воды с лепестками и окропила демиурга.

Все это происходило под музыку первой части «Лунной сонаты» Бетховена.

Закончив обряд посвящения, она сделала шаг назад. Пирошников понял, что сейчас его выход. Лицо было мокрым от воды, на пиджак налипли лепестки розы, но поделаться с этим ничего было невозможно. Он выдвинулся вперед, приподнял жезл и начал, завывая:

Зачем клубится вихрь в овраге,
Вздымает листья, пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо пашен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень... Спроси его.
Зачем Отелло своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру, и орлу,
И сердцу девы нет закона...
Таков поэт!..

Пирошников остановился и взглянул в зал. Сотни глаз смотрели на него из темноты. Минута была прекрасна. И прервал ее женский пронзительный крик:

– Вы не поэт! Вы самозванец! Убирайтесь!

Одновременно над толпою, где-то в ее середине, взметнулась рука с чем-то белым. И это белое полетело в Пирошникова.

Способность мгновенно реагировать на неожиданность – есть величайшее человеческое достоинство. Она дает возможность выигрывать сражения, счастливо избегать опасности, становиться лидером, наконец.

Кандидат в демиурги должен обладать реакцией классного футбольного вратаря.

Если бы летящий предмет ударился в грудь Пирошникову или, того хуже, сбил его чалму Мономаха – ничего бы не помогло. Это был бы провал силлаботонических практик. Но Пирошников поймал этот предмет, оказавшийся женской кроссовкой, одной левой рукой, потому что правая у него была занята жезлом.

И, не давая толпе прийти в замешательство, он повернулся к Деметре и вручил ей кроссовку со словами:

– Волшебная туфелька для нашей жрицы!

Деметра тоже не растерялась, а приняв туфельку, взмахнула ею и бросила в зал заклинание:

– Моооо! Кузэй!

– Моооо! Кузэй! – подхватил Пирошников упоенно.

Зал оторопел.

Охранники, мгновенно ввинтившиеся в толпу, уже волокли упирающуюся террористку к двери. Это была молодая девушка в джинсах, обутая, естественно, всего в одну кроссовку.

Деметра наклонилась к девочке-фее и, передав ей прилетевшую кроссовку, что-то шепнула. Фея устремилась вслед за группой захвата, чтобы отдать кроссовку хозяйке.

Инцидент был мастерски исчерпан.

– Блажен незлобивый поэт, – медоточиво начал Пирошников. – В ком мало желчи, много чувства. Ему так искренен привет друзей спокойного искусства...

Он отложил жезл на барную стойку, чтобы удобнее было делать пассы.

Деметра воспользовалась паузой и снова затянула:

– Мооооо!..

– Кузэй! – попал с нею в унисон Пирошников и продолжил чтение Некрасова в усеченном виде.

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

– Мооо! – успела промычать жрица.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...

– Кузэй! – снова встряла Деметра.

Она была вдохновенно-серьезна. Никаких сомнений в том, что здесь происходит священнодействие, возникнуть просто не могло. И Пирошников, как умел, ей подыгрывал.

– И-ии – все вместе! – вскричал он, дирижируя.

И все домочадцы, и офисный планктон, и Гусарский, и охранники, и даже маленькая фея, чей голосок пронзительно отчетливо прорвался сквозь рев толпы, грянули:

– Моооооо!.. Кузэй!

И тут из недр земли возник знакомый гул, который быстро нарастал. Все находящиеся в кафе почувствовали, что пол уходит из-под ног, проваливается под ними. На самом деле все помещение – пол, стены, потолок – неудержимо наклонялось в сторону задней стены кафе, будто было малой коробочкой, которую вертел в руках великан.

Вся толпа в полтораэта человек ссыпалась к задней стене, как горох в кастрюле, если ее наклонить. Раздался общий крик, слившийся с последним заклинанием. Поскольку зрители стояли вплотную, никто не упал, и толпа просто притиснулась к стене, сжав последние ряды. Слышались стоны, ругательства. Стулья первого ряда вместе с сидевшими на них поэтессами и Серафимой, поехали по паркету назад. Но перед помостом было пустое пространство, куда повалились все, стоявшие там и у барной стойки – оба демиурга, их свита и Геннадий, дежуривший у двери. Они подкатились к стульям первого ряда – и в это время коробочка начала обратное движение, как гигантский корабль при килевой качке.

Теперь передняя часть кафе опускалась, а поднималась задняя. И в полном соответствии с законами гравитации толпа посыпалась вперед, сокрушила барную стойку и остановилась. На этот раз упали многие, слышались стоны, крики о помощи, все смешалось.

На самом деле, было не столь опасно, сколь неожиданно. Высота, на которую сместились края зала, была не больше метра, так что и угол наклона оказался небольшим. Происшествие, скорее, походило на аттракцион в парке развлечений, чем на катастрофу. Упавшие поспешно поднимались на ноги, отряхивались и устремлялись к двери, где возникла давка.

Качка прекратилась. Совершив одно колебание, зал остался в наклоненном положении величиною в несколько градусов.

Протиснувшиеся сквозь двери зрители могли убедиться, что такая же неприятность, по-видимому, произошла со всем домом, потому что длинный коридор минус третьего этажа представлял теперь наклонную плоскость, простирающуюся вниз от кафе под тем же самым углом, что и паркет зала.

Усилиями Геннадия и дружины паника была погашена, и поток зрителей достаточно быстро просочился в коридор, а оттуда бегом ринулся вниз к лифтам и лестницам, чтобы быстрее вырваться на улицу, пока дом не рухнул от очередного толчка.

Попавшие на улицу граждане смогли убедиться, что дом теперь и вправду напоминает корабль с задраннным носом, словно избегающий на очередную волну и готовый провалиться затем в бездну.

...Пирошников помог подняться Серафиме и детям, которые восприняли все как игру и были веселы. Как ни странно, была весела и Дина. Она сняла наконец свою полумаску и улыбнулась Пирошникову.

– А ведь неплохо все получилось, черт побери. Вы талант... Только вот дом придется ставить на место.

– Как-нибудь после, – сказал Пирошников.

Он чувствовал, что подвижек больше сегодня не будет. То же, но уже научно, определил и аспирант Браткевич, который подошел к Пирошникову с сияющими глазами.

– Вы бы видели, как вел себя прибор! Сиял всеми огнями, как елка! Буду расшифровывать и синхронизировать с записью звука. Спасибо!

Пирошников с Серафимой вернулись к себе и первым делом успокоили котенка, изрядно перепуганного подвижкой. Затем они переориентировали спальные места, чтобы ночью не скатиться на пол. Теперь лежать можно было представить себе, что отдыхаешь в наклонном шезлонге. Заодно кушетку придвинули вплотную к дивану.

Уже засыпая в этом странном сооружении, Пирошников наклонился к уху Серафимы и прошептал:

– Ну скажи, чего ты во мне нашла?

– Вы прикольный, – сонно пробормотала Серафима.

7

Домочадцам понадобились сутки на то, чтобы осмыслить перемены, произошедшие с домом, и еще один день, чтобы принять какие-то меры.

Меры эти были разнообразны у разных организаций и граждан, но в одном домочадцы были единодушны: надо было срочно решать проблему легендарного демиурга, свалившегося на жильцов, как снег на голову.

Уже в те вечерние часы, когда все домочадцы, за редкими исключениями, едва оправившись от потрясения, толпились рядом с домом и наблюдали за его поведением, стали звучать классические российские вопросы: кто виноват? и что делать?

Виновник был очевиден. Связь между подвижками и появлением на минус третьем этаже салона поэзии, мифическое прошлое хозяина магазина и, наконец, сеанс силлаботонических практик однозначно указывали на Пирошникова. Деметру исключили сразу. Жила она здесь давно, и ее ворожба никак не отражалась на поведении дома.

Столь же очевиден был и вывод. Чтобы излечить недуг, надо было ликвидировать причину. Наиболее горячие домочадцы предлагали сделать это чисто физически, но, скорее, это было сказано сгоряча, для красного словца. Стихийное обсуждение продолжалось всю ночь – сначала на улице, а потом, когда домочадцы вернулись домой, уже на коммунальных кухнях за чашкой чая и рюмкой водки, поскольку после такого потрясения выпить было не грех.

Надо отдать домочадцам должное: Пирошникова не удавили и не повесили тою же ночью. Человеколюбие одержало верх.

Однако гуманизм гуманизмом, но когда видишь стакан на столе с противоестественно наклоненной поверхностью жидкости, хочется сразу же навести порядок.

Впрочем, наиболее догадливые призывали не убивать Пирошникова еще и потому, что выправить положение больше будет некому. Каким образом он станет это делать, оставалось пока неясным.

В преднамеренности злодеяний заподозрить виновника было трудно – зачем ему было тогда поселяться здесь, открывать салон, проводить поэтические чтения с опасностью, что это может накрыться медным тазом в любую минуту? А если он не мог по желанию творить зло, как же ему теперь по приказу творить добро?

Нет, не злонамеренность Пирошникова, а попросту его присутствие создавало опасность. А с присутствием можно было справиться просто – удалить, как больной зуб.

Это мнение окрепло уже на следующий день, и главный юрист минусового этажа, следователь прокуратуры Данилюк взялся разработать приемлемый способ.

Обращаться в суд было бессмысленно. Выселить на основании того, что качается дом? Не делайте из суда посмешище! Изолировать от общества по причине опасности для окружающих? Но где доказательства?

И тогда юрист Данилюк предложил самосуд. Нет, он не произнес этого мрачного слова. Но, собрав десяток крепких мужиков, отцов семейств, Иван Тарасович сказал им так:

– Ну шо, хлопци? Будемо бастрюка рухаты!

– Что такое, Иван Тарасович?

– Подвинем трохи.

Операцию подготовили и провели блестяще. Дня через три после поэтических чтений, воспользовавшись отсутствием Пирошникова, который отправился на книжную ярмарку, к Софье Михайловне в салон явились домочадцы во главе с Данилюком и зачитали постановление Подземной Рады – так Данилюк окрестил свой законодательный орган. А там было сказано, что магазин-салон «Гелиос» и его директор Пирошников В. Н. подлежат немедленному выселению с минус третьего этажа.

Софья перепугалась и тут же принялась звонить Пирошникову на сотовый, пока самодеятельные судебные исполнители упаковывали книги в заранее припасенные коробки.

– Владимир Николаевич, беда! Нас выселяют! Прямо сейчас, принудительно...

– Кто? – деловито спросил Пирошников.

– Данилюк Иван Тарасович.

– Куда?

– Я не знаю.

– Узнайте – куда. А впрочем, все равно. Пусть выселяют. За Николаичем присмотрите.

– За кем? – вздрогнула Софья.

Она никак не могла привыкнуть к прозвищу котенка.

Станный ответ Пирошникова совершенно деморализовал Софью и она безропотно позволила домочадцам упаковать книги, а затем вынести их на первый этаж, где находилась вахта. Дежурившая Лариса Павловна быстро поняла, в чем дело, и препятствий не чинила. Она лишь указала место, куда следовало выносить книги и стеллажи, а затем отдала вершителям подземного правосудия и запасной ключ от жилища Пирошникова.

И поплыли вверх с минус третьего этажа столы и стулья, диван, шкаф – весь нехитрый скарб Владимира Николаевича, нажитый за долгую жизнь.

Последним вынесли котенка Николаича в желтом полиэтиленовом пакете магазина «Babilon».

Слава Богу, этого печального зрелища не видела Серафима, находившаяся двумя этажами выше, в своем операционном зале. Но что она могла сделать против целой футбольной команды мужчин, убежденных в правоте своего дела?

По правде сказать, быстрая капитуляция Пирошникова их обескуражила. Ожидался бой, крики, обвинения, аргументы сторон – а вышел пшик! Противник сдался без боя.

Случилось так потому, что все эти три дня после того, как дом вздыбился, Пирошников не находил себе места. Он винил себя во всем, начиная от необдуманного решения поселиться в этом доме и кончая ненужным вечером поэзии с совсем уж идиотскими силлаботоническими практиками. А в результате дом перекосило. И как теперь людям жить – неизвестно. А самое главное, он уже вполне уверился, что катаклизмы, происходящие с домом, связаны с ним, Владимиром Пирошниковым, но он так и не научился не то чтобы управлять ими, но даже предугадывать.

Потому выселение он воспринял как справедливое возмездие, против которого грех протестовать. А где жить дальше – как Бог даст.

Но пока место определила Лариса Павловна.

Вестибюль, располагавшийся за будкой вахтера и турникетом, заканчивался лестницей – той самой, с которой когда-то боролся Пирошников. Слева от первого ее пролета было пространство, некий кулуар, над которым возвышался следующий пролет. Он образовывал как бы наклонный потолок кулуара. Точнее, его видимой части, потому что невидимая из вестибюля часть пряталась под первым пролетом лестницы. Там уборщицы хранили ведра и тряпки. Получалась как бы квартира из двух комнат с распахнутым входом, куда и направила домочадцев с мебелью и книгами Лариса Павловна.

На беду Пирошникова у начальника охраны объекта Геннадия в тот день был выходной, и никто не смог противостоять произволу.

Софья суетилась вокруг грузчиков, указывая, что и куда ставить, чтобы вышло не совсем внавал. Поместилось все и даже не слишком бросалось в глаза.

Выполнив свою работу, мужики покинули вестибюль. Последним ушел Данилюк. Перед уходом предупредил вахтершу, что если у хозяина вещей будут какие-нибудь вопросы, то пусть обращается к нему.

– Обязательно! – пообещала Лариса Павловна.

Она сияла. Дело даже не в том, что самозванец был наказан. Лариса Павловна предвкушала дальнейшие события, которые рисовались ей захватывающе интересными.

И они последовали вскоре.

В восемнадцать часов закончил работу филиал банка «Прогресс» и банковские работники, а также служащие других офисов устремились на улицу, не переставая негодовать по поводу наклоненных лестничных площадок, ступенек и выложенных плиткой полов. Многие фирмы-арендаторы уже собирались съезжать и последние два дня паковали вещи.

Ступали все осторожно, ибо наклоненные ступеньки заставляли быть внимательными.

Те, кто спускался сверху на лифтах, не замечали странного нагромождения вещей и книжных пачек у лестницы. Но те, кто выходил по ней, не могли не обратить внимания на этот беспорядок и скорбную фигуру Софьи Михайловны, которая сидела на стуле посреди развала, будто позируя для картины передвижников «Разбитая жизнь».

И тут на лестнице появилась Серафима.

Последние дни, после силлаботонических экспериментов, она практически переселилась к Пирошникову, чем вызвала недовольство домочадцев. Волей-неволей ей приходилось бывать на коммунальной кухне и чувствовать косые взгляды. Пытались усмотреть корысть в ее поведении, но не находили. Собственной квартиры у Пирошникова не было, об этом все знали, имущества кот наплакал, так же как и сбережений.

Предположить, что молодая женщина может влюбиться в пожилого мужчину, в голову не приходило. Да, по правде, сама Серафима вряд ли назвала бы влюбленность причиной ее связи с Пирошниковым. Любовь здесь была ни при чем. Серафима просто знала, что она должна быть рядом с этим человеком, и узнала это, лишь только увидела Пирошникова.

Она заметила сверху груды вещей, сидящую Софью, перегнулась через перила, чтобы лучше все разглядеть в полумраке, а затем быстро сбежала вниз и предстала пред Софьей с выражением ужаса на лице.

– Что случилось, Софья Михайловна?!

И Софья нехотя и скупно, как бы показывая, что она вовсе не обязана давать отчет посторонней женщине, поведала Серафиме о принудительном выселении Владимира Николаевича и его гуманитарного салона.

– Туг, кажется, ваши вещи есть... – с едва заметным презрением закончила она, кивком указав на халатик и домашние тапки Серафимы. – Можете забрать.

– Зачем это – забрать? Вот еще – забрать! – тряхнула та головой и, подхватив указанные вещички, скрылась во второй половине кулуара, под лестничным пролетом.

Она вышла оттуда через минуту, одетая уже по-домашнему, деловитая и доброжелательная.

– Вы можете идти домой, Софья Михайловна! – объявила она. – Я дождусь Владимира Николаевича и присмотрю за вещами.

И она для вящей убедительности, чтобы показать, кто здесь хозяин, взяла на руки котенка Николаича и принялась его поглаживать.

Софья на такую наглость ничего не сумела сказать, а лишь вновь набрала номер Пирошникова.

– Владимир Николаевич, вы скоро будете?... Ах, так... Тут ваша... знакомая... она хочет вас дождаться... – Софья с трудом подбирала правильные слова. – Так что я могу идти, да?... Ага, спасибо.

Она выключила телефон и спрятала его в сумку.

– Владимир Николаевич задерживается... Будет поздно... – со значением выговорила она. – Я удивляюсь его здоровью. В его годы столько пить...

Последние слова были обращены, скорее, к Ларисе Павловне, с интересом наблюдавшей, чем закончится дело.

– Да-да, хронический алкоголизм... С молодости, – подтвердила она диагноз. Серафима бесстрастно выжидала, не переставая гладить котенка.

Спускавшиеся сверху по лестнице обитатели бизнес-центра косились на них, стараясь понять, что происходит. В воздухе пахло скандалом, но скандала не было видно.

Софья подхватила сумочку и, демонстративно попрощавшись с одной Ларисой Павловной, покинула вестибюль. Это тоже не произвело на Серафиму ни малейшего впечатления.

Она принялась хлопотать по хозяйству, как бы обустривая новое жилище, какое ни на есть. Для начала Серафима возвела стены из книг – это были, в основном, стандартные картонные коробки из-под офисной бумаги, а также перевязанные шпагатом пачки. Они были довольно тяжелы, но Серафима увлеченно ставила их одну на другую, пока не построила стену в пять рядов – больше было опасно, стена теряла устойчивость из-за наклона пола. Высота стены составила примерно полтора метра, причем ее оконечность, примыкавшая к лестничному пролету, была выложена ступеньками. На них Серафима поставила вазу, будильник, бутылку вина с бокалами и остановилась в растерянности, ибо больше украшать было нечем.

Серафима устроилась в кресле, положив на колени котенка, и вскоре уснула.

Разбудил ее какой-то посторонний шум. Она открыла глаза и поначалу не поняла, где она находится. Слабо светили лампы по стенкам, блеснул мраморный пол, в будке вахтера копошился разбуженный охранник.

Посреди этого полутемного вестибюля стоял Пирошников в распахнутом плаще и шляпе, а в руке у него была гитара.

Он стоял, вглядываясь в тот угол, где горела накрытая какой-то тряпкой, быть может, просто наволочкой, лампа под зеленым абажуром, а дальше в углу угадывалась фигурка женщины в домашнем легком костюме, полулежащая с ногами в просторном бархатном кресле. Это напоминало декорацию какого-то непоставленного чеховского спектакля, в котором ему надлежало сыграть роль, но какую – он не знал. Он силился вспомнить реплику, но не мог, потому сказал глухо:

– Кто это сделал, лорды?

Он знал, кто это сделал, но хотел насладиться горечью.

– Да-ни-люк... – нараспев отозвалась Серафима.

– Не это, нет! Не дерзкое изгнание, не дикое глумление толпы, – Пирошников почувствовал, что пятистопный ямб белого стиха наиболее соответствует ситуации. – Я говорю об этом чудном месте, где мы с тобою умиротворимся и затворимся, убежав от мира... Офелия!

И он обвел декорацию широким жестом.

Ночной вахтер Боря с изумлением и тревогой вслушивался в ямбы Пирошникова.

Серафима в восторге задрыгала ногами, оставаясь лежать в кресле, но ответить полной строкой не смогла, а лишь выдохнула, смеясь:

– Да, Гамлет!

Пирошников твердым шагом направился к уютному гнездышку из книг, но именно твердость поступи выдавала, что он изрядно пьян. Его качнуло, и он едва не развалил зыбкую книжную кладку Серафимы, но она вовремя бросилась ему навстречу и, подхватив под руку, довела до кресла.

Пирошников водрузился на мягкие подушки и огляделся.

Вопреки своему намерению вдоволь испытать страдания, он вдруг почувствовал, что ему нравится этот закуток, огороженный знакомыми книгами, которые теперь, покинув полки и будучи перевязанными шпагатом, напомнили ему детство, когда семья часто переезжала из-за новых назначений отца и вид упакованных книг и сдвинутой мебели был привычен.

Впрочем, Пирошников стряхнул с себя сентиментальные воспоминания и заявил, что хочет есть, а затем, открыв бутылку вина, принялся рассказывать Серафиме о своих похождениях. Она в это время готовила чай с бутербродами.

А причиной неожиданного загула Пирошникова послужила встреча со старинным приятелем Олегом Метельским, которого Владимир Николаевич не видел лет тридцать и не узнал бы никогда, если бы Олег его не окликнул, когда Пирошников проходил мимо по второму этажу «Крупы», как звали все питерские книжники оптовую книжную ярмарку в ДК им. Крупской.

Снилось ли когда-нибудь Надежде Константиновне, что она превратится в книжную ярмарку и звать ее будут так же, как всегда называл ее за глаза Ильич?

Несмотря на кратковременность давно прошедшего знакомства, приятели вместе устроились за книжным прилавком, который уже несколько дней обслуживал пенсионер Метельский, поступив сюда продавцом, и предались воспоминаниям, изредка прикладываясь поочередно к плоской фляжке коньяка – непременно атрибуту прогулок Пирошникова.

Несомненно, два седых старика, сидящие за книжным развалом и посасывающие коньяк из фляжки, являли собою зрелище обнадеживающее, хотя и предосудительное для ревнителей морали.

Под нехитрый ужин и три бутылки вина они засиделись до полуночи и даже, вспомнив молодость, сыграли и спели кое-что из старого репертуара. Электрическая гитара Олега давно висела на гвозде, *украшая* прибитый к стене ковер в спальне, но нашлась акустическая, на которой пенсионеры и музицировали по очереди. Пальцы Пирошникова помнили старые аккорды, он взволновался и пел с таким чувством, что растроганный Метельский подарил ему эту гитару со словами: – Помни молодость!

Короче говоря, они вспомнили молодость с неувядающей силой, и теперь Пирошников не без удовольствия рассказывал об этом Серафиме.

Она слушала, не переставая удивляться его даже не молодости, а мальчишеству, казалось бы, неуместному в почти семидесятилетнем человеке. С тех пор, как он совсем недавно явился ей в образе мифического молодого злодея в пересказе Ларисы Павловны, а потом сразу же воплотился смешным стариком, способным на безумия в виде силлаботонических спектаклей с подвижками земной коры, она относилась к Пирошникову почти как к явлению природы, которым управлять нельзя, можно лишь избегать или любоваться.

Он же, получив в ее лице не только неожиданную любовницу, но и слушателя, зрителя и даже участника его жизненных спектаклей, расцвел, позабыв о неустроенности и болезнях.

Вот и сейчас, во втором часу ночи, раскинувшись в бархатном кресле с бокалом вина в руках, в ночном вестибюле бизнесцентра, превращенном в жилище, Пирошников, как никогда, чувствовал себя в своей тарелке.

Он взял в руки гитару, дотронулся до струн и извлек первый осторожный аккорд. Вахтер Боря, снова заснувший было под доносящееся из-под лестницы журчание Пирошникова, приподнял голову и услышал:

Мой дом загубили гады,
мой дом пустили под снос.
Нам с тобой теперь не будет пощады,
но это не мой вопрос.
Это не мой вопрос, мама!

Я всего лишь изгой, мама,
а для них я отброс.

Я буду последним негром
очень преклонных годов,
но для них я всегда останусь беглым
и быть другим не готов.
Я совсем не готов, мама!
Мне не нужен их кров, мама!
Я изгой, сто пудов!

Мы будем жить с тобой в домике
из нами забытых книг.
И для нас даже в самом маленьком томике
найдется уют для двоих.
И я буду петь, мама!
Я буду плясать, мама!
Я не изменюсь – вот вам фиг!

8

Наступившее утро нарисовало перед Пирошниковым ряд новых проблем, самой мелкой из которых была проблема утреннего туалета.

К счастью, оказалось, что Серафима решила ее еще вчера, раздобыв ключ от офиса страховой компании «Яблоневый Спас», располагавшейся рядом, в первом этаже. Пирошников взял ключ и отправился в туалет с мылом в руках и полотенцем на плече. Фирма начала работу в десять, оставалось лишь полчаса, чтобы привести себя в порядок.

Миновать заступившую на дежурство Ларису Павловну просто так не удалось. Заметив Пирошникова, удаляющегося по коридору первого этажа, она выкрикнула вслед:

– Вы думаете, это вам сойдет с рук?

– Угу, – кивнул Пирошников, не оборачиваясь, и скрылся в глубине коридора.

Серафима уже готовила завтрак с помощью доступных электроприборов. В холле распространился запах свежего кофе.

Пирошников вернулся в вестибюль как раз вовремя, чтобы застать приятную глазу сцену. Начальник охраны Геннадий распекал Ларису Павловну за нерадивость.

– ...Почему я узнаю об этом последним?! Вы моего телефона не знаете? Почему не доложили? – гремел Геннадий.

– Я думала... вы отдыхаете... – мямлила Лариса Павловна.

– У вас в инструкции написано: «Немедленно ставить в известность начальника охраны обо всех изменениях режима и непредвиденных ситуациях»... И вы, Владимир Николаевич! – переключился он на Пирошникова, заметив его. – Ну как так можно! Запомните: звонить мне по службе можно в любое время суток!

– Геннадий, а что случилось? – безмятежно проговорил Пирошников, вытирая подбородок полотенцем.

Геннадий замер на месте и замолк. Затем махнул рукой и направился к лифту, бросив через плечо Ларисе:

– Объяснительную мне приготовьте!

Однако, нажав кнопку лифта, он обернулся и вновь обратился к Пирошникову.

- Сейчас я вызову свободных людей, и они мигом водворят вас на место.
- Не поеду! – заявил Пирошников. – Мне и здесь хорошо.
- Владимир Николаевич, перестаньте валять дурака. Я за объект отвечаю.
- А что плохого объекту?
- Я обязан доложить хозяину.
- Ну и докладывай. Посмотрим, что он скажет.

Геннадий пожал плечами и скрылся в лифте.

- И где он, этот хозяин? – обратился в пространство Пирошников.

– В Лондоне, – отозвалась Лариса Павловна тоже в пространство. – Бывает здесь раз в год по обещанию.

Пирошников надел белую рубашку, повязал галстук-бабочку и уселся пить кофе с Серафимой как раз без четверти десять, когда офисный планктон непрерывным потоком устремился на рабочие места. Серафима без слов поняла замысел Пирошникова и тоже успела привести себя в порядок. В результате менеджеры, секретари, операционисты увидели картинку из глянцевого журнала: завтрак благополучной английской пары в виде седовласого джентльмена и молодой леди. Котенок Николаич, лакающий молоко из блюдечка, придавал картине подлинную гармонию и безмятежность.

Легко можно себе представить впечатление, которое эта картина производила на обитателей минус третьего этажа, особенно на тех, кто вчера на своих плечах выносил из боксов Пирошникова пачки книг, шкаф, диван, стулья. Они в это время тоже устремлялись на работу, двигаясь в обратном общему потоку направлении. Шарлатану и вредителю все сходило с рук! Следовало все же удавить его и бросить в канализацию. Пирошников наслаждался их ошеломленным видом и жалел только об отсутствии у него в руках свежего номера «Financial Times» для полного совершенства картины.

- Любите вы дразнить гусей, – прошептала Серафима, едва сдерживая смех.

Она собрала со стола посуду и унесла под лестницу, подальше от глаз, где свалила в пластиковый мешок. С этим срочно надо было что-то делать. Бегать по бизнес-центру с грязной посудой было нетипично для молодой леди.

Затем она поцеловала Пирошникова в щеку, подхватила сумочку и смешалась с толпой сослуживцев, спешащих мимо по лестнице в филиал банка «Прогресс».

Пирошников остался один. Впрочем, всего на минутку, потому как возникла Софья Михайловна, которая пряталась за будкой Ларисы Павловны, дожидаясь ухода Серафимы.

- Как вам это понравилось? – с печальной улыбкой молвила Софья, кивнув на каморку.
- Очень! – с энтузиазмом отозвался Пирошников. – Давно не было так экстремально.
- И что прикажете делать?
- Работать!.. Доставайте кассу, сейчас организуем прилавок...

В этот момент распахнулись дверцы лифта, и оттуда в холл вышел подводник Залман в фуражке и черной морской тужурке с орденами и медалями. В руках у него был самодельный рукописный плакат, укрепленный кнопками на швабре, на самой щетке. На плакате крупно было написано:

**«СКАЖЕМ НЕТ ПРОИЗВОЛУ
И САМОУПРАВСТВУ!**

Сбор подписей

в защиту прав Владимира Пирошникова
и его Салона поэзии».

Расписаться предлагалось на самом плакате, для чего сбоку на шнурке трогательно болтался фломастер.

Залман церемонно поздоровался, подошел ко входу в каморку и встал перед ним, оборотившись лицом к турникету.

– Ну вот и правозащитники! – провозгласил Пирошников. – Не бойтесь, Софья Михайловна, пропасть нам не дадут.

Поскольку военные моряки стремятся всегда занять положение, перпендикулярное полу, правозащитник стоял, подобно мебели, но не совпадая с линией отвеса. Собственно, так и полагается стоять правозащитникам, контрастируя с враждебной средой.

Не успел Пирошников полюбоваться на старика, как прибежал крайне взволнованный аспирант Браткевич.

– Владимир Николаевич, строго конфиденциально! Срочный разговор! – свистящим шепотом воззвал он.

Пирошников, пребывавший после завтрака в состоянии полного благодушия и пофигизма, скомандовал Софье:

– Вы тут с Семеном Израилевичем подежурьте, у меня переговоры.

– Придется спуститься ко мне, – сказал аспирант.

– Не могу, там враги. Меня убьют, – сказал Пирошников.

– Вряд ли. Данилюк ушел в прокуратуру. Выкозиков спит после вчерашнего.

– Кто это?

– Тот, кто предложил вас удушить. Нифонт Выкозиков, настройщик роялей. Да вы не бойтесь!

– Что?! – вскинулся Пирошников. – Бояться выкозиковых?! Вперед!

И он, как всегда прихрамывая, двинулся к лестнице, ведущей в подвальные этажи. Она была сбоку и имела винтообразное строение.

Минус третий встретил бывшего домочадца настороженной тишиной. Длинный коридор устремлялся вверх, его конец скрывался в сизовой дымке, тянувшейся от коммунальной кухни. Обе двери боксов, еще вчера занимаемых Пирошниковым, были распахнуты, а напротив, на закрытой двери Деметры, была мелом нарисована свастика.

Пирошников остановился, вытащил из кармана носовой платок, плюнул на свастику и затем стер ее.

Они с аспирантом проследовали по коридору почти в самый конец, до «Приюта домочадца», причем Пирошников приветливо здоровался со всеми, кто любопытства ради приоткрывал двери и выглядывал в коридор.

Аспирант открыл дверь ключом и впустил Пирошникова внутрь.

Квартирка была двухкомнатная, подобная той, что занимал ранее Салон поэзии. Одна комната была полна приборов, проводов, дисплеев, многие из которых светились, вторая же практически пустовала, лишь в центре находилась широкая железная кровать с никелированными спинками.

Максим включил подряд несколько тумблеров, и Пирошников увидел, как в пустой комнате зажегся толстый витой шнур, проложенный вдоль плинтуса по всему периметру и ранее им не замеченный. Он светился голубоватым светом, а внутри шнура проскакивали зеленые искры.

– Что это? – спросил Пирошников.

– Зайдите в комнату, – предложил аспирант. – Только осторожно.

Пирошников ступил ногой за порог, сделал шаг и вдруг почувствовал странную, необъяснимую легкость, будто сбросил с плеч груз десятков лет и снова стал мальчиком.

– Подпрыгните слегка, – попросил аспирант из соседней комнаты.

Пирошников подпрыгнул и неожиданно взлетел в воздух гораздо выше, чем он мог предположить, буквально до потолка. Он ударился о потолок макушкой и, отскочив от него, точно мячик, вновь оказался на полу.

– Ого! – только и сумел выговорить он. – Что это было?

– Антигравитация, – пояснил аспирант.

Пирошников вернулся к нему, осторожно ступая, чтобы не взлететь.

И Максим рассказал, что давно проводит опыты с так называемой «петлей гравитации», внутри которой поле тяготения либо ослабевает, либо усиливается.

– Это оптоволокно и есть «петля гравитации», – указал он на светящийся шнур. – До нуля мне снизить еще не удалось, но уже меньше, чем на Луне. Ну, вы почувствовали...

– Почувствовал, – сказал Пирошников, потирая шишку на макушке.

– Но позвал я вас совсем не за этим. Вот смотрите... – продолжал аспирант, показывая рукою на экран. – Это запись вашей активности сегодняшней ночью. А это, – он перевел руку на другой экран, – запись микроскопических подвижек здания. Видите? Кривые кореллируют. Что вы делали ночью, извините за любопытство?

– Вино пил. Блюз пел.

– Понятно. Короче говоря, дом пришел в движение. Двигается медленно, точнее, не движется, а заваливается набок.

– Как это – заваливается? – испугался Пирошников.

– Очень просто. Как Пизанская башня. Месяца через полтора это будет заметно невооруженным глазом. Сейчас пока сантиметры. Кстати, о башне...

И аспирант изложил Пирошникову результаты своих исследований Пизанской башни. По его словам, крен башни был связан не с подвижками почвы или с недостатками конструкции, а с деятельностью одного чернокнижника-монаха, обитавшего в тамошнем монастыре. Будто бы его экстатические молитвы и наклонили башню, о чем говорится в некоторых документах.

Пирошников рассердился – что за бредни?

– А блюзы он не пел? – довольно невежливо поинтересовался он. – При чем здесь Пизанская башня?!

Браткевич лишь руками развел.

9

Жизнь неутомима на выдумки. Приноравливаться к ним иной раз бывает интересно, но чаще хлопотно. Едва поверишь, что ты нашел способ ужиться с реальностью, как она преподносит новый сюрприз и требует ответа.

Последнее время это часто называют «вызов».

Итак, Пирошников получил новый вызов со стороны все того же дома, который не уставал преподносить загадки. Казалось бы, начавшийся крен дома в другой плоскости ничем принципиально не отличался от прежних подвижек, но разница была в том, что Пирошников наконец уверился, что он лично влияет на это событие. До того он склонен был увиливать от ответственности, ссылаться на совпадения или на влияние коллективного разума (оно же коллективное бессознательное), но сегодня, посмотрев на две кривые Браткевича и сопоставив их с примерным временем, когда он пел «Блюз изгоя», он понял, что другой причины быть не может. По времени это было часа в два ночи, коллективный разум минус третьего этажа дрых без задних ног вместе с коллективным бессознательным, лишь пение Пирошникова нарушало покой дома и вызвало подвижку. Но – другую!

Что в этом пении вызвало такую реакцию? Вопрос был главным. Музыка, слова, сам жанр исполняемой песни, наконец?.. Не правда ли, это звучит как-то чересчур механистично... Типа начни Пирошников петь частушки, дом завалился бы в другую сторону. Глупости! Мистические явления объяснять надобно мистическими силами. Значит, следует обратиться к душе...

Ему нравилось это слово, которым можно было объяснить все, не объясняя, в сущности, ничего. Он помнил свои размышления и рассуждения в пору первого посещения дома

и не намерен был от них отказываться. Но тогда душевные силы действовали не столь явно. Да, лестница сдалась в конце концов, выведя его с мальчиком на свободу. Да, для этого нужно было пережить что-то... Кладовка, да-да...

Но не также грубо, господа! Спел блюз, вдохновился, испытал душевный подъем – и на тебе! Поехали!

Примерно так размышлял Пирошников, спускаясь вниз по бесконечному коридору минус третьего этажа.

Выходило, что гарантией спокойствия дома было полное душевное спокойствие Пирошникова. Но как его достичь при таких условиях? Требовалось даже не спокойствие, а полнейшее равнодушие, но этого он не *умел*. Это равносильно смерти.

Посему он рассудил, что будет жить, как жил, по возможности плывя по течению. Для борьбы не было ни сил, ни времени.

Течение, между тем, превращалось в бурный поток.

Начальник охраны, связавшись с Лондоном и изложив обстановку, получил следующие указания хозяина:

– Пирошникова не трогать, пусть живет и делает, что хочет.

– Срочно создать ему сносные условия для житья. То есть, если он намерен остаться под лестницей, провести туда воду, газ и электричество, а также построить клозет и поставить душевую кабину.

Все это Геннадий поведал Пирошникову с глазу на глаз, посетив его каморку.

– Ты сказал ему про Серафиму? – спросил Пирошников.

– Сказал. Обязан сказать.

– А он?

– Смеялся. Сказал: «Вах!». Владимир Николаевич, поедem отсюда! – взмолился Геннадий. – Не хотите в подвал – найдем другое место. С третьего этажа магазин светильников съехал. Люстры криво висят...

– Смеялся... – пробормотал Пирошников. – Смешно ему... Интересно, почему он дает мне карт-бланш?

– Да все просто. Дом надо спасать. Спасти можете только вы. Заставить он вас не может. Сталин специалистов в шарашку сажал, а вам условия создают. Тем более, опять начали заваливаться, только вбок.

– А ты откуда знаешь? – удивился Пирошников.

– Браткевич доложил. У него ж лаборатория на деньги Джабраила. Откуда столько железа взять? Там одно оптоволокно антигравитационное полмиллиона долларов стоит.

«Значит, слил аспирант информацию, – подумал Пирошников. – А впрочем, все равно. Через месяц всем будет видно».

– Останусь здесь, Геннадий, – решительно сказал Пирошников. – Для тонуса нужно. Строй мне сортир!

И он показал, где под лестницей нужно устроить туалет с душевой кабиной.

– А вот стену из книг не трогай. Это концептуально, – сказал Пирошников.

– Как? – не понял Геннадий.

– Несущая конструкция, – пояснил Пирошников. – Несущая смысл.

Геннадий вздохнул и отправился звонить строителям.

Между тем, исход фирм из бизнес-центра нарастал. В лифтах спускали и грузили в машины компьютеры, таскали по лестницам столы и кресла. Одновременно по городу расплзалась информация, зачастую искаженная. Уже на следующий день после разговора с Геннадием новость о странных событиях в бизнес-центре «Петропавловский» достигла сетевых СМИ. Появился репортаж с фотографиями вечера поэзии. Пирошников был изо-

бражен с мокрой головой и прилипшими к пиджаку лепестками роз. На другой фотографии было видно груды тел, барахтающихся у стойки бара.

В краткой справке о Пирошникове, мгновенно появившейся в Википедии, было сказано, что он «был известен в молодости психологическими опытами, затем отошел от занятий парапсихологией и занялся книжным бизнесом».

Последствия не заставили себя ждать.

Первыми прибыли строители с инструментами, козлами, банками с краской и упаковками кафельной плитки. Все как на подбор были таджиками, а бригадиром у них был молдаванин Гуцэ. Он единственный, хотя и с трудом, говорил по-русски. Гуцэ объяснялся с таджиками матом. Мат они понимали.

Строителей привез на автобусе Геннадий и тут же, сдав их Пирошникову, уехал в магазин покупать сантехнику.

Телевидение опоздало всего на полчаса и тоже расположилось в холле, разметав по полу провода, поставив две камеры и подвесив микрофоны. По-видимому, предполагалось снять не просто репортаж, а нечто в жанре реалити-шоу. Возглавляла группу решительная молодая дама, редактор, по имени Жанна.

Свободные от дел служащие оставшихся в бизнес-центре офисов образовали амфитеатр, расположившись на ступеньках первого лестничного пролета и подстелив газеты. Сила тяготения сплотила их ряды, завалив всех на правый бок.

В качестве статистов на сцене находились Софья Михайловна и старик Залман с тем же плакатом.

В обеденный перерыв забежала Серафима накормить Пирошникова обедом. Камеры ее чрезвычайно смущали, зато прораб Гуцэ получил указания, где ставить газовую плиту и умывальник.

После ухода Серафимы жизнь в камерке Пирошникова замерла, он демонстративно читал книгу, развалившись в кресле, а таджики начали долбить кафельный пол для прокладки труб.

– Может быть, вы нам что-нибудь почитаете? Стихи, прозу? Или споете? – обратилась к Пирошникову Жанна.

– Ага. И дом встанет вверх тормашками! – откликнулся Пирошников весело.

Он не знал еще, как следует себя вести. Не обращать внимания, отвергать все предложения или же стебаться от души. Свободу выбора ограничивали мысли о возможных последствиях. Он хорошо помнил «силлаботоническую» подвижку. Так что ответ Жанне был лишь отчасти шутливым. Все могло случиться. Однако она восприняла эту возможность с восторгом.

– Это было бы прекрасно! – воскликнула Жанна.

С таким же энтузиазмом она взялась бы снимать репортаж из эпицентра атомного взрыва.

Пирошников вновь испытал раздражение. Он взял в руки гитару, на что начавшая скучать публика на лестнице отозвалась аплодисментами.

Звукооператор молниеносно прицепил к рубашке Пирошникова микрофон-петличку.

– Прекратить ремонт! – скомандовала Жанна молдаванину.

– Кончай нах! – дал он отмашку таджикам.

Те мигом прекратили работу и уселись вдоль стены на пол, превратившись в зрителей.

Пирошников, словно нехотя, перебирал струны. Вид этого вестибюля с косо стоящими камерами, наклоненным полом, проводами, отрезками фановых труб, сваленных у турникета, со стеною из книжных пачек, напомнил ему старую песню популярной группы, и он запел:

Мы стояли на плоскости
с переменным углом отраженья,
наблюдая закон,
приводящий пейзажи в движенье,
повторя слова,
лишенные всякого смысла,
но без напряженья,
без напряженья...

Лестница взорвалась аплодисментами. Песня была настолько кстати, что казалась специально написанной для этого случая. Впрочем, второго куплета Пирошников не помнил, а потому принялся импровизировать:

Но при полном согласии
с несговорчивым теодолитом
мы по струнке прошли,
мы прошли между быдлом и бытом,
повторя слова,
знакомые камню и ветру,
со смыслом избитым,
смыслом избитым.

Раздалось два-три неуверенных хлопка. Публика почуяла неладное, она угадала пародию, невольно сорвавшуюся с губ артиста, и пародии этой не приняла. Слишком наглядна была здесь эта плоскость с переменным углом, чтобы ее пародировать.

Жанне, однако, песня понравилась, хотя автора она не угадала, Пирошникову пришлось объяснять, что это шутка, и это испортило ему настроение – он отложил гитару.

– У меня час отдыха, – объявил он и отвернулся от камер. Таджики, похватав молотки и отбойники, снова принялись производить шум. Публика начала рассасываться, но телевидение и не думало сворачивать провода. Теперь Жанна интервьюировала Ларису Павловну, которая вынуждена была срочно поменять точку зрения на Пирошникова, что ей блестяще удалось, а потому наш герой предстал в ее мемуарах «юношей бледным со взором горящим», ищущим смысл бытия, а вовсе не алкоголиком, каким был еще вчера.

И тут перед турникетом возник настоящий юноша восемнадцати-девятнадцати лет с длинными и прямыми белыми волосами, свисающими из-под вязаной шапочки.

Глаза юноша имел голубые, а взгляд выдавал наивность на грани идиотизма. И еще – губы его были неестественно красны, будто покрашены.

«Юноша бледный со взором горящим... – вспомнилось Пирошникову. – Гей, похоже».

– Мне нужен Владимир Пирошников, – проговорил он, отвечая на немой вопрос Ларисы Павловны.

– По какому делу? – нелюбезно спросила та.

– Пустите молодого человека, – распорядился Пирошников, не дождавшись ответа юноши.

Ларису Павловну перекосило от такой вольности, но она сдержалась, помня о телевидении, которое уже устремило камеры на эту сцену.

Юноша миновал турникет и приблизился к Пирошникову.

– Что вам угодно? – спросил тот.

– Меня зовут Август, – сказал юноша тихо.

«Очень приятно. Январь», – мысленно проговорил Пирошников, но вслух произнес:

– Я Пирошников. Слушаю...

– Я хочу учиться у вас.

– Вот как? Чему же?

– Силлаботоническим практикам.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», – продолжил мысленный комментарий Пирошников.

– Но я не обучаю этому, – сказал он.

– Я заплачу, – умоляюще проговорил Август.

– Стоп, мотор! – раздался крик Жанны.

Она подскочила к Пирошникову и затараторила:

– Чудесная сцена, чудесная! Владимир Николаевич, ну давайте! Давайте сымпровизируем! Коллективная медитация. Как там у вас? Мо-кузэй, да? Чудесная будет концовка!

– Вы уверены? – спросил Пирошников.

Он почувствовал злость и внезапный кураж, типа «море по колено».

– О'кей, – сказал он и захлопал в ладоши. – Слушать всем! Настроиться! Гуцэ, поднимай своих!

Молдаванин поднял таджиков с пола, выстроил их в два ряда.

– Так, хор есть. Солист тоже. Слушать внимательно. Я пою блюз, сопровождая его магическим заклинанием, которое произносим хором, на выдохе... Мо-ooo! Кузэй! Понятно?

Таджики закивали, как ни странно.

– Они знают, – махнул на них рукой Гуцэ. – Они это часто поют.

В этот момент в бизнес-центр с улицы протиснулся Геннадий, обнимавший обеими руками большой белый унитаз. Он бочком прошел турникет и остановился, с недоумением наблюдая за мыльной оперой.

– Внимание! – воскликнул Пирошников и, взяв в руки гитару, ударил по струнам.

Я спросил Тебя, что мне делать,
если жизнь бесследно прошла?
Я спросил Тебя, что надо делать,
когда кончились все дела?
Но я еще жив, мама,
я все еще жив, мама,
а ты давно умерла.

Я уже опоздал на поезд,
я бреду по рельсам один.
Я надеюсь лишь на Тебя,
потому что ты – Господин.
Но я еще жив, мама,
я все еще жив, мама,
хотя я последний кретин.

Август глядел на Пирошникова широко раскрытыми глазами, как Лазарь на Иисуса. Жанна беззвучно дирижировала операторами, показывая, куда направить камеру. Таджики были неподвижны.

В этой гребаной жизни
я забыл, кого я люблю.

В этой гребаной жизни
я продаюсь по рублю.
Но я еще здесь, мама,
я все еще здесь, мама,
и я места не уступлю.

И когда я сойду туда,
где равны изгой и кумир,
И когда я приду туда
на их мрачный последний пир,
Я буду счастлив, мама,
о как же я буду счастлив, мама,
как сбежавший в рай дезертир.

Пирошников замолчал и после короткой паузы начал тихо и грозно:

– Моо-ооооо... Таджики подхватили:

– Мооооооооо...

И, не дожидаясь Пирошникова, невероятно высокими голосами выкрикнули хором в экстазе:

– Кузэй!!!

– Кузэй! – повторили Пирошников и Август.

И вот тут трянуло изрядно. Судорога прошла по дому – краткая, но очень сильная, будто дом испытал оргазм. Он вздрогнул всем телом так, что упало на пол все, что стояло в вестибюле – люди, камеры, шкаф в интерьере каморки и, конечно, Геннадий с унитазом, который ударился о каменный пол вестибюля и раскололся на куски. Лишь книжная стенка чудом не развалилась да старый моряк Залман, привыкший к штормам, удержался на ногах.

– Снято! – простонала упавшая Жанна. – Благодарю всех!

10

Как это обычно случалось после подвижек с магическими заклинаниями, Пирошниковым снова овладела депрессия. Вдобавок обострились все хвори: невыносимо болело при ходьбе колено, давило в груди, щелкало в правом ухе. Впору ложиться в больницу, а не заниматься медитациями с таджикскими гастарбайтерами.

Дела стали идти из рук вон плохо. Софья Михайловна приходила в десять, молча садилась у столика, вынесенного из каморки, на котором были разложены книги, и сидела до конца рабочего дня с каменным лицом.

Книг не покупали, было не до них. Одни покупатели уже уехали, другие паковали вещи.

Залман сменил вывеску и превратился в добровольного рекламного агента. Теперь на его плакате было написано:

Помогите культурному книгопродавцу!

Покупайте Поэзию!

«Поэзия – та же добыча радия!»

В. Маяковский

Почему нужно помогать добыче радия – было неясно. Но вдумываться было некому – фирмы, учреждения, магазины бежали с тонущего корабля, им было не до Поэзии.

Враждебный минус третий этаж выжидал. Бежать домочадцам было некуда, возможно, они надеялись на уменьшение арендной платы или на то, чтобы переехать повыше, в освободившиеся помещения.

Так или иначе, магазин-салон «Гелиос» становился абсолютно убыточным, и убыток этот в точности равнялся месячному окладу Софьи Михайловны, который надо было выплачивать – хочешь не хочешь. Пирошников незадолго до оргазма дома (будем называть это так) опустошил свой карман, выплатив этот невеликий оклад своей сотруднице, но надвигающийся день новой зарплаты приводил его в ужас.

От этого депрессия становилась еще сильнее. И Пирошников принял решение разрубить этот узел.

Дождавшись в очередной раз конца рабочего дня и того момента, когда отставной моряк Залман удалится со своим плакатом, он послал Серафиму в магазин, чтобы остаться с Софьей с глазу на глаз.

В вестибюле не было ни души, кроме Ларисы Павловны в будке. Она последние дни тоже была не в настроении. Быстрые перемены в бизнес-центре, наклонный пол, странные песнопения были ей явно не по душе. А все из-за причуд этого пустого старика с его надоевшими фокусами!

Справедливости ради следует сказать, что Лариса Павловна была старше Пирошникова на четыре года, однако избегала называть себя старухой.

Пирошников дождался, когда Софья уберет книги со столика, сам внес его в каморку и предложил:

– Софья Михайловна, не хотите ли чаю?

Софья насторожилась. Последнее время отношения ее с Пирошниковым были прохладны.

– Спасибо, Владимир Николаевич. Я, пожалуй, пойду.

– Я бы хотел с вами поговорить.

Софья все поняла. Лицо ее приняло выражение глубочайшей скорби, которая готова была перелиться в обиду.

– Я слушаю вас, – сказала она.

– Садитесь, – предложил ей Пирошников.

Она села, сложив руки на коленях. Пирошникову стало жаль ее. Он знал, что никого у нее нет – ни детей, ни сестер, ни братьев. Она работала с ним восемь лет.

– Софья Михайловна, вы видите, что происходит... – Пирошников обвел рукой пространство вестибюля, сильно обезображенное идущим в каморке ремонтом. Душевая кабина стояла у лестницы, новый унитаз рядом с нею, пол был весь в пыли, несмотря на то, что Серафима протирала его каждый вечер.

– Вижу, Владимир Николаевич, – обреченно кивнула она.

– Я не могу... Точнее, у нас нет... – Пирошников никак не мог построить фразу.

– Не трудитесь. Я поняла. Вы меня увольняете, – сказала она.

– Нет! – воскликнул он. – Я закрываю магазин. Он убыточен.

– Книги есть не просят. Это мне нужно иногда питаться, – горько усмехнулась она.

– Ну... Вы устройтесь... где-нибудь. Я постараюсь помочь... – неуверенно отвечал он.

– Кто же возьмет пожилую еврейку?

– Ах, бросьте! Таджики берут, – неосторожно возразил Пирошников.

Софья оскорбилась.

– Ну, спасибо... Видимо, я за восемь лет ничего другого не заслужила.

– Простите, я хотел сказать...

– Вы уже все сказали. Благодарю.

Она поднялась со стула и удалилась, однако, не в сторону улицы, а направилась к лифту, на котором и уехала вниз.

«Пошла жаловаться Залману», – понял Пирошников.

Он откупорил бутылку и выпил бокал вина. Тут кстати вернулась Серафима с продуктами, и Пирошников принялся пересказывать ей разговор с Софьей.

– А может быть, снять какое-то помещение, и пусть она там торгует? На зарплату себе она зарабатывает, – принялась рассуждать Серафима. – А мы здесь проживем.

– Проживем. Но с книгами. Вон какую стену построила. Как же мы без нее? – отшутился Пирошников. – Магазины не будут.

Серафима уже поняла, что Пирошников решил быть здесь до конца, почему – неизвестно. Впрочем, он и сам не мог бы объяснить, просто это был его дом, связь с ним была нерасторжима. И еще оставалась надежда, что дом выправится в конце концов, перестанет торчать нелепой кривой громадой среди ровных и ухоженных соседей.

– А вот на что нам жить – это вопрос... – заметил он.

– На мою зарплату, – мгновенно отозвалась она.

К сожалению, это предположение оказалось не очень обоснованным, как мы дальше увидим.

А пока следует рассказать, чем же завершился этот нервный вечер.

Нервным он был не только из-за неприятного разговора с Софьей Михайловной, но еще и потому, что Пирошников начал понимать, что бизнес-центра более не существует. Все уехали или вот-вот уедут, здание кренится, и публики для его выступлений более не предвидится. Он так и подумал про свои опыты – «выступления», приравняв себя к каким-нибудь фокусникам, престижиджитаторам, которым требуется аудитория, а без нее они – ничто.

Но позвольте, а как же спасение собственного очага? Как быть с подвижками дома? Как уберечь его от неминуемой гибели?

Что делать, если все способы, которые он может предложить, связаны с аудиторией, народом, внимающим ему и находящимся с ним «в сношеньях», по выражению Боратынского? Ведь без этих чтений, без этих «силлаботонических практик», чтоб они провалились, не сдвинется ни один кирпич!

Спасение родного очага оборачивалось необходимостью быть посмешищем – и чем смешнее, тем лучше.

А значит, и каморка эта эпатажная тоже лишается смысла. И душевая кабина под лестницей, и сортир с испанской сантехникой, и умывальник. Нет народа – нет движения, нет коллективного бессознательного. Не выть же ему с Серафимой по ночам: мооо-кузэй – в пустом вестибюле!

Оставшийся же немногочисленный народ с минус третьего этажа был почти весь в оппозиции к Пирошникову, кроме аспиранта, Дины и подводника Залмана. С такой поддержкой не то что дом – стул с места не сдвинешь!

И только он это подумал, как загудел лифт, открылись его двери, и оттуда вышли Залман с Софьей Михайловной. В руках у Залмана был плакат на швабре.

Старик, оставив свою даму у лифта, твердым шагом приблизился к каморке Пирошникова и поставил плакат у стены так, чтобы его можно было обозревать из вестибюля.

На этот раз на плакате было всего два слова:

НЕТ АНТИСЕМИТИЗМУ!

– На что вы намекаете?! – вскинулся Пирошников.

– Я не привык намекать! – ответил моряк. – Вы нарушили трудовое законодательство. Софье Михайловне полагается выходное пособие. Вы должны были предупредить ее за две недели.

– Хорошо, но при чем тут антисемитизм?!
– Антисемитизм всегда при чем, – парировал старик. – Пойдемте, Софья Михайловна, – обернулся он к ней.
И они покинули вестибюль.

11

С утра, лишь только Серафима взбежала на второй этаж в офис банка «Прогресс», каморку заполонили таджики, которые еще вчера уложили все трубы и теперь заделывали раны в полу и стенах.

Гуцэ пообещал сегодня закончить работу.

– Давай, твоя мат! – напутствовал он таджиков. – Бакшиш йок!

Пирошников вынес столик за ограду, положил на него пять томов Лотмана и уселся рядом на стуле на фоне плаката об антисемитизме. Как хотите, так и понимайте!

Вскоре прибежал взволнованный Браткевич.

– Владимир Николаевич, я начинаю что-то понимать! Это пока предположение, оно дикое, но похоже, что объект реагирует не только на энергетику высказывания, но и на его смысл! Даже на интонацию!

– А разве это не очевидно? Прочешь стихи Пушкина или промычать «Мооо» – разве нет разницы?

– В чисто энергетическом смысле нет. Иначе придется предположить, что объект мыслит! Имеет органы чувств и нечто вроде мозга для обработки информации.

– Он их, и вправду, имеет.

– Вы серьезно? – удивился Браткевич.

– Почти.

– Тогда возьмите еще вот это, – и он вручил Пирошникову маленький цифровой диктофон. – Он будет фиксировать тексты и музыку, привязывать их ко времени. А я потом синхронизирую с перемещениями объекта.

Пирошников засунул диктофон в карман. Сейчас ему были безразличны опыты аспиранта и даже сами подвижки дома, что так волновали его раньше. Дом стал практически нежилым – вот что главное. Нежилым – значит, неживым, подумал он. И все песни, стихи, заклинания – ему как мертвому припарки.

И жить нельзя, и бросить невозможно...

Через несколько дней после увольнения Софьи Михайловны и демарша Залмана оба они вновь предстали перед Пирошниковым, демонстративно скучающим у столика под плакатом.

Пирошников съезжился. Почему-то он предположил дурное – повестку в суд или требование денег, хотя он уже обещал Софье, когда она забирала свою сменную обувь и калькулятор, что выплатит ей все положенное.

Но дело оказалось в другом.

Поздоровавшись, Залман подошел к плакату и повернул его надписью к стене. Пирошникову пришлось встать со стула, потому что выглядело все весьма церемонно.

– Владимир Николаевич, я прошу прощения за свою эмоциональную выходку, – сказал старик. – И хотел бы вам объявить, что сделал Софье Михайловне предложение вступить со мною в законный брак.

– Вы просите благословения? – улыбаясь, спросил Пирошников.

Залман сделал паузу, как бы показывая неуместность шуток на такую важную тему.

– Нет, мы хотим пригласить вас на церемонию бракосочетания.

Софья Михайловна протянула Пирошникову пригласительный билет.

– На два лица, – сказала она.

Пирошников оценил этот жест.

– Благодарю, – кивнул он.

– И еще, Владимир Николаевич, у меня однокомнатная квартира в Купчине, вы знаете, – продолжала Софья. – Мы с Семеном Израилевичем решили жить здесь. Две комнаты все-таки... Да и архивы недалеко, где он работает. Я могла бы сдать вам свою квартиру за совершенно символическую плату. Собственно, за оплату коммунальных услуг... Не век же вам жить под лестницей.

– Спасибо... Но мы тоже решили жить здесь, – сказал он.

– Ну, как знаете.

И пожилая пара удалилась, прихватив плакат.

Таким образом, мосты были сожжены. Интересно, что Серафима не предлагала никаких вариантов переселения, поскольку пребывание Пирошникова в доме расценивала как миссию. А от миссии не уклоняются.

Однако обстановка усложнялась. С одной стороны, был закончен ремонт, и каморка обзавелась простенькой кухней и туалетом, в котором, кроме унитаза, присутствовала душевая кабина. Жить стало комфортнее, хотя по-прежнему невысокая книжная стена не могла скрыть происходящего в той половине каморки, которая была на виду. Вторая, спальная, половина под лестничным пролетом была тесна, там можно было стоять во весь рост лишь в туалете и душе, расположенных у внешней стены, а в самой спальне приходилось сгибаться в три погибели.

С другой стороны, лишилась работы Серафима.

Филиал банка был последним учреждением в доме, которое еще держалось на старом месте. Хотя было понятно, что это не может продолжаться долго. Один за другим закрывали счета фирмы и физические лица, не желавшие посещать банк с наклонным полом и видеть в вестибюле бизнес-центра ползающих по полу таджиков с кафельными плитками. Поэтому в один прекрасный день управляющий Гусарский подписал приказ о переезде. В тот же день он вызвал к себе Серафиму и предложил ей написать заявление по собственному желанию.

– А если я не напишу? – спросила она.

– Напишите. Это в ваших интересах, – отечески улыбаясь, отвечал он.

– Не понимаю.

– Поймете позже. Я все объясню Владимиру Николаевичу.

– Но вы, кажется, увольняете меня, а не его?

– Не увольняю, а прошу уйти. Но связано это с ним.

– Ну тогда объясните это ему. Я сделаю так, как он скажет.

– Договорились.

В тот же вечер Гусарский явился под лестницу, предварительно договорившись с Пирошниковым по телефону. Весь его вид и принесенные дары свидетельствовали о том, что он хочет придать разговору формат дружеского застолья. Он принес букет цветов Серафиме, торт и две бутылки хорошего марочного вина.

Подготовилась к визиту и Серафима, приготовив легкие закуски.

Как и положено в таких случаях, разговор поначалу касался незначущих мелочей: ремонтных работ, замужества Софьи Михайловны и поведения бывшего котенка Николаича, который за это время успел стать молодым котом и рвался на подвиги.

Подвиги заключались в периодических набеггах на минус третий этаж, где у домочадцев жили несколько кошек. Но это было опасно, учитывая междуэтажные отношения.

– У меня есть хороший ветеринар, – сказал Гусарский.

– Пусть погуляет, – махнул рукой Пирошников.

Однако постепенно перешли к главному.

Стороны констатировали, что история дома вступает в новую фазу. С эвакуацией банка в доме оставались начальник охраны Геннадий, два вахтера и постовые у дверей каждого офисного этажа, которых пока еще не уволили, хотя делать им было нечего. На пятом этаже находилась бухгалтерия с двумя женщинами – главным бухгалтером и кассиром. Вот и все.

– Позвольте, а население подвалов! Домочадцы! – воскликнула Серафима, слушавшая разговор.

– Их куда-нибудь уберут, – сказал Гусарский.

– Это не так просто, – заметил Пирошников, вспомнив старика Залмана с его плакатами.

– Пока о них не будем. Они нам не мешают, – продолжал Гусарский.

Собственно, он предложил бизнес-план, в котором Пирошников был предпринимателем-исполнителем, а банк «Прогресс» – инвестором.

– Что же я буду предпринимать? – иронически спросил Пирошников.

– То же, что и раньше. Читать стихи и двигать дом.

Замысел был грандиозный и совсем не такой фантастический, каким он мог бы показаться. Вот как он выглядел, по словам Гусарского.

После очистки дома банк вкладывает средства в перестройку второго этажа, где он находился, в культурно-зрелищное учреждение с большим залом на пятьсот мест и сопутствующими помещениями – фойе, гардеробом, артистическими, костюмерными. Называться это будет, положим, «Ток-шок Владимира Пирошникова»...

– Почему так? – спросил Владимир Николаевич.

– «Ток» – это от «ток-шоу», а «шок», потому что зрители будут испытывать шок.

У Гусарского все было продумано.

Он возмечтал пустить на конвейер вечера типа «силлаботонических практик», естественно, продумав режиссуру, используя всевозможные световые эффекты и музыку. И конечно, в конце представления зал должно тряхнуть, не без этого.

За это, собственно, и будут платить.

– А вы не боитесь, что может так тряхнуть, что никто костей не соберет? – мрачно спросил Пирошников.

Гусарский рассмеялся.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского! Вы подправите методику и сценарий, чтобы обойтись без жертв. Но тряхнуть должно сильно! Эффект землетрясения. Многим хотелось бы его испытать, не правда ли? Но с гарантией, что останешься жив.

– Дом может рухнуть.

– Ну, дом – это по вашей части. Договаривайтесь с ним сами... Впрочем, если эстрадный вариант вас не устраивает, то можно организовать настоящее телевизионное шоу с обсуждением проблемы дома и как его обустроить. Типа «К барьеру» или «Картина маслом». Но это менее прибыльно.

В планах Гусарского нашли себе место и издательство литературы соответствующего направления, и курсы молодых экстрасенсов, и майки с символикой...

– Я понял ваше предложение, – сказал Пирошников. – Но скажите, при чем здесь Серафима? Почему вы предложили ей уйти?

– Чистая тактика! Поверьте, я высоко ценю Серафиму Степановну как работника. Но я хотел бы полностью исключить коррупционную составляющую, как это нынче называют.

Отвечая на недоумения Пирошникова и Серафимы, управляющий объяснил, что в банке «Прогресс» большим пакетом акций владеет государство и всякое участие банка в бизнесе проходит особый контроль. И если обнаружится, что в банке работает жена человека, получившего льготный кредит, например...

– Но я не жена! – воскликнула Серафима.

– Серафима Степановна, шила в мешке не утавишь. Уже сейчас все знают, а когда ваш муж станет всероссийской звездой? А?

– Не хватало мне на старости лет стать звездой, – грустно заметил Пирошников. – Впрочем, спасибо. Мы подумаем.

Он так и сказал – «мы».

Уходя, Гусарский попросил Пирошникова устроить для банка еще один вечер поэзии, подобный «практикам». И даже обещал оплатить выступление.

– Соберемся здесь, если не возражаете, в холле. Сотрудников у меня пятьдесят человек, все придут, я гарантирую. Но уже после переезда.

– Бойтесь, что дом не устоит? – усмехнулся Пирошников. – За деньги он не пляшет.

12

Через три дня после того, как банк покинул помещения на втором этаже, состоялось обещанное выступление.

Народу собралось больше, чем ожидал Пирошников. Весь первый пролет лестницы был заполнен, публика сидела даже на полу вестибюля, а зрители-домочадцы пришли со своими стульями.

Явилась и так называемая «Подземная Рада» во главе с Данилюком, как сообщил Пирошникову Геннадий, имевший точные сведения о составе этой самой Рады. Гусарский сидел на почетном месте в первом ряду, а Серафима устроилась сбоку на книжных пачках.

Пришли и Залмаи с Софьей, и Дина. Не было лишь Браткевича, да и то по уважительной причине: аспирант в подzemелье следил за стрелками приборов, еще раз напомнив Пирошникову, чтобы тот не забыл включить диктофон.

Подшел и бледный юноша Август с горящим взглядом и пристроился ближе всех к Пирошникову, прямо на полу, как на квартирнике подпольного рокера.

Пирошников стоял у стены, перед ним находился тот же столик с книгами, в которых заранее были сделаны закладки. На этот раз он не надеялся только на свою память. Цитация предполагалась обширная.

– Дамы и господа, – начал Пирошников, дождавшись тишины, – сегодня я хотел бы сказать о предмете, который занимает меня всю жизнь, о чуде, которому я не перестаю удивляться, о радости, которую доставляет мне это чудо – чудо Русской Поэзии! Оно является порождением другого чуда, данного нам Богом, – Русского Языка – и с наибольшей силой доказывает существование этого Чуда. И если угодно – существование Бога...

На такой высокой ноте он начал – сразу, без разбега, объявил о божественном происхождении Поэзии и тут же перешел к Пушкину как главному и бесспорному для него аргументу. Пушкин, кстати, прекрасно понимал происхождение «божественного глагола» и всю подчиненность поэта Богу и даже его ангелам, как это явствует из встречи с шестикрылым серафимом.

Пирошников не часто говорил о Поэзии всерьез, слишком волнующа была для него тема. Он часто предпочитал иронизировать, пародировать собственные чувства, иначе голос начинал дрожать, а глаза влажнели. И сейчас он ждал, когда внутренний бесенок пошлет ему спасительную насмешку – и дальше все покатится на легкой улыбке и к удовольствию слушателей.

Но такого момента не наступало.

Он едва вытянул отрывок из «Медного всадника», и ему пришлось сделать передышку на эпиграммах, чтобы придти в себя, но дальше следовала лирика.

Почему это его так волновало? И что именно? Звуки, набор странных значков на бумаге?

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Что же такого отвратительного было в жизни поэта, о чем он не мог вспоминать без трепета и проклятий? Что отвратительного было в жизни Пирошникова?

По совести сказать – ничего особенного. Но именно совесть говорила иначе – и заставляла лить слезы.

Он говорил, читал стихи, вглядывался в лица и чувствовал, что в груди нарастает знакомое теснение, предшествующее боли. Он взглянул на Серафиму, и этого взгляда было достаточно, чтобы она все поняла, напряглась и уже не могла воспринимать стихи, а лишь следила за ним, за его голосом и руками.

Он будто передал ей частицу своего беспокойства, и это ему помогло. Он перешел к Тютчеву, почитал любимое стихотворение Блока – «Когда в листве сырой и ржавой...» – и добрался до Ахматовой.

Это не был обзор русской поэзии. Получался обзор собственной жизни, но об этом никто не догадывался. Никто, кроме Серафимы.

Я не знаю, ты жив или умер, —
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.

Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.

Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.

...Пирошников сделал паузу. Ему вдруг показалось, что у него кружится голова и пол плышет под ногами. Он оглядел аудиторию. Взгляды были устремлены на него, но в них читалось разное. Молодые внимали с живым интересом, а те, что постарше, скучали. Гусарский в первом ряду кивал одобрительно, а за ним сидела троица домочадцев – Данилюк в центре, а по бокам два мужика. Один был особенно выразителен – туиная толстая харя с заплывшими глазками, которыми он буквально сверлил Пирошникова, как бы говоря: «Болтай, болтай, скоро мы до тебя доберемся...»

«Выкозиков...» – вспомнилась ему фамилия. Несомненно, это был он.

Внезапно Гусарский, запоздало решив, что Пирошников закончил, заплотодировал и его служащие подхватили.

Но Пирошников поднял руку.

– Сейчас, еще одна минута... Итак, белая стая стихов. Кто эти птицы? Журавли? Лебеди? Или это вовсе не птицы?..

Перед ним возникло медленное кружение белых птиц на фоне бездонной пропасти. И пол снова поплыл.

– Я сяду, – сказал он, опускаясь на стул. – Извините.

Гусарский понял, что Пирошникову стало худо – может,

сердце или давление, – но заканчивать мероприятие по плану было необходимо.

Он встал, повернулся лицом к зрителям и провозгласил:

– А теперь, друзья, в доброй старой традиции силлаботонических практик проведем сеанс медитации. Вспомните, как мы репетировали! Приготовиться... Моооооо!..

И публика грянула:

– Кузэй!

И в тот же миг дом будто припал на колено. Словно подломилась подпорка левого переднего угла и этот угол сместился сантиметров на тридцать вниз с каким-то непонятным чавканьем. И вместе с ним, естественно, сместился весь пол, приобретя наклон не только по продольной оси здания, но и по поперечной.

Общий вскрик ужаса сопровождал подвижку.

– Всем покинуть помещение! – не растерялся Гусарский.

И первым кинулся к турникету.

Возникла суматоха, столпотворение, кто-то кинулся вниз – спасти своих домочадцев, но больше подвижек не было, и все благополучно просочились сквозь турникет на улицу.

Вышел туда и Пирошников, поддерживаемый под руку Серафимой. Она с тревогой заглядывала ему в лицо, стараясь понять, насколько серьезен приступ.

Посреди проезжей части темной улицы стояла толпа участников медитации и, задржав головы, смотрела на дом. Пирошников тоже поднял голову.

Дом все еще напоминал корабль, взбирающийся на волну, но теперь это был корабль, получивший пробоину в левый борт, ближе к носу. Он весьма ощутимо заваливался влево.

Из подъезда выскочил Максим Браткевич с рулоном самописца, на котором запечатлена была какая-то кривая типа электрокардиограммы.

– Что вы наделали! – кинулся он к Пирошникову. – Дайте диктофон!

Пирошников молча протянул ему диктофон.

– Дом практически выправился. Тихо, плавно... По поперечной оси. Дошел до вертикали. И тут случился скачок вниз. Что вы сказали?

– Спросите у них, – указал на толпу Пирошников.

– Максим, потом, потом... – прервала его Серафима. Но толпа слышала весь разговор и начала надвигаться, беря Пирошникова в плотное кольцо. Служащих банка было немного среди них, вопрос волновал домочадцев.

Геннадий протиснулся сквозь толпу и встал рядом с Пирошниковым, давая понять, что он его в обиду не даст. Серафима теснее прижалась к Пирошникову, не переставая поддерживать под локоть.

В первом ряду стояла Подземная Рада – три идейных богатыря, представители разъяренной общественности. Это был созданный Данилюком неформальный орган власти минус третьего этажа. Из-за плеча Выкозикова выглядывал юноша Август.

– По какому праву... – начал мордастый, которого Пирошников определил как Выкозикова.

Угрюмый тип рядом с ним, отличавшийся развитой нижней челюстью, подхватил:

– И на каком основании...

– Вы покушаетесь... – ввел в оборот деяние Пирошникова Данилюк.

– На жизнь и здоровье граждан?! – закончили они хором.

«Спелись... – подумал Пирошников. – Наверное, тоже репетировали...»

Им овладело праведное бешенство – состояние, в котором он способен был огрызаться.

– С кем имею честь? – возвысил он голос.
– Ви мене бачили, – сказал Данилюк.
– Нифонт Выкозиков, музыкальный работник, – представился мордастый.
– Даниил Сатрап, – хищно блеснув глазом, произнес третий.
– Это должность или профессия? – дерзко пошутил Пирошников.
По тяжелому взгляду Сатрапа он понял, что нажил себе злейшего врага.
– Це призвище, – пояснил Данилюк.
– Нет уж, дорогой Иван Тарасович, это не прозвище! Это моя фамилия, данная мне предками! – заявил Сатрап довольно резко.
– Фамилия, конечно! Це ж я на мове, – успокоил его Данилюк.
Эта лингвистическая путаница несколько отдалила Раду от основного вопроса и дала Пирошникову время придумать ответ.
– Все согласовано с властями. Проводятся исследования, вы видите, – кивнул он на аспиранта с рулоном осциллограммы. – Обращайтесь в Смольный.
В это время из подъезда выбежала наспех одетая мадам Данилюк с криком:
– Рятуйте, трубу прорвало!
Домочадцы бросились к родным очагам. Пирошников успел заметить, как председатель Рады, подхватив под руку Августа, буквально поволок его с собою в дом. Впрочем, юноша не упирался.
Геннадий достал телефон и принялся вызывать аварийную службу, в то время как управляющий Гусарский спешно уводил свой отряд операционистов в хитросплетение темных улиц Петроградской стороны.

13

Дом опустел. Ветер гулял по пустым коридорам, хлопали двери и ставни, капала в туалетах вода – все было слышно, и во всем была тоска одичалости.

Лишь минус третий жил обычной жизнью, не замечая перемен наверху. После изгнания Пирошникова и ремонта трубы, лопнувшей при последней подвижке, жизнь вернулась в свое русло, но почему-то *утратила* смысл.

Нависшая над домочадцами пустота в семь этажей, включая два минусовых, неприятно сказывалась на психике людей. Домочадцы чувствовали себя покинутыми.

В этих условиях Пирошников с Серафимой, продолжавшие жить в благоустроенной камерке под лестницей с открытым входом, обозначенном книжными пачками, вызывали все большее раздражение. Да и понятно, все беды в доме за последние месяцы связывались с этим безобидным с виду седым любителем поэзии, а его связь с молодой дамой попирала общественную мораль.

Справедливости ради следует сказать, что мораль попиралась очень осторожно и не часто, со всеми возможными предосторожностями, глубоко под лестницей, ночью.

Поэзию тоже возненавидели на всякий случай. И совершенно перестали покупать.

Посему Пирошников с Серафимой часто предавались безделью, совершенно открыто играя в «подкидного» двое на двое с четой Залманов, которые хотя и оформили отношения официально, тоже не пользовалась доверием домочадцев.

Управляющий «де факто» Геннадий тщетно пытался поддерживать трудовую дисциплину охранников, рассылая их по утрам проветривать помещения, после чего найти их в пустых коридорах и комнатах уже было невозможно. Он же поддерживал связь с миром через Интернет, потому что Пирошников с Серафимой совершенно потеряли интерес к жизни за пределами турникета, как бы выжидая нового поворота судьбы.

– Стагнация! – провозгласил однажды Геннадий, вычитав это слово в Интернете.

– Вы совершенно напрасно засоряете русский язык, молодой человек! – сделал ему замечание Залман, раздавая карты. – Есть прекрасное слово «застой».

– Один фиг, – безмятежно заметил Геннадий.

– Дурдом, – внесла свое предложение Лариса Павловна, которой по долгу службы приходилось быть в курсе всех разговоров.

Поворот судьбы должен был случиться, потому что дальше так продолжаться не могло. Поток арендных поступлений в бухгалтерию бизнес-центра превратился в тоненький ручеек, текущий с минус третьего этажа. Он далеко не покрывал расходы на коммунальные платежи и охрану. Потенциальные арендаторы заходили в здание не дальше вестибюля и замирали на наклонном полу в странной позе, как бы делая выбор между двумя вертикалями – гравитационной и местной, определяемой домом. После чего уходили.

Для Пирошникова во всем этом имелся маленький плюс – на этом наклонном полу хромали все, поэтому его хромота была практически незаметна.

Предвестником поворота судьбы стало появление Даниила Сатрапа с бумагой.

Он оказался сослуживцем Данилюка, то есть работником прокуратуры, и явился, чтобы известить Геннадия о том, что прокуратурой произведена проверка, которая показала, что никаких разрешений со стороны Комитета по строительству, а также других органов исполнительной власти на проведение каких-либо исследований и экспериментов в бизнес-центре «Петропавловский» не существует.

После чего Сатрап перешел к Пирошникову и объявил тому, что прокуратурой Петроградского района против Пирошникова Владимира Николаевича возбуждено уголовное дело по факту вандализма и покушения на жизнь и здоровье двух и более человек.

Даниил Сатрап не был домочадцем, потому ему и поручили вести это дело, тогда как Иван Тарасович Данилюк, его коллега, перешел в разряд потерпевших и следствие вести не мог.

Произнеся официальный текст, Сатрап сладострастно улыбнулся, вручая *бумагу*. Пирошников заметил, что у него одно веко приспущено, как шторка. Вообще же он был похож на Щелкунчика со своей нижней челюстью.

– И что из этого следует? – спросил Пирошников.

– Ничего. Пока ничего. От возбужденного дела до осужденного преступника есть небольшая дистанция. Мы постараемся ее сократить.

Само собой разумеется, что оба слова – «возбужденного» и «осужденного» – он произнес с ударением на «у», как и положено прокурорским.

Прокурор Сатрап удалился, и в вестибюле повисла тишина. Нарушила ее Лариса Павловна, которая повторила фразу, которую слышали уже неоднократно:

– Надо звонить в Лондон.

– В Лондоне знают, – нехотя возразил Геннадий.

– Если знают, то почему ничего не делают?

– Откуда вы взяли! И потом – что вы предлагаете сделать? – Геннадий сделал обобщающий жест, объединивший пространство, время и материю.

– Убрать это безобразие! – указала на уголок Пирошникова вахтерша.

– И что дальше?

– Сносить надо дом! Сно-сить! – вдруг вступил Залман и резко хлопнул колодой карт по столу.

– Ну почему же сразу сносить... – нерешительно возразил Пирошников.

– Если вы, уважаемый Владимир Николаевич, не можете его выправить, то его следует снести. Снести! – Залману понравилось это слово, он с удовольствием его повторял.

– Ну как я один?.. – уныло проговорил Пирошников.

– Почему один? Ветераны помогут.

Пирошников представил толпу ветеранов, сносящих дом под звон медалей и орденов на своих тужурках. Получилось похоже на фильм «Падение Берлина».

– Да, правда... Давайте всех их позовем... – совсем слабым голосом предложил Пирошников.

Серафима опять давилась от смеха, наблюдая очередное представление Пирошникова.

– Я могу организовать, – солидно проговорил Залман. – Только чтобы без всяких ваших эзотерических штук!

– Что вы имеете в виду?

– Ну, эти ваши... мооо-кузэй! Никаких мооо-кузэй!

– Помилуйте, но как же без них! А кто будет двигать дом? Ветераны? Руками? – возмутился Пирошников.

– Я организую самосвал, – защищался Залман.

– Ага. И подводную лодку не забудьте!

– Владимир Николаевич... – укоризненно проговорила Софья.

– Простите. Шучу. Ну, не знаю я. Ничего не могу предложить, – признался Пирошников.

Геннадия наскучил этот разговор, он скрылся в лифте и уехал куда-то вверх.

Компания продолжила карточную игру до возвращения Геннадия. Вернулся он через час и, выйдя из лифта, сразу обратился к Пирошникову:

– Вас вызывает собственник дома, Джабраил!

– В Лондон? – невозмутимо переспросил Пирошников.

– Нет. Сам сюда прилетит.

– Жаль. И когда же?

– Завтра.

– Ну, слава Богу! Хоть хозяин приедет, – вздохнула из будки Лариса Павловна. – Дом без хозяина не стоит.

Чем-то старым повеяло, фольклорным. «Вот приедет барин, барин нас рассудит...» С тою только разницей, что барин ожидался кавказской национальности и довольно молодой. Геннадий сказал, что Джабраилу тридцать два года.

На следующий день с утра стали заметны признаки приближения Хозяина. С восьми часов взвод уборщиц под предводительством Геннадия отправился на крышу, где располагалась резиденция, чтобы навести там порядок. Через час прибыли повара с продуктами и официанты, призванные оживить кухню и столовую. Охранники облачились в униформу и стояли на каждой лестничной площадке. Домочадцев с минус третьего впускали и выпускали на улицу через запасной пожарный выходы.

Увидя все эти приготовления, Пирошников дрогнул. Улучив минутку, он обратился к Геннадия:

– Может, убрать мое хозяйство с глаз долой? – указал он на свое гнездышко в вестибюле.

Геннадий подумал.

– Нет. Хозяин приказал обеспечить комфорт. Мы обеспечили. Пусть видит.

Пирошников вновь облачился в костюм с галстуком– бабочкой, сходил в газетный киоск, купил журнал «Сноб» и уселся с ним на видном месте при входе в свое жилище.

Серафима неожиданно проявила строптивость. Она заявила, что не желает участвовать в показухе, и отправилась в кино.

Геннадий то и дело прикладывал к уху телефон, отслеживая перемещения Хозяина. Была уже середина дня.

Наконец он сообщил:

– Едет из «Пулкова».

Через полчаса распахнулись двери, и в холл стремительно вошла группа молодых людей из семи человек. Все были одеты одинаково – в черные плащи с шелковыми шарфами, остроносые лаковые ботинки и темные узкие брюки в полоску. Но самое главное состояло в том, что они были похожи, как близнецы – все на одно лицо. Они прошествовали через турникет ровным строем и скрылись в лифте.

Лифт вознесся вверх.

Пирошников оторвался от журнала и проводил их глазами.

– Охрана? – спросил он.

– Да. Шестеро – охрана. Но седьмой – Джабраил, – ответил Геннадий.

– Который из них? – удивился Пирошников.

– Фиг его знает... Это его ноу-хау. Подбирает охрану по своему подобию и одевает так же. Чтобы запутать врагов.

– А как же ты его отличаешь?

– По кабинету. Тот, кто в кабинете сидит – Джабраил. Не ошибешься. Остальные в других местах.

У Геннадия запищал телефон.

– Вызывает... – сказал он, посмотрев на дисплей. – Да, слушаю. Есть, – сказал он в трубку и тоже исчез в лифте.

Пирошников остался ждать, когда его тоже позовут наверх, размышляя о том, как забавно выглядела бы его охрана, если бы она у него была и подбиралась по принципу Джабраила. Семь прихрамывающих жизнерадостных старичков напомнили ему диснеевских гномов. Но где же Белоснежка?

Геннадий позвонил через час и пригласил:

– Джабраил вас ждет. Шестой этаж.

Пирошников посмотрелся в зеркало. Там он обнаружил пожилого джентльмена в костюме с галстуком «бабочка», который придавал джентльмену слегка анекдотический вид по здешним понятиям, но был вполне естественен для жителя Лондона.

Пирошников вошел в лифт и через минуту вышел из него на шестом этаже, который оказался крышей здания, приспособленной под резиденцию хозяина.

Наконец он понял, как устроена эта резиденция. Видимая снизу часть была верхом стеклянного купола, накрывавшего находящиеся внутри сооружения – апартаменты хозяина и зону рекреации, где располагались бассейн с сауной и помещения для отдыха с музыкальными аппаратами, телевизорами, бильярдным столом.

В эту зону и попадал посетитель, приезжавший на лифте. Здесь Пирошникова ждал Геннадий, который по случаю официального визита Хозяина тоже был одет в униформу – нечто среднее между офицерским френчем и костюмом швейцара.

Пирошникову показалось, что Геннадий за этот час как-то изменился. Он сухо и официально кивнул Пирошникову и указал, куда идти.

Они прошли вдоль бассейна по резиновой дорожке ко входу в апартаменты. Вода в бассейне была голубая, но картину очень портила наклоненная поверхность воды, точнее, поверхность – то наклонена не была, это стенки бассейна отклонялись от вертикали.

Геннадий открыл дверь и пропустил Пирошникова. Они прошли по коридору, куда выходили еще несколько дверей, и вошли в кабинет.

Хозяин сидел за письменным столом и разглядывал что-то в ноутбуке. Обстановка была богатая, но без излишней роскоши. Увидев гостя, Джабраил поднялся и пошел ему навстречу. Они с Пирошниковым обменялись рукопожатием и приветствиями.

– Геннадий, ты пока свободен. Я вызову, – обратился к помощнику Джабраил.

Геннадий молча кивнул и вышел из кабинета.

Некоторое время Джабраил разглядывал гостя, доброжелательно улыбаясь. Пирошников отметил про себя, что если бы этот молодой человек встретился ему где-то случайно, то он произвел бы весьма приятное впечатление. Джабраил был изящен, строен, двигался с кошачьей мягкостью, с лица его не сходила располагающая улыбка.

Но сейчас Пирошникову приходилось быть настороже, поскольку намерения Джабраила были совершенно неизвестны.

Джабраил жестом пригласил гостя сесть. Пирошников выбрал кожаное кресло – одно из нескольких, окружавших стеклянный низкий стол внушительных размеров, на котором лежали какие-то бумаги. Хозяин уселся напротив и закурил, предварительно испросив согласия Пирошникова.

Он, словно умелый лицедей, держал паузу, продолжая изучать Пирошникова.

Наконец откинулся на спинку кресла и начал говорить.

– Владимир Николаевич, я о вас все знаю. Вам обо мне знать не требуется, это ни к чему. Позвольте мне сразу перейти к делу.

Пирошников позволил, отметив про себя, что Джабраил говорит по-русски совершенно чисто и даже наслаждается этой чистотой и правильностью речи. Ни благоприобретенного английского акцента, ни родного акцента уроженца Кавказа в его речи слышно не было.

– Я далек от того, чтобы винить вас в том, что произошло и продолжает происходить с моим... точнее, с нашим домом. Но нужно принимать какие-то меры...

– Я постараюсь... – вставил Пирошников, с неудовольствием заметив слегка подобострастный тон своей реплики.

Джабраил улыбнулся.

– Я думаю, вам ничего иного не останется, как постараться. Очень постараться. Потому что я принял решение отдать эту собственность вам.

– Как? – не понял Пирошников.

– Очень просто. Видите эту зажигалку? – Он поднял со стола массивную зажигалку Zippo, украшенную бриллиантом. – Я ее вам дарю на память о нашей встрече.

Он протянул зажигалку Пирошникову. Тот неуверенно ее принял.

– Вот также я дарю вам мой дом со всем содержимым, включая этот кабинет, и бассейн, и столовую, и все финансовые документы, и персонал, если у него не будет возражений. За исключением арендаторов. С ними вы будете договариваться сами... Вот дарственные документы.

Он указал на лежащие перед ним бумаги и снова замолчал, любясь произведенным эффектом.

Многолетняя привычка Пирошникова наблюдать за любой ситуацией со своим участием со стороны не позволила ему действовать пошлым образом, издавая невнятные восклицания, хватаясь за грудь и ища слова благодарности.

Он тоже сделал паузу, как бы обдумывая предложение, а потом сказал:

– А если я откажусь?

По лицу Джабраила Пирошников понял, что тот доволен таким ответом. Партнеры оказались достойны друг друга.

– Тогда я буду вынужден выселить оставшихся арендаторов, снести этот дом, заказать новый проект, потом строительство... Долго и дорого.

– Почему вы хотите отдать дом мне, если на то пошло?

– А кому? Вы один можете выправить его. В нынешнем состоянии привлечь арендаторов почти невозможно, значит, нужно непрерывно тратить деньги на содержание дома...

– А если мне не удастся этого сделать? Или удастся, но не сразу?

– Я буду следить за финансовым состоянием объекта. Геннадий посылает мне бухгалтерские отчеты, я гашу долги... В разумных пределах. Я полагаю, что с вашей стороны злоупотреблений не будет.

– Спасибо, – кивнул Пирошников. – Можете быть уверены.

Собственно, тут только до него начало доходить, что речь идет не о зажигалке, а об огромном старом доме, практически пустом, с тремя подземными этажами, с полутора сотнями жильцов, живущих на глубине десяти метров, – доме, который погружается в землю, заваливаясь при этом набок.

И этот дом надо спасать, налаживать в нем быт, находить средства к существованию.

– Значит, по рукам? – спросил Джабраил.

Но Пирошников колебался.

– Знаете, я привык искать истинные причины событий, – ответил он. – Если я их не понимаю, я не знаю, зачем мне в них участвовать. Вы предлагаете революцию, смену власти. Я не понимаю причины... Вы же знаете, что я не владею методикой управления подвижками дома. И исследования Браткевича тоже пока ничего не дали. Зачем вы отдаете дом мне, вместо того чтобы просто назначить «де юре» управляющим Геннадия, который и так является им «де факто»?

Джабраил затаился, выдохнул дым и хитровато взглянул на Пирошникова.

– А вы сами не догадываетесь?

– Нет.

– Дело в том... Геннадий – отличный работник, я его ценю. Но что бы он ни делал, ни говорил, ни думал... как бы ни изворачивался... дом не сдвинется ни на миллиметр. А на ваши движения души он почему-то реагирует.

– Но я же говорил... Это неуправляемо.

– И прекрасно. Это меня устраивает. Считайте, что я хочу посмотреть, что будет. Я историк. Я закончил Московский университет, сейчас учусь в Оксфорде. Моя специализация – новейшая история России... Если хотите, я ставлю эксперимент.

– А я и все арендаторы – подопытные кролики?

– Да. Впрочем, мы все подопытные кролики. Итак?

Джабраил достал из кармана пиджака связку ключей и протянул на ладони Пирошникову.

И Пирошников их взял.

(окончание следует)

Дэн Шорин Звезды для дочки Рассказ

– Папа, а космос – это далеко?

Мы гуляем по парку, и маленькая Инга смотрит на меня влюбленными глазами. Наташа идет рядом, по выражению лица я понимаю, что она не разделяет щенячьего восторга дочери.

– Космос начинается вот тут, дочка, – я хлопаю себя по груди.

– Папа, я хочу в космос!

Поднимаю ее на руки и заглядываю в карие глазенки.

– Если человек к чему-то всю жизнь стремится, рано или поздно он к этому придет. Даже если для этого придется перешагнуть через вселенную.

Наташа недовольно бурчит за спиной. Насколько я знаю, сейчас она больше всего на свете хочет отобрать у меня дочку и крикнуть, чтобы я замолчал. Но в органах ей это, конечно, запретили. Они все еще пытаются получить секрет Нуль-Т. Людям порой трудно понять самые простые вещи, они всегда пытаются искать секреты там, где их нет. А для меня многие тайны перестали быть тайнами. После Ветрянки.

– Максим, пожалуйста, не пудри дочери мозги. Инга, девочка, папа шутит.

Наташа совершенно не умеет мечтать. Она никогда в жизни не смотрела в небо.

– Мама, смотри, звезды совсем рядом!

– Максим, отпусти Ингу!

Чаша терпения Наташи переполняется. Сейчас ей плевать на особистов, плевать на всю вселенную. Есть ее ребенок, и есть безответственный отец этого ребенка, который уже не совсем человек и который хочет сделать драгоценному ребенку что-то непонятное – но обязательно плохое.

– Мама, но почему? – хнычет Инга.

– Девочка, мама не видит звезды, – отвечаю я.

– Она слепая? – девочка доверчиво смотрит на меня.

– Нет, дочка, она домашняя.

Наташа забирает у меня Ингу и крепко прижимает к себе.

– Инга, не верь ему, твой папа плохой... человек, – на слове «человек» Наташа делает едва заметную паузу.

– Зато он хороший папа! – заявляет маленькая проказница. – Мама, знаешь, когда я вырасту, я ни за что не буду домашней.

– Максим, что ты делаешь с Ингой? – произносит Наташа назидательно-официально.

– Он меня взрослеет! – отвечает девочка.

Наташа фыркает, а я поднимаю взгляд в небеса. Нахожу взглядом Сириус и перешагиваю через бездну.

Он подошел, когда я через прозрачный купол старбара наблюдал восход Сириуса. Валера всегда находит меня, не знаю, как это у него получается. Думаю, ему помогает кто-то из наших. Впрочем, Валера ни разу не подтвердил это мнение. Как и не опроверг.

– Красиво, не правда ли?

– Здравствуй, здравствуй, – прячу улыбку я. – Как дела?

– В личной жизни или в институте?

– Могу поспорить, что личной жизни у тебя до сих пор нет. Ты трудоголик, Валера, а женщинам нужно иногда уделять время.

– Когда-нибудь найдется та, которая сможет принять меня таким, какой я есть, – улыбается Валера.

– И говорить вы с ней будете исключительно о квантовой физике, – сообщаю другу я.

– Говорить мы с ней будем о жизни. Знаешь, Максим, жизнь нечто большее, чем пришел-ушел-вернулся, даже если каждый твой шаг длиной с десятков светолет. Вот ты о Наташе подумал?

Натянуто улыбаюсь. Ну и кто тянул меня за язык начинать разговор о личной жизни? В некоторых вещах Валера просто невозможен.

– А как дела в институте? – без тени смущения спрашиваю я.

Будь на месте Валеры кто угодно другой, мой финт просто не прошел бы. Но для Валеры работа – все, он просто представить себе не может, что я просто ухожу от неприятной темы.

– Все по-прежнему. Все говорят про колоссальные достижения института пространства и времени, но успехи пока остаются только на бумаге.

– Сегодня все открытия делаются на *бумаге*, – тяжело вздыхаю. – Времена ученых-одиночек ушли со смертью Альберта.

– Согласен, – Валера долго смотрит сквозь выпуклое стекло купола на медленно выползающий из-за горизонта слепящий диск. – А знаешь, мы почти поняли, как вы ходите.

– Расскажи-расскажи, – я с интересом смотрю на Валеру.

– Электромагнитные поля. Сложная модуляция, способная к созданию информационного двойника. А так как при переходе нарушается закон сохранения энергии, то оригинал просто исчезает, а копия возникает на новом месте.

– Эксперимент «Филадельфия»? – я вежливо улыбаюсь. – По-моему, давно доказано, что это *ушная* мистификация.

Валера смущенно кашляет. Я прекрасно понимаю его. Человечество слишком долго обманывали, и теперь люди не верят простым решениям. Бывает.

К нам подходит официант. Местный. Человек.

– Чего изволите? – спрашивает он.

– Дежурное блюдо, – заказывает Валера.

– А мне графин воды, – я вежливо улыбаюсь официанту. И когда он отходит, медленно сообщаю Валере:

– Он из безопасности.

– С чего ты взял?

– Знаю.

Валера задумчиво смотрит на восход.

– Все-таки многое вам дала Ветрянка. Гораздо больше, чем человек может выдержать.

– Не Ветрянка нас научила этому знанию. Земля.

– Земля? – он недоверчиво улыбается.

– Знаешь, сколько раз меня пытались убить?

– Может, это иммунная система человечества?

– Обычная ксенофобия.

Официант приносит заказ. Из тарелки Валеры вкусно пахнет ванилью и какими-то пряностями. Наливаю воды в стакан и залпом выпиваю.

– Чего ему надо? – спрашивает Валера, торопливо жуя.

– Нуль-Т, – отвечаю я. – Новая игрушка для человечества. Не думаю, что он здесь, чтобы причинить мне вред. Просто шпионит. Космическая безопасность наконец-то поняла, что сами они Нуль-Т не откроют.

– Максим, расскажи о Ветрянке, – просит Валера.

– Что тебе рассказать? Про Источник писали во всех газетах...

- Нет, расскажи с самого начала. Я хочу понять вашу мотивацию.
- Мотивацию? – задумчиво гляжу на Валеру.
- Мотивацию, – повторяет он.
- Ладно, слушай.

Первый раз о Ветрянке люди слышали три года назад. «Титан» в тот раз возвращался на полтора тысячах световых со стороны Ядра. Настроение было хорошее, мы открыли три пригодные к терраформированию планеты, а впереди маячил двухгодичный отпуск. Я постоянно торчал на камбузе, пытаюсь снять антиалкогольную защиту с синтезатора. Всей команде до чертиков надоел отдающий хвоей самогон, перегоняемый Лыскиным у себя в генераторной, а синтезатор на камбузе был способен выдавать даже марочные вина. Вот только между этой эстетикой и экипажем стоял код, поставленный капитаном Юдиным, убежденным трезвенником и тираном. Согласно теории вероятности, поставленная передо мной задача не имела решения. Пятьдесят триллионов вариантов – это вам не фунт изюма. На практике, вероятно, тоже. Только меня что-то дернуло поспорить с Димкой Аковым, что я этот код сделаю. Наверное, причиной столь опрометчивого заявления был пятый или шестой стакан самогона; впрочем, о мотивах импульсивных поступков я задумывался крайне редко.

Сначала подобрать код мне показалось занятием плевым. Когда дни рождения кэпа, его жены, тещи и старшего сына во всех формах синтезатор принять отказался, я призадумался. Человеческий разум не может охватить пятьдесят миллиардов абстрактных чисел. От силы – несколько тысяч. Только как определить нужную мне комбинацию? Я курил прямо на камбузе, благо Санька Норкин благополучно забил на обязанности кока и целыми днями торчал у себя в каюте, проводя досуг за изучением порнодисков. Скорее всего, я бы переиграл Юдина. У меня тогда был и стимул, и необходимая квалификация, и, как я думал, масса свободного времени. Но судьба распорядилась иначе. Мои потуги прервал противный зуммер.

Сам по себе сигнал маршевой тревоги чем-то экстраординарным не является. Галактика похожа на большую свалку, в которой временами встречается самый неожиданный мусор. Когда этот мусор оказывается на пути «Титана», Юдин включает маршевые двигатели. И корабль слегка подправляет траекторию, избегая нежелательной встречи. Но мое счастливое неведение длилось всего несколько секунд. До того, как я посмотрел на пейджер и зафиксировал плановый промежуток работы маршевых двигателей. Полтора часа. При нашем ускорении за это время можно повернуть под прямым углом. Или обогнуть без потери скорости черную дыру среднего класса.

В рубку я влетел ровно через три минуты, пренебрегая всеми правилами безопасности. Кроме Юдина, здесь сидели особист Симагин и бортмеханик Димка Аков.

– Что за фигня происходит? – от души рывкнул я.

– Сядь в компенсатор, – спокойно сказал Юдин и повернулся ко мне. – Через две минуты включатся маршевые, а кататься по полу во время ускорения достаточно некомфортно.

Я уселся в эластичное кресло гравикомпенсатора и застегнул ремень.

– Ну а теперь мне кто-нибудь объяснит, что случилось? Вы что, черную дыру нашли на занесенном во все лоции маршруте?

– Не дыру, – планету, – коротко сказал Симагин.

– Ерунда. Откуда здесь взяться планете? Хочешь, я тебе докажу, что все это чушь. Во-первых, пять месяцев назад приведенным курсом шел «Альбатрос». Никакой планеты он, разумеется, не нашел. Во-вторых, чтобы обогнуть по оптимальной траектории планету, достаточно включить маршевые ровно на пять минут. В-третьих, во время проведения штатной корректировки курса присутствие бортмеханика в рубке управления не предполагается.

– Присутствие виртуальщика – тоже, – буркнул Дима.

– А ты посмотри показания приборов, – посоветовал мне Юдин. – А потом делай выводы.

Я надел шлем и считал информацию с корабельного компьютера. Планета была. Без звезды, без спутников. Просто блуждающая планета. А еще в ней имелась какая-то странность. Я не смог сразу понять, в чем дело, но, определенно, что-то здесь было не так.

– Объясните, что происходит, – спросил я.

– Нет, это ты объясни нам, что видишь, – сказал Симагин. – Ты виртуальщик или где?

– В двенадцати градусах относительно курса фиксирую блуждающую планету земного типа. Корректировать курс не вижу необходимости, мы проходим мимо.

Словно в ответ на мои слова включились маршевые двигатели, и компенсатор со свистом принял мой возросший вес.

– Расскажи нам подробнее про эту планету, – попросил Юдин.

– Планета земного типа размером с Марс. Гравитация на поверхности 0,8 же. Атмосфера по плотности близка к земной. По составу ничего сказать не могу, нужно посылать зонд. Температура поверхности около двухсот пятидесяти по Кельвину. Атмосферное давление...

– Как ты думаешь, что может поддерживать такую температуру на поверхности планеты, у которой нет звезды? – бесцеремонно прервал меня Юдин.

– Внутренние тектонические процессы? – ляпнул я.

– Чушь, – возразил Юдин. – Источник внешней энергии все равно нужен.

– Ядерный синтез внутри планеты? Масса маловата. Холодный термояд? Считается, что в естественных условиях он невозможен. Единственное объяснение – тектонические процессы. Но хорошо бы посмотреть на это поближе.

– Вот мы и летим посмотреть на это поближе, – ответил Юдин. – Эта планета может оказаться самым громким открытием века.

Капитан как в воду тогда глядел. Ветрянка стала эпохальным событием. А еще судьбой. Говорят, человек сам делает свою судьбу. Я пытался. Не получилось. Мою судьбу сделала Ветрянка. Впрочем, это справедливо для всего человечества.

Валера тем временем переводит взгляд за окно. Сириус будто передумал подниматься из-за горизонта и сейчас медленно отползает назад. Для Валеры это в диковинку. Не удивлюсь, если он это сугубо астрономическое явление припишет моим проискаам. Что делать, если вращение планеты вокруг своей оси в совокупности с замысловатой орбитой второго спутника временами дает столь незабываемое зрелище. Моей вины здесь нет никакой, я просто люблю смотреть на Сириус. В такие минуты мне кажется, что необратимых поступков в этой вселенной не бывает.

– Откуда она взялась? – Валера переводит взгляд на меня.

– Кто? – теряюсь я.

– Ветрянка. Ты же говорил, что «Альбатрос» ее не обнаружил.

– Может быть, плохо смотрели, – равнодушно замечаю я. – Может быть, она появилась там за эти пять месяцев. Не суть важно.

– Ты что не понимаешь, это же контакт! – Валера в замешательстве.

– Ну да, люди не одиноки во вселенной, есть кто-то еще, старший брат, который будет нас опекать, прогрессорствовать. Ерунда это все! Ветрянка суть зеркало. Мы увидели там всего лишь свое отражение. И перепугались.

– Послушать тебя, все так просто.

– Да не просто все, Валера. Не просто. Я не знаю, откуда взялась Ветрянка и куда она потом делась. Но даже если бы Ветрянки не было, ее стоило бы придумать. Чтобы мы могли узнать, чего на самом деле стоим.

Ветрянкой планету назвали из-за атмосферы. Скорость ветра на ней даже в периоды затишья не опускалась ниже ста метров в секунду. Моя версия относительно тектоники, казалось, получила первое подтверждение. Вулканическая активность вполне могла быть причиной образования областей с разным атмосферным давлением, следовательно, бешеные ветра были вполне объяснимы. Более-менее приемлемое место для посадки обнаружилось недалеко от экватора. В течение трех дней там стояло безветрие, что для Ветрянки было чудовищной аномалией. Вообще-то, полагалось выяснить, а почему повсюду ураганы, а здесь ни ветерка. Но мы побоялись, что другой такой возможности просто не представится. В первую группу высадки вошли шесть человек – Дима Аков, Паша Круглов, Илья Дегтярев,

Илья Лузгин, Роберт Шнитхе и я. Нашей задачей было разведать местность и взять образцы грунта. Ну и дальше – по обстановке.

На грунт мы опустились без особых проблем. Шнитхе, как всегда, поворчал по поводу турбулентностей, но посадил челнок аккуратно. Атмосфера за бортом была вполне сносной, но мы выходили в утепленных скафандрах – снаружи было минус тридцать. А потом мы набрали на Источник.

Первооткрывателем Источника можно считать Круглова. Именно Паше пришла в голову мысль, что прямо в центре зоны спокойствия находится подозрительно правильная долина. Естественно, мы теорию Круглова решили проверить. Других предложений не поступало, а в крошечной тьме нарезать спирали, выковыривая образцы мерзлого грунта, никому не хотелось. Это было совсем непохоже на артефакт. Просто в центре зоны затишья оказалась долина, посреди которой бил родник. Откуда-то из глубины родника пробивался свет, так что, стоя возле Источника, мы прекрасно видели друг друга. А потом раздался голос.

Тогда мы не думали ни о чем судьбоносном. Дегтярев что-то болтал про особые свойства воды, позволяющие ей оставаться жидкой даже при сугубо отрицательной температуре. Голос услышали все. Слова звучали совершенно отчетливо, Лузгин умудрился их даже загнать в аудиофайл. Тогда меня просто поразила их банальность. Эту фразу можно было прочитать где-нибудь в детских комиксах. «Перед тобой выбор. Выпей и получишь могущество. Не пей и останешься человеком». Мы обошли родник по кругу. Каждого из нас сверлила мысль: «А что, если...?». А потом мы, не сговариваясь, приняли решение.

– Максим, почему вы не отдадите Нуль-Т людям? – Валера съезживается и внимательно смотрит мне в глаза.

– Хороший вопрос, – улыбаюсь я. – А ответ прост и банален. Человечество еще не созрело.

– А судьбы кто? – заносчиво спрашивает Валера. – Почему вы решаете за всех? Да кто вы такие? Случайные баловни судьбы, по воле космоса получившие могущество и теперь не желающие делиться.

– И Остапа понесло... – ухмыляюсь я. – Ты хоть сам-то понимаешь, о чем говоришь?

– Понимаю. Даже слишком хорошо понимаю. Я считал тебя другом...

– Ветрянка все поставила с головы на ноги, – я наливаю еще воды и залпом выпиваю. – Знаешь, почему Эйнштейн уничтожил открытую им единую теорию поля? Потому что человечество не созрело.

– Эйнштейн сделал изобретение сам, а вы его украли.

– Ты так считаешь? – я непроизвольно улыбаюсь.

– И не надо лыбиться. Ветрянка поднесла Нуль-Т человечеству на блюдечке. А вы решили оставить его себе.

– Человечество не прошло испытания.

– Это вы не прошли испытания. Вы перестали быть людьми. Человечество всегда стояло на титанах. На людях, которые оказались выше своей эпохи. А вы... Вы антититаны. Титаны со знаком минус.

Валера вскакивает со стула и, не оглядываясь, выходит из зала.

– О, *sancta simplicitas!* – раздается у меня за спиной голос Симагина.

Только его мне не хватало для полного счастья. Рука машинально тянется к кобуре с шестизарядным глокком. С некоторых пор я постоянно ношу его с собой. Почему я остановился именно на глокке? Естественно, из-за магазина. Пять пуль – мало. Семь – слишком много.

Председатель совета миров садится напротив и кладет локти на стол. Поднимаю глаза и холодно смотрю на Симагина.

– Чего тебе надо?

А он улыбается. Почему отрицательные герои всегда улыбаются? Может, потому что они уверены в себе? Ничего не боятся, ни в чем не сомневаются. Совесть находится в зачаточном состоянии, амбиции обнимают галактику. Противно.

– Ничего, – Симагин опять улыбается. – Хотел посмотреть, как от тебя отвернется последний друг. Это забавно.

– У меня много друзей, – автоматически отвечаю я.

– Давай посчитаем, – Симагин растопыривает пятерню. – Круглов, Аков, Дегтярев, Лузгин, Шнитхе. Пальцы кончились, друзья тоже.

– Ошибаешься, – моему голосу не хватает уверенности.

– Это ты ошибаешься, щенок, – Симагин умеет заставить почувствовать себя ничтожеством. Несколько слов, несколько случайных взглядов, и ты смешан с грязью. – Других друзей у тебя нет. Тебе не нужны друзья. Ты пытаешься противопоставить себя людям. Потому что сам уже не человек. Ты – выродок. Космополит. Ничтожество. Слово «родина» для тебя ничего не значит.

– Не значит, – покорно соглашаюсь я. – Но еще меньше для меня значат твои идеалы, Симагин. Потому что ты как был жандармом, так им и остался. И таким умрешь. Ты просто не сможешь понять Нуль-Т.

– А ты попробуй объяснить. Без этих своих «почувствовать прикосновение звезд сердцем».

Долго смотрю на Симагина. Он так ничего и не понял.

– Без «этих своих» не могу.

– Или не хочешь?

– Или не хочу.

Других доводов Симагин понять не способен. Он морщится, словно от зубной боли.

– Ты сам подталкиваешь нас к крайним мерам.

– А ты попробуй арестуй меня, – я широко улыбаюсь. – А я пройду сквозь стены твоей тюрьмы, потому что у меня есть Нуль-Т.

– Знаешь, Максим, иногда мы можем воздействовать через близких людей.

– Ты сам сказал, у меня нет друзей, – отвечаю я. – А упомянутая тобой пятерка способна о себе позаботиться.

– У тебя есть дочь, – мимоходом замечает Симагин.

– А ее ты не тронешь. Сказать, почему? Потому что у тебя есть сын. Ради его блага оставь в покое Ингу.

Симагин смотрит на меня тяжелым взглядом.

– Тебе говорили, что ты чертов ублюдок?

– Если ты пришел сюда, чтобы рассказать мне об этом, иди гуляй.

Сириус тем временем вторично выползает из-за горизонта. Наслаждаясь моментом, гляжу на светило.

– А ты не боишься, что я решу, что благо цивилизации важнее жизни моего сына? – спрашивает Симагин.

– Не боюсь. Потому что ты тоже был на Ветрянке.

– Не хочу вспоминать об этом.

– Именно поэтому вы никогда и не поймете Нуль-Т, – сообщаю я.

– Почему «вы»? – кривится Симагин. – Ты имеешь в виду человечество?

– Я имею в виду вторую группу высадки.

Примерно через час после того как мы обнаружили Источник, совершил посадку второй челнок. Изначально его спуск в гравитационный колодец Ветрянки не планировался.

Впоследствии мы с ребятами обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что Симагин напишал в наши скафандры жучков. И получив данные телеметрии, тут же рванул вниз.

По возможности, он, конечно, подобрал бы экипаж из своих людей. Вот только команда челнока формируется согласно штатному расписанию и ни малейшего шанса обойти процедуру у Симагина не было. Да и время его поджимало – мало ли что мы успеем натворить с артефактом иной цивилизации. Хотя правильнее будет сказать: «предположительно артефактом предположительно иной цивилизации». Тогда у нас не было ничего кроме предположений. Да и сейчас много ли мы знаем о Ветрянке? Короче, кроме Симагина на поверхности оказались Евсеев, Гришин, Полухин, Жаворонков и Лимонов. Как они нашли Источник, мы не знаем. Сперва мы их банально прошляпили, пребывая в состоянии эйфории. А потом что-либо предпринимать было уже поздно.

Когда Дима Аков заметил их, они стояли вокруг Источника и слушали голос. И остановить вторую группу высадки мы были уже не в силах. Я часто задумываюсь над тем, почему две группы людей одного статуса, одного социального положения в критических ситуациях принимают полярные решения. Может быть, судьба каждого человека predetermined от рождения? Вот родился фрукт по фамилии Симагин, и у него на роду было написано, что он должен оказаться на Ветрянке и сделать выбор. И существует специальный подген, отвечающий за этот выбор. Конечно, я прекрасно понимаю, что футурогенетика – это всего лишь лженаука, вошедшая в моду в начале двадцать второго века. Но иногда так хочется все свалить на природу; хочется верить, что люди не виноваты в том, что они такие свиньи.

– Скажи мне, почему вы сделали это?

Председатель совета миров Симагин долго молчит, потом задумчиво смотрит на меня.

– Сделали что?

– Знаешь, вот только красивые слова оставь для общественности, – взрываюсь я. – Мы оба были на Ветрянке. И ты прекрасно знаешь, что не первая, как считается официально, а именно вторая группа высадки пила из Источника. Мы сделали свой выбор – остались людьми. И в качестве утешительного приза получили Нуль-Т. Вы – пили из Источника – и людьми быть перестали. Что вы получили от этой сделки, трудно сказать. Но в любом случае – немало. Иначе ваша шестерка не стояла бы сейчас на вершине власти.

– Человечество само выбирает себе правителей, – жестко говорит Симагин. – Ты сейчас себе представил горстку инопланетян со склизкими щупальцами, в одночасье захвативших федерацию. Хочу тебя разочаровать, самое совершенное оборудование не нашло никаких аномалий. Мы люди, Максим. Люди.

– Это физически. А морально?

– Раньше с тобой было проще общаться, – вздыхает Симагин.

– Ас тобой всегда было трудно, – парирую я. – Лучше скажи мне, почему в результате случайной выборки первая группа единогласно принимает одно решение, а следующая – прямо противоположное. Тебе не кажется, что здесь пахнет мистикой?

– Первооткрыватели всегда получают славу, а сливки снимают идущие следом. Таковы законы общества.

Сириус уже поднялся над горизонтом. Прозрачный купол стал слегка матовым, защищая клиентов старбара от жестких излучений. Встаю из-за стола и перешагиваю через пространство. Хочу увидеть Ингу. Симагин меня всерьез напугал своими разговорами о методах непрямого воздействия. Где ты, моя дочурка?

Инга сидит в саду и обдирает кусты сирени. Ветки тугие, не хотят гнуться, Инга, прикусив губу, пытается сделать из них грубое подобие венка.

– Давай помогу!

– Папка! – восторгу дочурки нет предела. Она виснет у меня на шее и заглядывает мне в глаза. – Я знала, что ты придешь!

– И откуда же? – спрашиваю я с долей иронии.

– Чествовала.

Именно так, не «чуяла» и не «чувствовала», а именно «чествовала».

– А что ты еще чуйствовала? – смотрю на дочку, слегка прищурившись.

– Что ты не пил водичку.

Мою беззаботность как рукой снимает.

– Послушай Инга, это очень важно. Откуда ты это знаешь?

– Мы в вас игрались.

– Игрались? – настороженно переспрашиваю я.

– Это Колька Аков выдумал.

Колька Аков – сынишка Димы Акова. Сколько раз я слышал от Димы о его талантах, и вот на тебе...

– Инга, а кто с вами еще играл?

– Света Лузгина, Ира Полухина, Андрей...

– Симагин, – машинально подсказываю я.

– Андрей Симагин, Ева Шнитхе... Я всех фамилий не знаю.

Инга смотрит на меня виновато.

– Расскажи, как вы игрались.

– Колька сначала придумал планету с родником. Кто выпьет из этого родника, становится плохишом. И получает какую-то способность. Потом он объяснил, что плохиши всегда имеют способности. А кто не выпьет, тот тоже получает способность, но другую. Это чтобы плохиши сразу не победили.

– И как вы играли?

– Света сказала, что мы еще маленькие, а с маленькими чудеса не случаются. И что мы должны играть за родителей. Я играла за тебя, папка! Я хорошо играла?

– Ты просто замечательно играла.

Крепко прижимаю дочку к себе.

– Инга, скажи мне, а как вы определяли, кто будет хорошим, а кто – плохим?

– Мы посчитались. Я была хорошей.

Вот вам и стопроцентная выборка, ниспровергающая теорию вероятности. Они посчитались. Долго рассматриваю Ингу. У нее действительно есть способности. Через пару десятилетий этим детишкам будут принадлежать звезды. А может, даже и раньше.

В голову приходит бредовая мысль.

– А сегодня вы будете еще играть? – спрашиваю у Инги.

– Ага, – девочка энергично кивает.

– Хочешь, я научу тебя играть в войнушку?

Достаю глокк и протягиваю его девочке. Почему я чувствую себя в этот момент последним мерзавцем? Наверное, потому что сумел остаться человеком. Не иначе.

Наталья Анискова, Майк Гелприн

Однажды в Одессе

Рассказ

Страшным выдался год тысяча девятьсот восемнадцатый от рождества Христова, а следующий, девятьсот девятнадцатый, ещё страшнее.

Кровью измарала Россию война, мертвечиной выстелила. Раздорная война, несправедливая. Гражданская.

На кремлёвском троне волдырём гнойным вспух Нестор Махно – самодержец, Батька Всея Руси. Одутловатый, грузный, наглый. Анархист. Узурпатор.

Гуляли Батькины хлопцы с размахом. Грабили, насиловали, резали. С боем брали города. Жгли сёла. Расстреливали. Шашками пластали. На севере хлестались в конных лавах с красными бандами Ульянова-Ленина. На западе отжимали к Дону, добивали франтоватых добровольцев Деникина. На востоке гнали за Урал Колчака и Каппеля. А на юге... на юге всё было кончено.

Южные города один за другим пали под копыта махновских коней. Бабьим воем зашёлся отданный на три дня на разграбление Новороссийск. Кровью умылся и захлебнулся в ней Екатеринодар. Сотнями, тысячами сколачивали гробы в Геленджике и Анапе. А в Одессе...

А в Одессе сидел Лёва Задов. Наместник Батькин, градоначальник. Хорошо сидел, прочно, уверенно. Кривя страшную, одутловатую от пьянства рожу, брезгливо подписывал расстрельные приказы. Жрал от пуза и надсадно хрипел, мучая девочек, которых таскали ему с Пересыпи и Молдаванки.

Мазурики, уркаганы, домушники, фармазоны и марвихеры стекались под Лёвино крыло со всех городов и весей. Хорошо жилось лихим людям в Одессе, вольготно, сладко. Зашёл с бубнового марьяжа, и пей, гуляй, рванина, нет больше законов, нет кичманов, нет городских и околоточных.

С уголовниками Лёва ладил. Хотя и не со всеми. С форточниками, клюквенниками, мойщиками, щипачами – да, с дорогой душой. Если ты разбойник, насильник, убийца, то ты свой, в доску. Даже если простой жиган. Только не контрабандист. Контрабандистов Задов не жаловал и полагал запускающими руку в карман. В его карман, в собственный.

Впрочем, контрабандистов никогда не жаловали. Ни при какой власти. При безвластии тоже.

* * *

Ранним утром, когда на Молдаванке уже закрылся последний шалман и оборвалась азартная игра на барбутах, прошёл по Мясоедовской тёртый человек Моня Перельмутер по кличке Цимес. Был Моня низкоросл, коренаст, по-коршуньи носат и мелким бесом кучеряв. Ещё он был молчалив, неприветлив и небрит. А ещё Моню Цимеса знали. Те знали, кому надо. И были те, кто надо, людьми сплошь серьёзными, обстоятельными и со средствами.

Одолев Мясоедовскую, свернул Моня на Разумовскую. Упрятав поросшие буйным волосом кулаки в карманы и надвинув на глаза кепку, миновал два квартала. Быстро оглянулся, прошёл улицу колючим взглядом. Ничего подозрительного не обнаружил и нырнул в глухой дворик с греческой галерейкой, заросшей диким виноградом.

Здесь Моню ждали, здесь был он, несмотря на неприветливость и угрюмость, гостем желанным, потому что имел с обитателями двора дело. И было это дело прибыльным, а значит, угодным богу и для людей полезным.

– Това» г? – коротко осведомился заросший бородой по самые глаза сухопарый мужчина в чёрном потёртом лапсердаке со свисающими из-под полы молитвенными верёвками.

Моня молча кивнул.

– Это хо» ошо, – одобрил наличие товара бородатый. – И хде он?

Моня так же молча указал пальцем вниз. Жест означал, что товар в надёжном месте, под землёй, в катакомбах.

– Това» г нужен завт» га, – деловито сообщил бородатый. – Возьму сколько есть. Под «гасчёт.

Моня опять кивнул. Звали бородатого Рутвим Кацнельсон, с Монею он работал не первый год. И раз сказал «под расчёт», то расчёт будет, можно не сомневаться. Впрочем, можно было не сомневаться, окажись на месте Рувима любой другой, кто Моню Цимеса знал. Потому что не рассчитаться с ним было делом не только рискованым, но и смертельно опасным, а значит, глупым и для здоровья не полезным.

– Есть одно дело, – понизив голос, сообщил бородатый Рувим. – Не очень коше» гное.

Моня вопросительно поднял брови. Некошерные дела были его специальностью, так что Рувим мог бы об очевидных вещах и не упоминать.

– Деньги хо» гошие, – изучающе глядя Монею в глаза, сказал Кацнельсон. – Очень хо» гошие деньги, чтоб я так жил. Се» гъёзные люди платят.

– Шо за дело и сколько платят? – подал, наконец, голос Моня. О серьёзных людях он спрашивать не стал: кто именно платит, его не интересовало.

– Догово» гимся, – бормотнул Кацнельсон. – А дело такое: надо сплавить до Ту» гции и об» гатно. По» гошняком, без това» га.

– Шо за цимес плыть без товара?

– Надо отвезти туда кое-кого. На бе» гегу вас вст» гетят наши люди. Заплатят золотом, а задаток, если уда» шм по «гукам, я вам впе» гёд уплачу. Есть, п» гавда, сложности.

– Шо за сложности? – нахмурился Моня. Сложностей он не любил, особенно лишних, тех, без которых можно обойтись.

– Для таких па» гней, как вы, – пустяки, дай вам бог здо» говья. В общем, ночью делать надо. И поцам этого шмака не попадаться. Иначе...

Рувим не договорил. Что «иначе», было понятно без слов. Шмаком называл он градоначальника Льва Николаевича Задова, а поцами – отирающуюся вокруг Лёвы вооружённую банду.

– Я поговорю с компаньонами, – поразмыслив с минуту, сказал Моня. – Завтра дам тебе знать за этот цимес.

Он повернулся и, не прощаясь, двинулся прочь. Выбрался на Разумовскую, глядя себе под ноги, побрёл по ней в сторону Большой Арнаутской.

– Эй, гляди, жидок, – услышал Моня хрипчатый голос за спиной. – А ну, ходи сюда до нас, жидок.

Моня вполоборота оглянулся. Его нагоняли двое конных. Бурки на груди распахнуты, папахи заломлены, морды красные, испитые. Одно слово – анархисты. Моня остановился, окинул обоих угрюмым взглядом. Шагнул назад и опёрся спиной на обшарпанную стену выдавшей виды двухэтажки.

– Пальто сымай, – тесня Моню мордой коня, велел усатый молодец с нехорошими водянистыми глазами. – И шибче сымай, не то шлёпнем.

– А можа его наперёд шлёпнуть, а потом сымать? – хохотнул второй. – Слышь, жидок, жить хочешь?

Моня кивнул. Жить он хотел. А расставаться с пальто – нет.

– Разойдёмся, – предложил он. – Я пойду, а вы ехайте себе дальше.

– Во же наглый какой жид, – удивлённо ахнул усатый и потянул с бока шашку. – Во же наглюка.

– Ладно, ладно, сымаю, – сказал Моня примирительно. Он расстегнул пуговицы, повёл плечами, сбросил пальто и, повернув его изнанкой к себе, протянул усатому. Револьвер системы «Наган», с которым Моня Цимес не расставался и который клал засыпая под подушку, скользнул из внутреннего кармана в кулак.

Резкий, отрывистый треск распорол утреннюю тишину, эхом отражаясь от стен, прокатился по Разумовской. Конные ещё заваливались, когда Моня, зажав простреленное в двух местах пальто под мышкой, сиганул в ближайший переулок. Опротетью пронёсся по нему, проскочил под арку проходного двора, за ним следующего, потом ещё одного.

С полчасика Моня петлял по Молдаванке. Затем отдышался, критически осмотрел отверстия в многострадальном пальто, крякнул с досады – хорошую вещь испортили, турецкой кожи, контрабандный товар. Напялил пальто на плечи и застегнул пуговицы. Ещё через десять минут Моня Цимес пробрался в полуразвалившуюся нежилую хибару на Дальницкой, разбросал обильно покрывающий занозистый дощатый пол мусор и исчез с лица земли. А точнее – с её поверхности. Прделанный в гнилых досках люк был началом тайного подземного хода. И вёл этот ход туда, где для контрабандиста – дом родной. В катакомбы.

* * *

В квартирке на втором этаже дома Папудовой, что на Коблевской улице, не спали до утра. До утра светился ночник, чуть подрагивая, и хмельной грузчик, топая в Баржану, заметил, глядя на абрикосовый прямоугольник окна:

– Н-не спят, курвячьи курвы...

– Видать, не до сна им, – согласился попутчик, такой же портовый работяга.

И вправду, обитательнице квартиры было не до сна. Полина Гурвич, бывшая солистка одесской оперы, мерила шагами спальню, вздрагивая от каждого шороха. Ещё полгода назад певица, известная чудным голосом и красотой на всю Одессу, блистала на сцене и чаровала в жизни. Ныне же, загнанная, объявленная в розыск, – скрывалась по наёмным углам.

Полина безостановочно теребила концы чёрной кружевной шали, то связывая их узлом, то развязывая и, кажется, не замечала, что под ногами валяются шпильки из прически. Тёмные, как соболь, волосы до пояса окутывали хозяйку. И в раскосых слегка глазах, и в широких скулах Полины тоже было что-то соболье, диковатое – так дохнуло на её лицо далёкой монгольской кровью.

Оконное стекло коротко звякнуло раз, другой. Полина подбежала, раздвинула тяжёлые шторы на четверть ладони. Рассмотрела метившегося камешком бородача. Махнула ему, пальцем указала за плечо, в сторону входной двери. Выскочила из спальни, пробежала по коридору и быстро защёлкала хитро устроенными замками.

– Ну, как?! – набросилась она с вопросами на вошедшего. – Договорились?

– Ша, Поленька, не гони лошадей, – жестом остановил её Рувим Кацнельсон.

Полина, сжав кулачки с концами шали, умоляюще– нетерпеливо смотрела на гостя.

– Мой п» гиятель погово» шт за это дело со своими д» гузьями, и к ночи всё «гешится.

Поплывёте в Стамбул, никакой шмак тебя там не достанет.

– А если они не согласятся?

– Д» гугих найдём.

Полина заперла за Рушимом дверь и обессиленно прислонилась к стене. Уехать, уехать, поскорее отсюда. Этот город наобещал когда-то Полине счастье и обманул, и взамен ничего не дал...

* * *

Моня нашарил на выступе огарок свечи, зажёл его и двинулся вперёд. План ему не требовался – эту ветку катакомб Цимес знал, как свой карман. Ориентировался по приметам, стороннему глазу не видимым: здесь ниша, там выступ, ещё где – копоть на стене.

Катакомбы в Одессе появились ещё при Алексашке Освободителе. Тогда в них добывали камень-ракушечник для строительства. Начали добычу камня от села Усатова, а затем подземная сеть разрослась, протянулась под всем городом. Коридоры вились, петляли, расцветали в галереи и увядали в узкие, едва проходимые лазы, отстреливали побеги шурфов и штолен, щерились чёрными ртами провалов и ходов.

У одного из ответвлений Моня остановился. Он всегда останавливался здесь, когда случалось идти этим путём. Постоял с минуту, молча, насупившись. Тянулось ответвление в часть катакомб, известными людьми называемую Мешком. Гиблым местом был Мешок, проклятым, славу имел нехорошую, и говорили про него разное. Не возвращались оттуда людишки, кто по глупости сунулся. И кто по необходимости – тоже не возвращались. Савка Крюк, на что фартовый был жиган, а сшнул в Мешке вместе со своей бандой, когда от погони уходили. Восемь человек было, люди отчаянные, лихие. Ни один не вернулся, даже костей не осталось.

Поговаривали, что унёс Савка под землю золотишко, много унёс, сколько на горбу сдюжил. И поживиться тем золотишком желающих было немало. Лезли охотники за Савкиным добром в Мешок, кто в одиночку, кто с друзьями да с подельниками. Никто не вернулся, даже те, кто верёвкой обвязывались, а верный кореш конец той верёвки в зубах держал. Моня как раз держал. А на другом конце Янкель был. Брат его. Старший.

Моня сглотнул слюну. В который раз вспомнил, как ослабела, провисла тогда верёвка. И как он орал, надрываясь, в пустоту ведущего в Мешок провала. А потом вытягивал верёвку, судорожно, отчаянно, сбивая костяшки пальцев об известняк. И вытянул – таки. Обрывок. Как ножом срезанный.

Добравшись до склада, Моня посвистел условно, дождался ответного свиста и шагнул в чёрный косой проём. Когда-то здесь был забой – брошенный, а ныне обжитый, превращённый в комнату с куполообразным потолком, почти в залу. Один его угол занимали коробки и тюки, в другом стоял продавленный диван, бронзовый столик и пара разномастных кресел. В креслах и расположились компаньоны Цимеса: Лука Ставрос и Николай Краснов. Компаньоны резались в буру. Ставрос, зловещего вида здоровенный грек, растерянно смотрел на карты, выложенные на столе, и теребил серьгу в ухе. Краснов, загорелый до почти ассирийской смуглоты блондин, откинувшись на спинку кресла, бесстрастно разглядывал потолок.

– На шо игра? – поинтересовался Моня.

– На малый интерес, – сообщил Краснов, не теряя почти английской невозмутимости.

– И как, ваше благородие?

– Не везёт.

Был Краснов из дворян, в своё время воевал, офицерствовал. На память от войны остались перечеркнувший грудь косой сабельный шрам да небрежное, ленивое хладнокровие. Краснова подобрал Ставрос, которому приглянулось, как тот стреляет. А стрелял Николай мастерски – навскидку, на звук – с двух рук, не меняясь в лице, не целясь и не промахиваясь.

– Тут дело образовалось.

– Ну? – повернулся к Моне Лука. Краснов поднял вопросительно брови.

- В Турцию и обратно, порожняком. С пассажиром.
- Гонорар? – лениво осведомился Краснов.
- Пока не знаю. Рувим всякий халоймес предлагать не станет. Платят золотом, с задатком. Но могут быть сложности.
- Что за сложности?
- Например, пострелять придётся.
- Это можно, – отозвался после минутного раздумья грек. – В кого?
- Как придётся.
- Тоже можно. Фелюга на месте, поплывём.

Фелюгой называл Лука Ставрос неприметный, но вместительный баркас с обшарпанными бортами и покосившейся рубкой. Баркасом все трое владели совместно и неказистый внешний вид поддерживали намеренно. Мотор на баркасе был, однако, отменный, его Луке под заказ доставили из Греции родственники. Они же, несмотря на родство, содрали приличные деньги, но мотор того стоил и за три ходки окупился.

– Так шо, соглашаться? – Моня поскрёб трёхдневную щетину и сплюнул в угол. – Ты как, благородие?

– Отчего ж нет, – кивнул Николай. – Соглашайся, конечно.

* * *

Пробудившись, Лёва Задов первым делом схватился за раскалывающуюся от скверной похмельной боли голову. Затем перелез через задастую и грудастую, похрапывающую с присвистом брюнетку, попытался вспомнить, кто такая, не вспомнил и, бранясь вслух, потащился к дверям. Увесистым пинком их распахнул и вывалился в прихожую.

Зяма Биток, состоящий при Лёве ординарцем, начальником штаба и вообще правой рукой, при появлении начальства вскочил, сноровисто наполнил огуречным рассолом пузатую расписную кружку, молча поднёс.

- Чего слышать? – Задов с трудом зафиксировал кружку в трясущихся с перепоею руках.
- Грицка с Панасом шлёпнули.
- Что?! – Лёва не донёс рассол до рта. – Как шлёпнуш I? Кто?!
- Постреляли, – доложил Зяма. – Оба ещё тёпленькие. Кто – неведомо, но, говорят, видели там одного.
- Какого «одного»?
- Пока не знаем. Но узнаем.

Был Зяма человеком основательным и дотошным – если сказал, что узнает, можно было в том не сомневаться. Лёва, кривясь от горечи, опростал кружку с рассолом, закашлялся. Биток вежливо похлопал ладонью по спине. Кашель прекратился. Лёва шумно отплевался, затем отхаркался.

- За бабу что слышно? – спросил он.
- Ищем бабу.
- Ищем, свищем, – передразнил подчинённого Задов. – А толку?
- Найдём.

Лёва смерил Битка недовольным взглядом. Бабу найти было необходимо, и как можно скорее. Казалось бы, чего проще: её каждая собака в Одессе знает. Ещё бы, не шикса какая-нибудь с Привоза, а настоящая актриса. Хотя... В том, что настоящая, Лёва в последнее время сомневался. Слишком оборотиста для оперной певицы оказалась Полина Гурвич. Впрочем, полукровки – они такие. Сами евреи говорят, что полжида это как два целых.

– Ты вот что, – произнёс Лёва решительно. – Хлопцам скажи, что кто бабу найдёт, тому от меня будет приятно. Так и передай. И вот ещё: если живьём не дастся, пускай её где найдут, там и шлёпнут, понял? И за этого разузнай, который Грицка с Панасом. Всё понял?

Зяма кивнул и, вышибив задом входную дверь, удалился. К обеду он вернулся, выставил из дома утомившую начальство грудастую брюнетку, откупорил заткнутую тряпицей бутылку с мутной жидкостью, разлил в гранёные стаканы и доложил:

– Панаса с Грицком уже отпели.

– За помин души, – Лёва покрутил нечёсаной башкой, опрокинул в рот стакан с мутной жидкостью. – Ну? И кто их заделал?

– Есть один такой. Фамилия ему Перельмутер, но зовут больше по кличке – Моня Цимес. Человек, говорят, серьёзный, и из серьёзной семьи. Я его старшего брата знал, Янкеля, гоп–стопником тот был, известным. Сгинул где-то, а Моня теперь вроде как заместо него. Только на гоп-стопы не ходит, коммерцией занимается. Той, которая без вывески.

– Без вывески, говоришь? – Лёва поморщился. – Ты за бабу хлопцам передал?

– Передал.

– Так сходи ещё передай. Теперь за этого Моню. Чтобы как появится, с ним церемоний не разводили.

– Легко сказать – появится. Он наружу-то вылезает как крот из норы, раз в год по обещанию. Погуляет мало-мало, нырнёт под землю, и нет его.

– Так пускай из-под земли выроют, – саданул кулаком по столешнице Лёва.

– Такого выроешь. Хотя... Говорят, что у него дела тут с одним. Есть такой, зовут Рушим Кацнельсон. Человек божий. И я подумал, надо бы поставить за этим Рувимом ноги.

– Да ставь хоть что, – досадливо буркнул Задов. – Хоть ноги, хоть руки. Результат чтоб был!

* * *

Вечер стоял мирный, по-дovоенному томный. Молодцевато глядел с пьедестала дюк Ришелье, по-старому ворковали голуби, а город насквозь пропитался запахом осеннего палого листа. И ночь спустилась на Одессу такая же тихая, прозрачно-ясная, с деликатными фонарями и с морским шорохом.

Запряжённая парой не слишком резвых жеребцов биндюга, скрипя разохшимися рессорами, протаскилась по Ольшевской. На углу с Коблевской биндюжник, до ассирийской смуглости загорелый блондин в белой холщовой рубахе, придержал коней.

Бородатый сухопарый мужчина в чёрном лапсердаке и чёрной же широкополой шляпе отделился от стены углового дома, сделал десяток быстрых шажков и оказался перед повозкой.

– Вам п» швет от А» гона, – сообщил бородатый. – Я – «Гувим.

– Надеюсь, Арон здоров, – отозвался на пароль загорелый биндюжник. – Садитесь.

Бородатый скользнул в повозку. Через мгновение она тронулась и потащилась по Коблевской.

У дома Папудовой пассажир вылез, биндюжник остался на козлах. Рушим подобрал с земли пригоршню мелких камешков, примерился, запустил один в окно второго этажа.

Через пять минут в дверях показалась женская фигурка. Биндюжник гулко сглотнул слюну, когда тусклый свет из окна упал девушке на лицо.

– Неужели это вы, Полина? – тихо спросил он.

– Вы меня знаете? – встревоженно отозвалась девушка и шагнула ближе. – Боже мой! Николая... Вы...

– А ну, стоять! – не дал Полине закончить фразу голос из темноты. – Стоять, сучьи дети!

Биндюжник с нехарактерным для людей его профессии именем Николая, не изменившись в лице, обернулся на голос. Из ближайшего двора, на ходу срывая с плеч винтовки, бежали трое.

– В телегу! – коротко бросил биндюжник. – Быстро! Ну!

Девушка, оцепенев от страха, не сдвинулась с места.

Бородатый Рувим шархнулся к стене, неразборчиво забормотал молитву.

Оттолкнувшись, биндюжник слетел с козел, рывком распахнул дверцу повозки, подхватил Полину, забросил её вовнутрь.

– Стоять, гад!

Николай оглянулся. Троица была уже в двадцати шагах. Передний ещё бежал, двое остальных наводили берданочные стволы.

Биндюжник, так и не изменившись в лице, пал на одно колено. Полы холщовой рубахи распахнулись, наган, казалось, сам прыгнул в левую руку, маузер – в правую. В следующий момент винтовочные выстрелы слились с пистолетными. Захлебнувшись кровью, сполз по стене Рувим Кацнельсон.

Николай в подплывающей красным на левом плече рубахе вскарабкался на козлы. В три приёма развернул повозку. Гикнув, погнал жеребцов по Коблевской. Двое берданочников лежали на мостовой навзничь, третий трудно отползал в подворотню. Николай на ходу пустил в него пулю, по очереди вытянул плетью жеребцов и погнал биндюгу по ночному городу в сторону порта.

* * *

Сквозь топот копыт слышался скрежет ветвей по борту повозки. Снова эти акации... Николай скрипнул зубами.

По весне Одесса утопала в кремовых цветах, опадающих наземь и шуршащих папиросной бумагой по мостовой. Сладко– пряный запах акаций кружил голову и толкал горожан на романтические глупости.

В мае четырнадцатого подпоручик Краснов не чурался ни глупостей, ни романтики. Как-то вечером они с приятелем, поручиком Архипенко, катались в пролётке – с Николаевского бульвара на Французский и обратно. Болтали, разглядывали проходивших и проезжавших мимо дам, раздумывали, где поужинать нынче. Война была уже объявлена, и эшелоны отправлялись один за другим на фронт. На ускоряющем жизнь вокзальном ветерке, который засквозил по Одессе, подобное мирное времяпрепровождение казалось украденным у настоящего, полуреальным.

Закатное марево выпустило навстречу пролётку, в которой сидели две хорошенькие девушки – одна в белой шляпке, другая в розовой – смеющиеся, беззаботные. Архипенко приветствовал дам, как знакомых. Пролётка или замедлила ход, или время так растянулось – Николай не понял. Он до неприличия долго разглядывал девушку в белой шляпке, не в силах отвести взгляд.

– Кто это? – поинтересовался Краснов, когда пролётки разъехались.

– Дочь Гурвичей, ты ведь знаком. А тот розанчик – их племянница из Киева, Полина. Кажется, студентка консерватории...

В следующий раз Николай встретил эту девушку через неделю – в летнем саду устроены были танцы. На эстраде расположился оркестрик, поле вокруг обычно отводилось для танцующих. Краснов заметил «белую шляпку» издали. В каждой чёрточке, в каждом движении её была неизъяснимая манкость – словно ниточку натягивали, вынуждая Николая идти к ней.

– Вы позволите? – на его счастье, зазвучал как раз новый вальс.

– Да...

И прохладные пальчики – в ладонь, и гибкая талия – под руку, и аромат – в голову... Краснов не помнил больше никаких подробностей того вечера совершенно. Помнил только, что проводил Полину и пошёл бродить по городу, хмельной от восторга.

Они уговорились встретиться через день.

А назавтра полк, в котором служил подпоручик Краснов, отправили на фронт.

И вот сейчас Поленька там, за спиной. И всё несбывшееся, всё отмечанное и запертое во времена оны на замок снова берёт его прохладными пальчиками за запястья.

* * *

Зяма Биток спал чутко – приобрёл эту привычку за беспокойные годы под Лёвиным началом. Ворвавшийся к Зяме посреди ночи вестовой не успел ещё, закончив короткий доклад, отдышаться, а Биток был уже на ногах, одет и при кобуре с маузером.

– Точно она? – отдуваясь, пытал Зяма вестового. – Обознаться не мог?

– Она, – осенил себя крестом тот. – Таковую ни с кем не попутаешь. Мы её сразу узнали, как из дому вышла. А Стае, покойник, и говорит...

– За Стаса потом. Что за Кацнельсона скажешь?

– Так шлёпнули ж его, Кацнельсона.

Зяма сложил в уме фрагменты нехитрой мозаики. Убитый Кацнельсон знался с контрабандистами. Операцию по вывозу Полины Гурвич наверняка организовал он. Значит...

Через пять минут в казармах протрубили подъём. Ещё через час два катера, каждый с дюжиной вооружённых людей на борту, отвалили от портовых причалов и вышли в море.

* * *

Краснов столкнул в воду лёгкий остроносый ялик. Запрыгнул на борт и, усевшись на банку, взялся за вёсла. Выть хотелось от боли в простреленном плече и от нехорошего, душу давящего предчувствия.

– Николя! Вы ранены, Николя? – растерянно спросила Полина.

Краснов не ответил. Сжав зубы, он принялся выгребать от берега. Левая рука не слушалась, весло шаркало лопастью по воде, ялик не хотел держаться на курсе, упорно косил влево, рыскал, раскачивался.

– Я не знаю, как вас благодарить.

– Не будем об этом, – Николай, не удержавшись, закричал от боли.

Минут десять провели молча. Краснов, теряя силы и кровь, ожесточённо гнал ялик на тусклый свет масляного фонаря метрах в трехстах от берега.

Когда до фонаря остались считанные гребки, Николай свистнул. Ему незамедлительно ответили, луч заметался по воде, нащупывая ялик. Краснов зажмурился, бросил вёсла, поймал брошенный с баркаса конец, закрепил за банку.

– Николя, вас надо перевязать. Вы весь в крови, – ахнула Полина.

– Вы умеете делать перевязки?

– Когда-то умела.

– Ладно.

– Сюда ехайте, – предложил угрюмый голос с баркаса. – Благородие, да ты никак ранен? А это шо за цимес? Готене, то ж баба. Лука, эй, Лука!

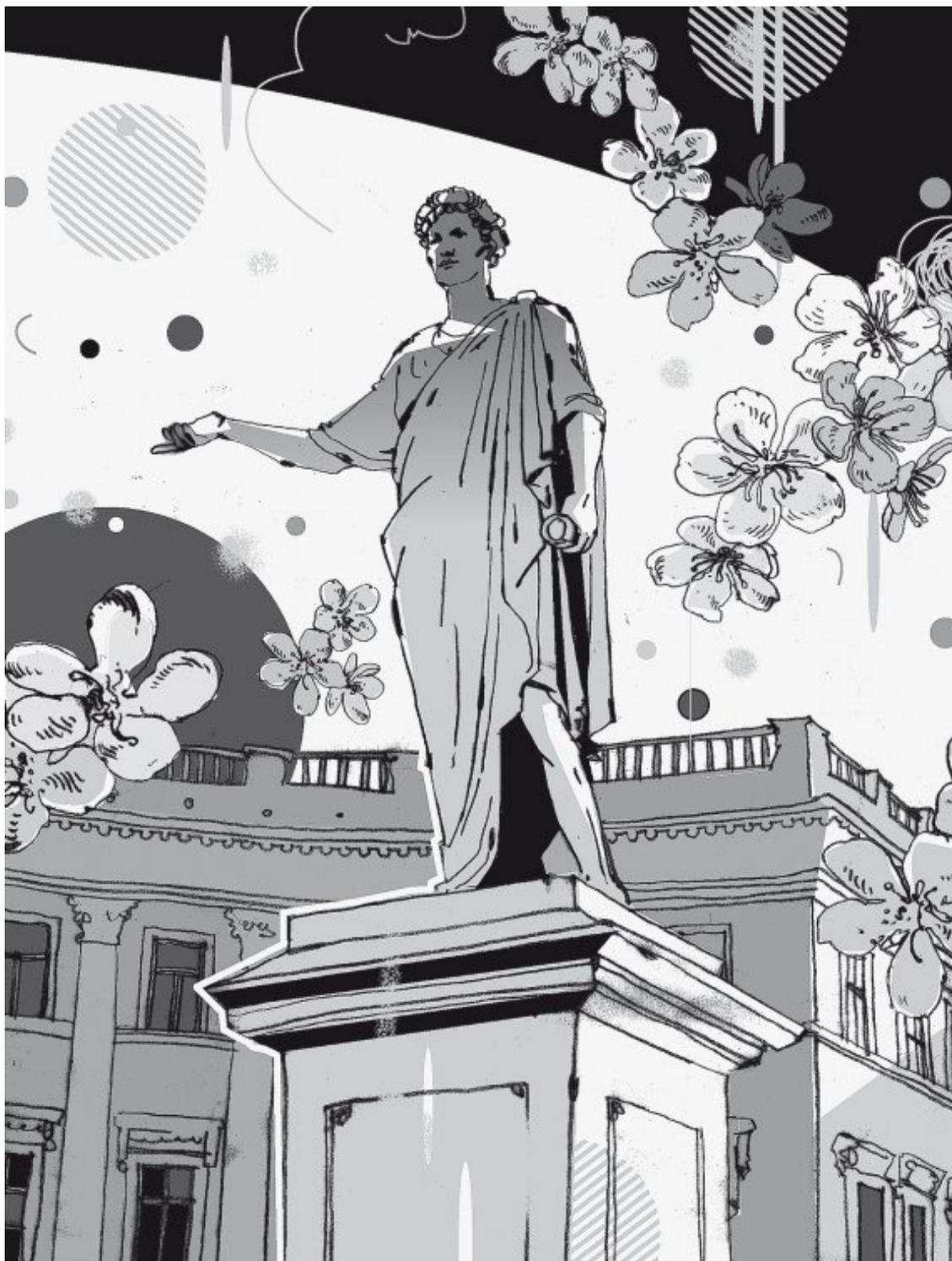
Едва оказались на борту, Лука Ставрос ухватил Краснова за грудки.

– Ты кого нам привёз? – грек оскалился, яростно метнулась золотая серьга в ухо. – Кого привёз, спрашиваю?

- Кого надо, того и привёз.
– Одурел? За бабу уговора не было. Баба на борту – к беде! Я выхожу из дела. Твой богомольный дружок, – Лука обернулся к Моне Цимесу, – нас подставил.
– Ша! Благородие, тебе задаток Рувим уплатил?
– Не успел. Убили Рувима.
Моня Цимес хакнул, покрутил головой, сплюнул за борт.
– Божий человек был. И ладно, с мёртвых спросу нету.
– Нету, – подтвердил Лука. – И с нас теперь нету.
– Ас нас есть, – Моня поскрёб щетину. – С нас спрос остался, мы слово давали. Выбери якорь.
– Ничего я не буду выбирать. Я... – грек отпустил Краснова, обернулся к Моне, сжал кулаки и вдруг, наткнувшись на мрачный, исподлобья, взгляд, осёкся и сник. Таким взглядом Моня Цимес смотрел на человека прежде, чем с ним разобраться. Нехорошим был взгляд, мрачным и стылым, Луку передёрнуло, он закашлялся и отступил назад.
– Зовут вас как, дамочка?
– Полиной.
– Я – Моня Цимес. Благородие шо, знакомец ваш?
– Мы знакомы, – Полина кивнула.
– Ну так и шо вы стоите? Его перетянуть надо.

* * *

- Изобретение механика Ивана Кулибина, заклятый враг контрабандиста – прожектор – нашёл фелюгу, едва вышли в фарватер. Через мгновение к нему присоединился второй, зашарил по бортам, ударил по глазам стоящего за штурвалом Луку и заметался по палубе.
– Ядрёна мать! – грек заложил вираж, развернул баркас параллельно берегу. – Баба на борту, я же говорил... Суки!
Прожекторы не отпустили, один теперь словно приклеился к фелюге, другой кругами плясал по воде.
– Уйдём, – Моня Цимес с наганом в руке подскочил к греку, приобнял за плечи, заглянул в глаза. – Уйдём, иначе хана.
Лука не ответил. Заскрежетал зубами с досады, ощерился и рванул штурвал. Баркас заложил новый вираж и устремился в открытое море.

Что уйти не удастся, Моня понял довольно скоро. Проектора приближались. Один, сзади, неустанно догонял, другой заходил сбоку – наперерез. Отрывистый звук винтовочных выстрелов вплёлся в натужный рёв мотора, но пули пока ещё не достигали баркаса, не долетали, тонули в море.

- Разворачивай! – рывкнул Моня в ухо Луке. – Здесь нас всех постреляют.
- Куда разворачивать?! – вызверился на Моню грек.
- К берегу.
- Там верняк постреляют.
- Можа не успеют. Уйдём в катакомбы.

- Куда уйдём? – Лужа матерно выбранился. – Там везде глухие ходы. Нас задушат.
- Можя ещё не задушат. Разворачивай, я сказал. Благородие, баба хде?
- В трюме.
- Бери винтарь. Как подойдут, бей по прожекторам.
- Не попаду. При такой качке не попаду.
- Попадёшь, иначе хана.

Прожекторы удалось подбить лишь у самого берега, и на палубе, наконец, стало темно. Пули хлестали по бортам, впивались в обшивку рубки.

- Держись! – заорал с кормы Мونها. – Сейчас врежет!

Баркас с ходу вонзился в дно. Луку грудью приложило о штурвал, отбросило, швырнуло на палубу, прокатило по ней, вмазало в борт. В голове взорвался сгусток боли.

«Уходим, – схватившись за голову, разобрал Лука. – Благородие, живой? Бабу выводим. Уходи-и-и-м!»

Как прыгали с палубы в воду, как под выстрелами шлёпали к берегу и как один за другим ныряли в чёрную разъявленную пасть грота, Лука не запомнил. Он пришёл в себя, лишь когда треск выстрелов стих и наступившую густую чёрную тишину пронзил скрипучий глумливый голос.

- Попались, курвячье семя. Теперь не уйдёте.

* * *

Моня Цимес, привалившись спиной к шершавой известняковой стене, в который раз пересчитал патроны к нагану. Пересчитывать их было ни к чему, патронов как было пять штук, так и осталось, но занять себя чем-то следовало, и он пересчитывал. Минуты утекали одна за другой, втягивались в подземелье, исчезали в нём бесследно, и их становилось всё меньше, а через час, когда истечёт срок ультиматума, не останется совсем.

- Сдадимся, – тоскливо предложил Лука. – Жить больно хочется. Расшлёпают нас.

- Нас так и так расшлёпают, – невозмутимо сказал Краснов.

– Если сдадимся, может, и не станут. Или... – Лука покосился на Полину, которую Краснов обнимал за плечи, – или её сдадим. Зяме она нужна, не мы. Сдадим её, а сами здесь отсидимся. Не полезут они к нам, надо им это. Жить-то всем хочется.

– Ну, что, надумали? – донёсся глумливый голос со стороны входа. – Выходите по одному. Не тронем.

– Может, нырнём? – Краснов обернулся к Моне и кивнул на узкий, косо уходящий под землю лаз, из которого тянуло сыростью и ещё чем-то затхлым, неживым.

– Лучше уж к стенке. Это Мешок, оттуда не возвращаются. Брат мой там сгинул. И остальные. Все, кто сунулся. Лучше уж от пули.

Лука истово закивал, соглашаясь.

– Отпустите меня, – Полина, сбросив руку Николая с плеча, поднялась. – Вы правильно сказали, им нужна я. С вами им делить нечего.

– Сядьте, Поля, – Краснов, расставшись с обычной невозмутимостью в лице, криво улыбнулся. – Я так считаю. Кто желает сдаться, пускай идёт. Кто не желает, тот остаётся. Я – остаюсь. Мы остаёмся, – поправился он, вновь притянув Полину к себе и обняв за плечи.

С минуту молчали. Тишина давила на виски, залепляла ноздри, ввинчивалась в ушные раковины.

– Ладно, – сказал Моня Цимес, отвалился от стены и встал на ноги. – Сдаёмся. Ты прости нас, благородие. Пойдём мы.

Лука вскочил.

- Сдаёмся! – закричал он, приложив руки ко рту. – Ваша взяла. Не стреляйте, выходим!

Лужа, не оглядываясь, ринулся на выход. Моня, угрюмо потоптавшись на месте, пошагал за ним.

– Вот и всё, – сказал Николай бесстрастно, когда шаги ушедших стали не слышны. – Хочу спросить: зачем вы им, Поля?

– Я расскажу. Позже. Давайте спускаться, – Полина кивнула на лаз. – Другого выхода нет.

– Там тоже нет. Только смерть. Вероятно, мучительная. Говорят, что... Всякое говорят. Вот, возьмите пистолет, у меня есть ещё один. Хотя если говорят правду, мы не успеем даже застрелиться. Пойдёмте. Да, и это оставьте здесь, – Николай кивнул на миниатюрную дамскую сумочку, которую Полина прижимала к груди.

– Там, – Полина опустила глаза, – документы. Важные.

– Кому они теперь важны. Пойдёмте, Полина. Я буду спускаться первым, вы...

– Первым – я, – не дал закончить фразу голос из темноты. – Вы оба – за мной. Ну, шо расселись?

Моня Цимес, неслышно ступая, приблизился к лазу, хмуро его осмотрел.

– Ты что же, решил вернуться?

– Выходит, решил.

– Почему?

– Да так, – Моня смерил Краснова угрюмым взглядом. – Хочется сдохнуть красиво.

– Красиво не получится.

– Тогда как получится.

* * *

Первые полчаса двигались ползком. Затем лаз расширился, и стало можно разогнуться, а затем и выпрямиться. Моня остановился, заозирался по сторонам, описывая круги зажатым в кулаке огарком свечи.

– Там, сзади, было ответвление, – сказал Николай. – Шагах в двадцати.

Слова прозвучали тяжело, гулко и неразборчиво – расплылись, отражённые от стен эхом.

– Вернёмся, – подумав с минуту, предложил Моня. – Надо сделать зарубку. Кто знает, сколько нам тут плутать, пока не подохнем.

Полина вздрогнула. Ей было страшно: жутко, отчаянно страшно.

– Не надо возвращаться, – быстро сказала девушка. – Пойдёмте дальше.

– Ладно, здесь побудьте, – Моня обогнул Полину и зашагал назад. – Ох, готене!..

– Что случилось? – обычным бесстрастным голосом спросил Краснов.

– Сам погляди.

Краснов, взяв Полину за руку, потянул её за собой. И поглядел.

– Н-да, – протянул он. – Вот оно, значит, что.

Проход, из которого они пять минут назад выбрались, исчез. На месте уходящего косо вверх лаза была теперь лишь сплошная, глухая стена.

– Сколько времени мы уже здесь? – с дрожью в голосе спросила Полина.

– Не знаю. Час, может быть, полтора. Интересно, как там Лука. Живой ли.

Моня сплюнул.

– Наверно, живой.

Он не ошибся. В это время Лука Ставрос был ещё жив. Раздирая руками простреленную грудь, он корчился на прибрежной гальке. Луку Зяма приказал расстрелять сразу после того, как убедился, что остальные трое исчезли. Жизнь не хотела покидать Ставроса, она упорно цеплялась за его могучее загорелое тело. Зяма мелкими шажками приблизился, навёл

маузер, выстрелил Луке в лицо. Наклонился, выдрал из уха золотую серьгу и упрятал за пазуху.

* * *

К концу третьих суток, догорев, потух огарок последней свечи. Мона Цимес добрался на заплетающихся ногах до очередной, в уродливых известняковых наростах, стены, опираясь на неё спиной, сполз на землю и положил рядом с собой Полину. Она была без сознания уже сутки, и тащили они её на себе по очереди, меняясь каждые полчаса.

– Надо пожрать, – сказал Мона, отхватил ножом кусок рукава от пальто, разодрал надвое, половину протянул Краснову. Пальто было то самое, турецкой кожи, контрабандный товар, и левый его рукав уже съели.

Николай, давась, набил рот отрезом от правого, принялся остервенело жевать. Проклятое пальто было совсем несъедобным, даже разжёванная в кашицу, турецкая дублёная кожа не шла в горло, и ею приходилось отплёвываться. Левую руку Краснов давно уже не чувствовал, на её месте угнездился жгут выматывающей ноющей боли. Правая пока ещё действовала, но с каждым разом прижимать её к себе бесчувственную Полину было всё тяжелее. Николай сам не понимал, как до сих пор умудрился не выронить её и не упасть навзничь рядом.

– Надо попить, – сказал Мона, прикончив кусок рукава. Поднялся, на ощупь нашарил на стене влажный участок, тщательно вылизал, перешёл к следующему.

– Ещё сутки, и всё, – сказал он, осушит очередной, пятый по счёту, кусок стены. – Нет смысла, благородие.

– В чём нет смысла?

– Её надо бросить. С ней мы не дойдём. Сдохнем.

– Мы по-любому не дойдём и сдохнем. Только сделать это надо как люди. С честью.

– С честью, – задумчиво повторил Мона Цимес. – У нас с тобой разная честь, благородие.

– Честь у всех одна.

Мона помолчал. Затем поднялся, сбросил пальто, помогая себе ножом, разодрал по шву пополам. Бросил половину на землю, другую зажал под мышкой.

– Разойдёмся, – предложил он. – Жратву я вам оставил. Пойду.

– Ступай, – Краснов опустил рядом с Полиной на землю. – И жратву свою забирай. Тебе она ещё пригодится. А нам ни к чему. Ну, что стоишь? Иди!

– Зла не держи, – сказал Мона, насупившись.

– Может, ещё и помолиться за тебя? – усмехнулся Краснов. – Убирайся! – заорал он внезапно. – Пошёл вон!

* * *

Штабс-капитан тайной службы Его Императорского Величества Болотов растасовал колоду, дал поднять поручику той же службы Лешко и раздал. За сегодня они расписывали втроём уже пятую пулю – кроме преферанса, делать на посту было нечего.

– Шесть пик, – открыл торговлю профессор Шадрин и от души хлопнул себя по щеке. – Проклятые комары.

– Шесть треф, – поручик Лешко поворошил уголья в костре. – Давайте после сдачи прервёмся, господа. Картошка, знаете ли, спечётся.

– Пас, – отказался от торговли Болотов. – Когда спечётся, тогда и прервёмся. Ваше слово, профессор.

Шадрин потерябил редкую поросль на макушке и застыл, отрешённо глядя в небеса. Болотов переглянулся с поручиком – профессор был со странностями. Впрочем, они все со странностями, взять хотя бы того, который был месяц назад. Шадрин хотя бы в преферанс умеет, хорошо, сучий сын, играет, а тот, как же его... Тверский, Дверский, Шмерский, тьфу, не запомнить никак. Так тот не то что в преферанс, в дурачка не мог, и хлопот от него было столько, что Болотов хотел на прощание поцеловать увёзшую профессора бричку.

– Профессор! – гаркнул, наконец, уставший ждать поручик.

– А? – Шадрин спустился с небес на землю. – Простите, господа, задумался. Шесть трэф здесь.

– Шесть бубён.

– Здесь.

– Червей.

– Червей, червей, – рассеянно рассматривая свои карты, повторил профессор. – Я вот думаю, черви там такие же, как у нас?

– Где «там»?

– Действительно, – согласился профессор. – Где «там» – это вопрос.

Болотов устало вздохнул. Беда от этих московских учёных. И от питерских тоже. Вот раньше было просто. Был приказ Его Императорского Величества – всю преступную дрянь, которая к ним проникает через... через эту, как её...

– Через что они к нам проникают? – вслух спросил Болотов. – Не могу запомнить, будь оно проклято.

– Через аномальные зоны, – напомнил профессор.

– Благодарю вас. Так вот, был раньше приказ, – Болотов не заметил, что продолжает рассуждать вслух. – Всю шваль, которая к нам сюда лезет через ненормальные зоны, – стрелять. Сколько себя помню, так было. И при отце моём, и при деде. И за милую душу – стреляли. Кого сначала допрашивали, а кого – так. И вдруг новый приказ. Усиление постов деятелями от науки. Вот скажите, профессор, для чего вы здесь?

– Я... Я, собственно... – замялся Шадрин. – Понимаете...

– Нет, – отчеканил Болотов. – Не понимаю. Ваш предшественник, как его, Тверский, Зверский...

– Анатолий Ильич Езерский, – подсказал Шадрин. – Замечательный учёный, прекрасный теоретик и практик.

– По-вашему, он замечательный. А знаете, что через его замечательность двое голубчиков у нас едва не сбежали.

– И что? – профессор бросил карты. Рассеянность слетела с него, заменившись сосредоточенностью и серьёзностью. – Куда они едва не сбежали?

– Куда-куда, – в сердцах передразнил Болотов. – Откуда пришли. Хорошо, не успели натворить тут дел.

– Откуда пришли, это вряд ли, – увесисто сказал профессор. – По последним данным, вряд ли.

– Пускай вряд ли, – согласился Болотов. – Какая разница. Вам что, важно, откуда эта сволочь берётся?

– Важно – не то слово, – сказал Шадрин твёрдо. – Это чрезвычайно важно, штабс-капитан. Вы даже не представляете насколько. Особенно в связи с последними разработками академии. Возможно, в ближайшем будущем мы сможем перемещаться между мирами. Возможно, даже завтра. Не просто уходить неизвестно куда и не возвращаться, а целенаправленно посещать другие реальности.

– Другие что?

– Вы не поймёте. Сведения, которые поступают от людей, выброшенных аномалией к нам, чрезвычайно важны. Понимаете – чрезвычайно. Их преступная сущность по сравнению с этими сведениями не имеет значения. Главное, что они – носители информации. Бесценной информации, заметьте.

– Бесценной, – хохотнул Болотов. – Где, кого и когда ограбили или пришили? Вот скажите, профессор, какого чёрта они отправляют преступников к нам вместо того, чтобы расстреливать их у себя, на месте. Они что же, считают, мы должны делать за них их работу?

– Видите ли, – профессор замялся, – существует гипотеза. Смелая, конечно, и никем не доказанная. Гипотеза, что никто преступников к нам не ссылает.

– Как это не ссылают? – ахнул поручик Лешко. – А что, их сюда на курорт посылают? На воды?

– Согласно этой гипотезе, они проникают к нам по собственной воле. Видимо, аномальные зоны в их реальностях сопряжены с некой выгодой для того, кто в них забрался. И с опасностью. Поэтому проникают в зоны люди сплошь рискованные, лихие.

Другими словами, криминальные элементы и бунтари. А порядочные в зоны не суются. Из боязни, из-за суеверий, возможно, из-за недостатка информации.

– Ладно, профессор, – поднял руки вверх Болотов. – Всё это крайне интересно, конечно, только для военного человека, присягнувшего на верность государю, – без разницы. Давайте, господа, картошка уже, должно быть, спеклась. Нарезьте-ка буженинки, поручик. Посидим, выпьем за здоровье государя грамм по сто-двести, закусим, преферанс подождёт.

Выпить и закусить, однако, не удалось. Едва Болотов разлил по стаканам из пузатой бутылки с двуглавым орлом на этикетке, из охраняемого объекта донесся характерный гул. Производился он новомодным акустическим устройством, улавливающим и усиливающим звуки человеческих шагов.

– Один, – прислушавшись к тембру и громкости гула, определил Лешко. – Идёт тяжело, видимо, как все они, обессилел. Хотя... – поручик прислушался тщательнее. – Возможно, не один, а двое, но первый тащит второго на себе. Очень уж грузно ступает.

Болотов кивнул, соглашаясь, и потянулся к заряженному ампулами с парализатором духовому ружью.

* * *

– Вот это номер, – присвистнул поручик Лешко, выудив из миниатюрной, с ладонь, дамской сумочки стопку дымчатых прямоугольных пластинок. – Ничего не понимаю. Взгляните, штабе.

– Да что тут понимать? – Болотов одну за другой просмотрел пластинки на свет. – Это фотографические негативы. С агентурными сведениями и компроматом. Возможно, с разведанными. Дамочка, попросту говоря, – шпион.

– Вы что же, – ошеломлённо спросил Лешко, – полагаете, они забросили к нам разведчиков?

– Полагаю, – сказал Болотов жёстко. – И ещё полагаю, что это дело не в нашей компетенции. Надо радировать в Москву, пускай разбираются.

– Постойте, – Шадрин протестующе поднял руку. – Дайте– ка, я взгляну.

Профессор перебрал стопку фотопластинок, пристально вглядываясь в каждую.

– У страха глаза велики, – сказал он, наконец. – Это действительно похоже на компромат. Только к нашей реальности не имеющий никакого отношения. Собран он на господина Задова Льва Николаевича. Который, судя по всему, работал на некую разведку. А в настоящее время стал заметной политической фигурой. Только к нашей реальности и нашей политике не относящейся. Так что...

– Это меняет дело, – после минутного раздумья сказал Болотов. – Вы уверены, профессор?

– Практически уверен. Разумеется, до тех пор, пока не проявим пластинки, окончательные выводы делать рано. Однако уже сейчас можно утверждать, что этот Задов из той реальности, где власть в России захвачена анархистами. Посему, господа, можете поступать с пришлыми обычным порядком, как только придут в себя.

Болотов с Лешко переглянулись. Обычный порядок означал пристрастный допрос с последующим уничтожением. Лешко отвёл глаза первым и выразительно посмотрел на лежащую на траве навзничь девушку.

– Ничего так, – озвучил общие мысли Болотов. – Если отмыть, будет вполне хороша. Вы как, профессор?

Шадрин брезгливо поморщился и отрицательно покачал головой. Всё-таки нравы у этих уездных вояк отвратительные. Хотя... их можно понять. Два месяца безвылазного дежурства на объекте в глуши, в тридцати с лишним километрах от Одессы. Шадрин вскорости уедет в Москву, к молодой жене, а штабе с поручиком останутся здесь кормить комаров.

– Этот ещё часа два-три не очухается, – Болотов небрежно ткнул носком сапога в бок рослого, в коросте из грязи и спекшейся крови, блондина. – Возможно, не очухается вообще. Побудьте пока тут, профессор, дамочку мы забираем. Приглядывайте. Если что, кричите, мы будем неподалёку.

* * *

Лениво вороша догорающие поленья в костре, Шадрин размышлял о том, как по приезде в Москву непременно пойдёт в Сандуны, затем славно пообедает в «Эрмитаже» на Неглинке и только потом уже займётся отчётами и, наконец, засядет за монографию.

Монография писалась уже многие годы и называлась «Сопряжение реальностей». Переходы – обладающие аномальными свойствами подземные зоны – были шадринским коньком. Переходами их реальность, материнская, была связана с полудюжиной дочерних. В материнской реальности исторические процессы протекали стабильно, и эволюция шла по пологой восходящей линии. В дочерних – стабильность постоянно нарушалась социальными взрывами и катастрофами. В результате развитие шло по спирали. Социальными взрывами дочерние реальности были обязаны несовершенным законам и излишнему гуманизму власть имущих. Как следствие, в них появлялись бунтари – незаурядные личности, способные изменить ход истории и временно отклонить эволюцию в сторону. Всякие там Пугачёвы, Кромвели, Гарибальди, Ульяновы-Ленины...

Шадрин поморщился. Бунтарей он не жаловал, а порождаемые ими кровавые нарушения стабильности – тем паче. В конечном итоге, исторические процессы в реальностях выравнивались, сглаживались и становились параллельными тем, что происходят в материнской. Однако страшно даже подумать, какой ценой достигалась стабильность там, где бунтарей вовремя не прибрали к ногтю.

На прохладном, сдобренном запахом печёной картошки воздухе думалось хорошо. Размышлениям несколько мешал назойливый комариный гул, но за проведённую здесь неделю Шадрин с ним свыкся, смирился и научился не обращать внимания, как на нечто неизбежное. Не обратил он внимания и на то, что в гул внезапно вплёлся новый звук, более густой и прерывистый. Звук шёл от выхода из объекта, и будь на месте профессора Болотов или Лешко, они бы мгновенно определили, что именно он означает.

Шадрин рассеянно выудил из золы картофелину, обжигая пальцы, освободил от кожуры, потянулся за солью.

– Руки в гору! – резко сказал кто-то у него за спиной.

Профессор выронил картофелину, оглянулся и едва не закричал от ужаса. На него наводил устрашающего вида ствол кучерявый чумазый молодчик, до глаз заросший буйной щетиной и с кожаным свёртком подмышкой.

– Дёрнешься – шлёпну, – сообщил молодчик. – Баба хде?

Внешность молодчика не оставляла ни малейших сомнений в том, что шлёпнуть для него дело плёвое и привычное.

– Т-там, – ощутив жгучее желание оказаться отсюда километрах в пятистах, махнул рукой профессор. – Э-э...

– С кем?

– М-м... Э-э....

– Шо ты мекаешь? – рявкнул молодчик. – Жить хочешь?

Профессор закивал. Жить он очень хотел.

– Тогда веди, – приказал молодчик и, подумав, добавил: – Шлимазл сучий.

* * *

Шалея от страха, Шадрин обречённо смотрел, как троица расправляется со съестными припасами.

– Государь, говоришь? – с набитым ртом осведомился кучерявый молодчик. – А Батьки Всея Руси нету?

– Н-нету. Вы м-меня убьёте?

Молодчик, проигнорировав вопрос, с чувством отхлебнул из пузатой бутылки с двуглавым орлом на этикетке, протянул бутылку блондину и принялся набивать рот бужениной.

– Свинину-то нехорошо, Моня, – упрекнула молодчика девушка, которая, отмывая, действительно оказалась вполне хороша, как и утверждал покойный Болотов.

– Бог простит, – махнул рукой молодчик. – Жрите ужо побыстрей, шо ли. Уходить надо.

– Куда спешить, – невозмутимо возразил блондин. – Отдохнём, сил наберёмся. Этот господин не опасен.

– Я б его таки шлёпнул, благородие, – не согласился молодчик. – Мало ли шо. Да и дружки его заждались ужо. На небесах. А уходить по-любому надо.

– Уйдём. Хотя, если верить этому господину из Москвы, неизвестно куда мы отсюда угодим.

– Куда-нибудь да угодим. Жратвы тепер завались. Пушки хорошие, патронов много. Не пропадём.

– Ладно. Вы обещали мне кое-что рассказать, Полина, – обернулся к девушке блондин.

– Да, – Полина опустила голову. – Только я подумала: наверное, лучше вам этого не знать, Николая.

* * *

Полгода назад Полина Гурвич, солистка одесской оперы, а заодно агент французской разведки, была приглашена на приём, который давал новый градоначальник. Приём – громко сказано, попойка отличалась от кабацкой лишь размахом. Самогон рекой, крики, сальные взгляды... Тем не менее, требовалось отсидеть за столом положенное, «сделать уважение» новой власти. Полина и сидела до тех пор, пока не увидела, как в залу входит человек, материалы на которого она собирала. Человек, так же, как и она, работал на «Второе бюро», но потом открестился и сдал прежним властям полевых агентов. Полина встречалась с ним дважды, передавала документы и фотографии. Рыхлый, мордастый, запитый – этот человек всегда вызывал у неё брезгливость.

– Кто это? – поинтересовалась Полина у соседа по столу, взглядом указывая на мордастого.

– Лев Николаевич Задов, градоправитель наш.

На секунду взгляды Гурвич и Задова встретились, затем градоначальник отвернулся. Через десять минут Полина бежала с приёма через окно в дамской комнате.

* * *

– Уходим, – Моня навьючил на себя рюкзак с провизией. – Показывай вход, сволочуга, – махнул он стволом перед носом Шадрина.

– Я м-мог бы, – профессор запинался от страха, – м-может быть, э-э... Если в-вы останетесь... Ок-казать вам протекцию.

– Вот уж не стоит, – блондин заткнул за пояс револьвер Болотова, подумав, приладил по соседству пистолет Лешко. – Кстати, почему у вас пришлых расстреливают?

– Н-не знаю. Но д-думаю...

– Ну-ну, смелее, – подбодрил блондин.

– Думаю потому, что к-крамола заразна. У н-нас, видите ли, нет анархистов, эсеров, н-националистов...

– А евреи есть? – хмуро осведомился кучерявый Моня.

– У нас г-говорят «жиды». Жиды есть.

– Шлёпнул бы я тебя, – мечтательно сообщил Моня. – Ладно, живи. Показывай, хде вход.

* * *

Страшным выдался год тысяча девятьсот девятнадцатый от рождества Христова, а следующий, девятьсот двадцатый, ещё страшнее.

Шестая армия Южного фронта под командованием товарища Фрунзе готовилась к прорыву через Сиваш, начало которого, по слухам, ожидалось со дня на день. Бойцы третьего краснознамённого полка Моисей Перельмутер и Николай Краснов сидели у общего костра, молчали, прислушивались к разговорам.

Был боец Перельмутер невысок, плотен, по-коршунии носат и мелким бесом кучеряв. Ещё был он немногословен, неприветлив и вечно небрит. И было в нём вороватое что-то, лихое, бандитское. Прошлое своё скрывал, и что связывало его с широкоплечим, до ассирийской темноты смуглым Красновым, оставалось неизвестным. Батальонный комиссар давно присматривался к обоим и пролетарским чутьём распознавал если не врагов, то, в лучшем случае, попутчиков. Мутных, временных. Ставить их к стенке, однако, комиссар не спешил. Храбрости был боец Перельмутер необычайной и отваги отчаянной... А Краснов, тот стрелял. С двух рук, на звук и навскидку, не меняясь в лице, не целясь и не промахиваясь. И таскал за собой бабёнку. Тоже мутную, как и он сам, хотя и смазливую. И кем ему та бабёнка доводилась – неизвестно. Вроде бы спали, как муж с женой, вместе, а на людях друг дружке «выкали».

– Всякое бывает, – прихлёбывая чай из алюминиевой кружки, степенно рассказывал Ванька Глебов, бывший черноморский матрос. – Вот случай был. Встали мы на якорь возле городишки одного. Названием Новый Афон. А был у нас на коробке один местный, всё пещеры нахваливал. Хорошие, дескать, пещеры, красоты необыкновенной. Давайте, мол, слазаем. Уговорил. Отпросились мы на берег впятером, на сутки, и в те пещеры полезли. В общем... – Глебов замолчал.

– Ну, дальше что было? – подбодрил рассказчика Краснов.

– А дальше чертовщина началась. Ползали мы туда впятером, а вернулись всего двое. Остальные как под землю провалились. Искали мы их потом трое суток. Пока ещё двоих не досчитались. Тоже как сквозь землю. Раз – и нету людишек. Как не бывало.

– Как, говоришь, городишко тот назывался? – угрюмо спросил боец Перельмутер.

– Новый Афон, а что?

– Да так.

Той же ночью бойцы Перельмутер и Краснов исчезли из расположения Третьего краснознамённого полка Шестой рабоче–крестьянской армии Южного фронта под командованием товарища Фрунзе. И бабёнка красновская с ними сгинула. Комиссар, которому доложили утром, затвердел лицом, выматерился пространно. Зря не прислушался к классовому чутью, к пролетарскому, и всех троих не расшлёпал.

* * *

– Уходить надо, – хмуро сказал Моня Цимес, когда, пробравшись по лесной тропе, оставили позади полковой обоз. – Дрек эта, как её...

– Реальность, – подсказал Краснов.

– Она. Хде искать этот Афон, благородие?

– Новый Афон на Кавказе, – ответила за Краснова Полина. – Только я думаю, ни к чему нам туда. Все они друг друга стоят. Реальности.

– Пожалуй, да, – невозмутимо согласился Краснов. – Есть конкретные предложения, Поля?

– Есть. Можно уехать, эмигрировать.

– Куда же?

– В Париж. Попробуем пожить там. К тому же, под городом есть катакомбы. Вернее, были. В нашей реальности.

– Значит, должны быть и здесь. Хорошая идея, мне по душе. Ты, Моня, как?

Моня Цимес помолчал. Угрюмо поворошил палую осеннюю листву носком сапога.

– Разойдёмся, – предложил он. – Вы ехайте себе в Париж, а я пойду.

– Куда ты пойдёшь?

– Не знаю. Можя в Афон. Можя в Одессу вернусь. Можя ещё куда. Хочется пожить красиво.

– Красиво здесь не получится.

– Тогда как получится.

– А нас, выходит, бросишь? – Полина подошла, положила ладонь Моне Цимесу на предплечье. – Как мы без тебя? Ты ведь наш... – Полина замялась и смолкла.

– Талисман, – подсказал Краснов.

– Да. Наш с Николая талисман.

Моня засопел, нахмурился.

– В Париже евреи есть? – спросил он, глядя в сторону.

– Евреи? Есть, конечно, евреи везде есть.

– Ну, тогда ладно.

Яна Дубинянская У лазурных скал Рассказ

– Розы, Бланш! – кричит маркиза. – Не убегайте! Туда нельзя!

Розовое платье мелькает вдали ярким пятнышком, похожим на бабочку. Голубого почти не видно на фоне моря и скал.

– А почему нельзя? – спрашивает Реми. – Там нет ничего страшного. Дорожка, лестница, а потом смотровая площадка.

У него вьющиеся рыжеватые волосы до плеч и, наверное, слишком белая кожа. Сейчас она ярко-малиновая, и кончик носа уже начал облезать. Реми – музыкант, и он еще очень, очень молод.

– Вы еще очень молоды, Реми. Вот будут у вас дети...

– И с ними же гувернантка. Не волнуйтесь так, маркиза.

– Ах, Реми, они у меня такие шалуны!

– Идемте на площадку. Оттуда открывается прекрасный вид.

На нем модная в этом сезоне сорочка-сетка, сквозь которую пробиваются рыжие завитки на юношеской груди, тоже сильно опаленной солнцем. На шее висят несколько шнурков: мобилка, бэйдж, какой-то странный металлический амулет – и еще рожок, на котором Реми играет по вечерам в ресторане «Лазур», где она обычно ужинает. Странно, думает маркиза, почему меня так волнует этот рожок.

Они всходят на смотровую площадку. Впереди и вокруг опрокидывается перевернутым куполом кобальтовое море, окаймленное лазурными скалами. По берегу стоят в дозоре бесконечные кипарисы, раскидывают ветви широкие кедры, ярко цветут олеандры и сдержанно – магнолии. Из моря гордо выступают знаменитые здешние скалы, изображенные на всех рекламных проспектах, – Лазурные братья. Середину бухты обозначает маленькой точкой чья-то белая яхта.

Близняшки уже здесь, и, конечно, пока гувернантка что-то объясняет Розы, Бланш успела влезть на парапет и бросает вниз кипарисовые шишки. Маркиза подходит ближе, обнимает узкие плечики. Удовлетворенно отмечает в который раз: девочки – вылитая она в детстве. Ничего общего с мужем.

Он, разумеется, не смог приехать. Столько дел на фирме, и ни в чем нельзя довериться управляющему. Маркиза давно привыкла.

– Реми, – говорит небрежно, через плечо. – А почему бы вам не сыграть мне что-нибудь на обратном пути? На вашем рожке?

* * *

Профессор Арно дю Лис – фанат Лазурных скал. Вот уже сорок лет он не ездит отдыхать никуда больше.

Конечно, Лазурные скалы теперь не те, что раньше. Один отель-гигант на берегу – преступление, ради него вырубili и залили бетоном полкилометра лесистого побережья, и жуков–монахов профессор с тех пор в этих местах не видел. А ведь еще понастроили массу мелких пансионатов и отельчиков, ресторанов и кафе, закатали и выложили плиткой широкую набережную на месте когдатошней скальной тропы. В сквозном гроте между бухтами стоит теперь чугунная решетка – после того, как там какому-то идиоту упал на голову камень, – и ничего, туристам нравится. Ведутся даже разговоры о том, чтобы соединить

мостом Лазурных братьев и на одном из них, на старшем, построить ресторан. Профессор организовал сбор подписей под петицией в защиту скал; правда, толку с нее.

Профессор идет по осыпающейся тропе, опасной и мало кому известной здесь. Далеко внизу – ровные белые дорожки, ступеньки, смотровая площадка. Там какие-то люди, немного, трое взрослых и двое детей. Единственное, что радует профессора: по нынешним временам Лазурные скалы стали очень дороги, сюда ездит только состоятельная публика. Страшно подумать, что будет, если здесь начнут строить жилье эконом-класса.

Арно дю Лис наводит бинокль. Женщина в белом забирает с площадки двух маленьких девочек, одна из них упирается у парапета, но затем отлепляется от перил и мчится по дорожке наперегонки с сестрой. Двое, мужчина и женщина, отстают. Мужчина подносит к губам какой-то музыкальный инструмент, и профессор узнает: этот парень как-то выходил из дорогого ресторана и еще показался знакомым. Кажется, он играет там на рожке. Дамы любят местную экзотику.

Музыки, понятно, не слышно.

Женская фигура, идущая рядом, вдруг приостанавливается, теряет равновесие, взмахивает руками и, будто подсеченная в коленях, падает на белый песок.

Сверху она выглядит очень красиво. Профессор опускает бинокль и проводит ладонью по горячей бронзе своего гладкого черепа.

* * *

Это же «Лунная соната», разочарованно думает маркиза. Обещал сыграть что-то свое, а сам играет «Лунную сонату». Или, может быть, просто такое вступление, похожее, с вариациями?

Рожок у губ Реми ритмично двигается вверх и вниз. Волнует, возбуждает.

Внезапно Лазурные скалы впереди становятся нестерпимо– синими, искры на море безжалостно слепят глаза.

Боже мой, что я здесь делаю? Зачем я здесь вообще?

Прокручиваются в хороводе ряды кипарисов, и зубцы Лазурных скал, как птицы, взмывают в небо.

* * *

– Я врач. Пропустите меня.

На женщине большие зеркальные очки, никто не догадался их с нее снять. Профессор снимает сам: ее глаза полузакрыты, подрагивают веки, подведенные водостойкой косметикой. Ухоженная женщина, у которой еще много лет не будет возраста. Они здесь все такие.

Рядом жмутся друг к дружке две одинаковые девочки в розовом и голубом одинаковых платьицах. Одна беззвучно плачет.

– Уведите детей.

Профессору подчиняются. В маловажных вещах ему подчиняются всегда. Если б так было во всем.

Четкими движениями – куда более грубыми, чем у профессионального врача, но тем более убедительными для публики – он прощупывает ей пульс и меряет ладонью температуру, прослушивает ужом грудную клетку. Приподняв веко, смотрит на склеры.

Она открывает глаза.

– Вы в порядке, – отрывисто сообщает он.

– Мне стало нехорошо, – говорит женщина, словно оправдывается.

Да, понимает Арно дю Лис, она совершила серьезный проступок перед собой и себе подобными: на курорте всем должно быть хорошо. Все обязаны быть здесь здоровы и счастливы.

– С детьми все в порядке, маркиза, – вступает другая женщина, видимо, гувернантка, которую никто не просил ничего говорить. – Может быть, позвать вашего спутника, Реми?

Ухоженное лицо маркизы становится больным, усталым, старым, страшным:

– Нет!.. Я не хочу его видеть.

* * *

– Назови синоним к слову «грусть».

– Печаль.

– Еще.

– Тоска... ну, горе...

– Горе – мимо. Еще, не останавливайся.

– Ипохондрия, депрессия... зачем это все?

– Я тебя тестирую, дурачок, – говорит профессор. – Молодец, знаешь ушные слова.

У профессора дю Лиса широкие бугристые плечи, большая голова без единого волоска, горбатый нос. Все это цвета глубокого, самое малое двухнедельного загара. Реми не любит людей, которых любит солнце.

– Я могу идти?

– Сиди. Что ты ей играл, умник?

Вот оно что. Он знает. Он видел.

Он все равно ничего не сможет доказать.

– «Лунную сонату», – усмехнувшись, говорит Реми.

– На рожке?

– Я играю только на рожке. Приходите вечером в ресторан «Л'азур», профессор.

– Она больше не хочет тебя видеть. Она ничего больше не хочет. Как ты это делаешь?

Реми взмахивает длинными золотыми ресницами, дамам всегда это нравится. Профессор не дама, но не выдумывать же ради него чего-то еще.

– Что?

– Грусть. Печаль. Тоску. Ипохондрию. Депрессию. Как?

Реми пожимает плечами:

– Я музыкант. Правда, приходите вечером послушать.

* * *

Рози и Бланш пакует в крошечные чемоданчики кукольные платья. Вернее, пакует Бланш, а Рози сидит на пуфике и ритмично шмыгает носом. Все говорят, что она больше сестры похожа на мать.

Маркиза тоже сидит неподвижно на краю широкой кровати, глядя в огромное панорамное окно. Время от времени спохватывается:

– Катрин, вы уложили шляпы?

– Вы узнали, во сколько прибывает утренний поезд?

– Муж не звонил?

Свой мобильный она отключила, потому что нет никаких сил.

За окном – бухта и кипарисы, и скалы на берегу, и Лазурные братья. Очень дорогой вид. Суррогат, заменитель счастья, которого у нее нет и никогда не было. У которого вечно дела на фирме и недостойн доверия ни один управляющий. А вокруг только пошлость, разврат и ложь, и никакого просвета.

– Мадам, вы будете ужинать?

– Нет!!!

Хотя ей же вовсе не обязательно спускаться туда, в «Лазур».

– Распорядитесь, чтобы принесли в номер.

Девочки с каштановыми косичками складывают в стопочки крохотные голубые и розовые платица. Маркиза отводит глаза. Нет.

Счастья нет и не будет.

* * *

Профессору Арно дю Лису смешно: только что он не узнал себя в зеркале. Нацепил зачем-то смокинг, едва втиснув плечи в узкие рукава. А этот «Лазур», оказывается, довольно демократичное местечко, если не обращать внимания на цены.

Профессор морщится. Он не любит переплачивать за что– либо. Где, черт возьми, этот Реми с его рожком?

Ага. Выходит пианист, единственный здесь, кроме профессора, обладатель смокинга, садится, взмахнув фалдами, за рояль. А вот и наш герой. Одет во что-то полуэтническое–полупедерастичное, в обтяжку и с бахромой. Рыжие кудри зализаны и собраны в хвостик. Профессор никогда не понимал, как такие хлюпики могут нравиться женщинам.

Или тоже – рожок?

Реми начинает играть. Ничего особенного. Но уровень. Уровень здесь, на Лазурных скалах, держат теперь во всем, будь он неладен.

Подходит официант. Арно дю Лис заказывает кофе.

И в этот момент – наверное, дело в чересчур зычном голосе, профессор не умеет сбавлять громкость, – его замечает Реми.

Замечает и продолжает играть.

* * *

– Как ты это делаешь?!

Арно дю Лис врывается к музыкантам, как бешеный, хорошо вышколенная охрана не сумела его остановить. У профессора мокрая лысина, и Реми сам видел, как только что он хватал за коленки девицу из-за соседнего столика.

В зале все целуются, обжимаются под столами и в танце, переходя всякую грань. Ладно, постепенно остынут.

– Я музыкант.

– Давай-ка выйдем.

Реми усмехается:

– Будете морду бить или опять тестировать?

– Нам надо с тобой поговорить. Seriously поговорить, парень.

Профессор оправляет перекошенный смокинг, затем досадливо машет рукой и срывает его ко всем чертям. Переводит дыхание и уже спокойнее кивает Реми:

– Идем, идем. Я, кстати, узнал тебя.

– Я тоже вас узнал. С самого начала, профессор.

* * *

Над Лазурными скалами горят огромные звезды. Поют гигантские сверчки и цикады. Серебристого моря в ночи почти не слышно.

– Я люблю эти места, понимаешь? – говорит Арно дю Лис. – Я не могу смотреть, как из Лазурных скал делают... такое.

– Какое? – равнодушно спрашивает Реми.

Надо объяснить. Надо, чтобы он понял.

– Помнишь, ты когда-то поймал мне бабочку для коллекции? Большепкрылую альбину? Они тогда стаями здесь кружились, а в этом году я видел всего одну, и то не уверен.

– Да, – помедлив, соглашается Реми; хорошо, что он соглашается. – Бабочек стало меньше.

– Лазурные скалы уничтожают. Из каждой пяди земли выжимают максимум наживы, и земля постепенно умирает. Начиная с самого редкого, нежного, красивого: альбины, жуки-монахи...

Не надо все время о насекомых, спохватывается профессор.

– Все время вы о своих насекомых, – насмешливо роняет Реми.

– Наверное, мне так проще. Я о Лазурных скалах вообще. Ты сам видишь, Реми. Это же твоя земля.

Реми смотрит вдаль. Щуплый прилизанный юнец в бахроме и с хвостом на затылке, он выглядит как никто чужеродным и пришлым здесь. Несправедливо, что это и вправду его земля.

Поворачивает голову, обозначившись на фоне моря серебристой линией девичьего профиля. Искоса смотрит на профессора:

– Вам от меня что-то нужно? От меня лично?

Арно дю Лис кивает:

– Да.

* * *

– ...за счастьем. А вовсе не ради солнца, отдыха в роскошном отеле, вида на бухту и Лазурных братьев. Только за счастьем. Для людей такого пошиба счастье имеет свою кругленькую цену и географическую привязку, они так устроены, Реми. Но стоит им единожды почувствовать здесь настоящую тоску, печаль, ипохондрию, грусть, депрессию – и они больше не приедут сюда. Ты ведь можешь, правда? Мы организуем тебе концерт в Скальном зале, они придут туда практически все, я знаю эту публику, и когда они услышат твой рожок...

Он всегда был с придурью, думает Реми. Мать так и говорила с иронической нежностью: наш придурковатый дю Лис. И заставляла ловить ему бабочек. Чтобы он на следующий год приехал еще раз и остановился именно у них. Чтоб было на что прожить зиму.

– Не знаю, как, но ты можешь это сделать. Ты музыкант.

– И что?

Придурковатый профессор глядит недоуменно.

– Что будет, если они больше не приедут? – уточняет Реми.

И продолжает, не дождавшись ответа:

– А я знаю, что. Будет, как раньше, в те времена, о которых вы так жалеете. Ни у кого на побережье не останется работы. Ни денег, ни будущего, ничего!.. Вы хоть помните, как мы жили тогда? Мы с матерью каждое лето переселялись в лодочный сарай, чтобы можно было

сдать наш домик какому-нибудь... любителю природы, – Реми жалеет, что не выразился так, как ему хотелось. – Вот вы любите эти места, да, профессор? Так почему ж вы ни разу не приехали сюда зимой? Зимой, когда дохнут все ваши бабочки, а людям надо как-то дотянуть до весны? Вы знаете, какой здесь дует ветер?!

Арно дю Лис молчит. Такая здоровенная, мускулистая фигура в ночи. Когда-то он казался огромным, как гора, и мальчишкой Реми мечтал вырасти таким же. И даже сочинял что-то такое про мать, на тему, отчего этот громадный мужчина всегда останавливается именно у них. Тьфу.

– Кстати, я знаю, почему вам все это не нравится, – говорит он с издевкой. – То, что якобы делают с Лазурными скалами. Просто вам не по карману! Ходите здесь, изображая из себя невесть кого: то ли врача, то ли я не знаю, с этими вашими тестами, чтобы никто не догадался вытолкать вас взашей с территории. А сами и сейчас снимаете за гроши какую-нибудь хибару в горах... энтомолог!

Реми давно подозревал, что это такое ругательство.

* * *

– Музыкант, – в тон ему отвечает профессор. – Хочешь сказать, что ты доволен жизнью, музыкант?

– А почему нет? – ершится юнец. – Я живу здесь, на Лазурных скалах, и к тому же зарабатываю хорошие деньги.

– И больше тебе ничего не нужно?

Реми пожимает плечами.

– Ты же можешь, – негромко говорит Арно дю Лис. – Этот твой рожок. Ты можешь... всё.

Он видит, как блестящие в полумраке глаза Реми невольно косятся вниз, туда, где висит на шнурке его музыкальный инструмент, инструмент неслыханного могущества. Профессору становится холодно в теплой ночи. Напрасно он это затеял. Глупо изображать из себя перед мальчишкой искусителя-мефистофеля, когда реально ничего не можешь ему дать. Когда он все может сам.

Реми улыбается. Щуплый рыжий пацаненок, нагулянный хозяйкой неизвестно от кого, за пару мелких монет готовый изловить и проткнуть булавками всех насекомых Лазурных скал. Мелкая душонка, сорняк, выросший среди великолепной южной природы. Нет, он не может ничего. Только играть на своем рожке.

И то непонятно, кто его научил.

– А зачем? – пожимает плечами Реми. – У меня же есть все, за что они, – он делает неопределенный широкий жест в темноту, расцветенную огнями, – выкладывают свои неслабые денежки. Как вы говорите, за счастье. Значит, у меня оно есть.

– Понятно, – говорит профессор. – Ас ней ты зачем так? С маркизой?

Реми хмурится:

– Достала потому что. Озабоченная старуха. А я не жиголо, я музыкант!

– Правда?

Профессор саркастически усмехается:

– Это ты зря. По-моему, очаровательнейшая женщина.

– У меня невеста! – огрызается Реми.

* * *

– А давай играть, – шепчет Бланш, – как будто Лазурные братья – на самом деле Лазурные сестрички!

– Зачем? Мы же все равно уезжаем.

Рози смотрит на море, подтянувшись локтями на парапет балкона. Этого нельзя, но взрослые сейчас очень заняты чемоданами, шляпными картонками и отъездом, им все равно.

– Не понимаю, – задумчиво говорит она. – Почему они Лазурные? Они же просто коричневые и немножко серые. Скалы как скалы.

Валерий Воробьёв

Вагон

Рассказ

– Папаша ему говорил... Ну и что твой папахен выслужил? Четвертной, от звонка до звонка, керзу стаптывал. Четвёртую звёздочку – только под дембель, в сорок три – на гражданку, десятком дворничих командовать, – Василий Быковенко на мгновение прервал гневный монолог, чтобы сплюнуть в колючку между шпалами недокуренную сигарету, – и дед твой в литюгах отходил, и прадед, и сам ты в них был, есть и будешь. Так что засунь и свои, и папашины соображения... Интеллигенты чаморошные, тля... Понял?

Здоровяк повернулся к Коростелю спиной, наклонился и выразительно похлопал себя ладонью по тому месту, где, по его разумению, должна находиться *наука* всяких там неудачливых папаш. Хороша задница у Быковенко, ничего не скажешь. Тяжелоатлет, краса и гордость. Любимчик начстройа и буфетчиц из чипка. Коростель с трудом подавил опасное желание осчастливить начальственное седалище пинком, вытянулся, как на плацу, и рывкнул:

– Так точно! Есть засунуть соображения в ж...у господина лейтенанта! Разрешите исполнять?

То есть желалось рывкнуть, столь же мощно и звучно, как умеет полковой «батя» на утреннем разводе по поводу бардака в расположении и во Вселенной. На деле голос сорвался, последние слова вознеслись в тональность писка болонки при встрече с мастиффом. Быковенко выпрямился, медленно повернулся к наглецу. Оправил мятый камуфляж, выпятил грудь и развернул плечи. Коротко врезал кулаком от бедра в солнечное сплетение провинившемуся. Коростель, предвидя подобное развитие событий, успел выдохнуть, натужить пресс, ссутулиться и чуть подать задницу вперёд. Так что удар, хоть и отбросил доходягу-лейтенанта на пару шагов назад, реального вреда не нанёс. Имея богатый опыт, Коростель согнулся, будто от нестерпимой боли, и начал разевать рот, имитируя сбитое дыхание.

Быковенко потер ладонью кулачище:

– Обращаться к старшему по наряду следует в соответствии с уставом: господин лейтенант, старший по наряду на станции. Вот из-за таких птиц, пренебрегающих субординацией, мы впопартунистов до сих пор и не передавили.

Коростель, усердно изображая боль и страх, подумал: «Этот долбокретин даже не понял насмешки...» Вслух же выкрикнул:

– Есть обращаться по уставу к господину лейтенанту, старшему по наряду на станции, господин лейтенант, старший по наряду на станции!

Господин лейтенант и прочее довольно ухмыльнулся и, видимо, смягчившись, обратился к Коростелю почти просительно:

– Думай логически, Пичуга. Пока вагон не разгрузим, наряд не сдадим. Тебе самому, что, не надоело на досках спать и сухим пайком питаться? Боевое задание на передовой – оно, конечно, – честь и ответственность, но отдохнуть бойцу тоже надо. Чтобы боевой дух на высоте и всё такое. У меня от топчана уже всё тело ноет, будто сам вагоны в ночь разгружал. Знаешь, Птенчик, пойду я в кондейку, обдумаю тактические задачи. Ты поглядывай, если начальство – ори громче, чтобы услышал. Ну, старайся, – Быковенко почти дружески похлопал Коростеля по плечу и потопал в сторону кирпичной будки, в которой они квартировали последние три дня.

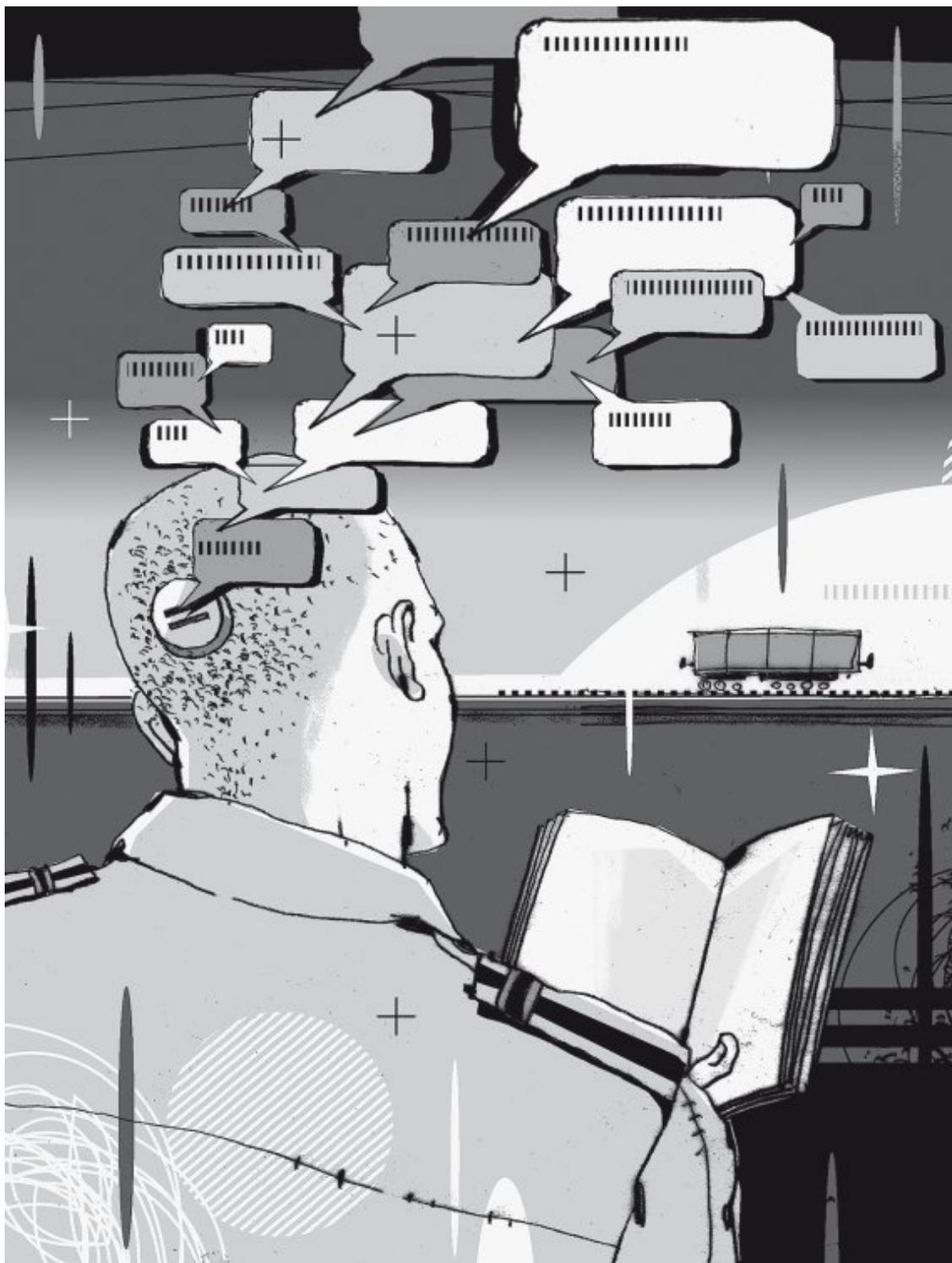
– Служу Единому Уставу! – это Коростель крикнул вслух, про себя же подумал: «А ведь он, похоже, меня немного побаивается. Потому и придирается не в меру». А что? Быковенко – такой же лейтенант. Подумаешь, на полгода дольше служит.

«Даже дебилу должно быть понятно: если я вчера вагон разгрузил, за ночь он сам наполниться не мог. Новый подогнали, паразиты, бумаг не оставили», – пришло в голову сердитое соображение. От мысли о паразитах-снабженцах Коростель ощутил хорошую согревающую злость, помогающую в бою и в работе. Эх, жизнь лейтенантская... Камуфляж – обноски, жратва – синтетика, курить – бычки-чинарики. Отыскал под рельсами и заначил почти целую сигарету, выброшенную Быковенко. Не курит ведь в затяжку, гадёныш, так, балуется и для солидности. Табак переводит. С другой стороны, пусть обидна несправедливость, бычки от Бычка остаются знатные.

Улыбнувшись нехитрому каламбуру, приступил к разгрузке злополучного вагона. Что делает человека счастливым? Когда первый поддон был освобождён, глазам лейтенанта открылась прекраснейшая из картин. Кто-то там, в тылу, то ли ошибся, то ли поживился, то ли вогнал туфту. Коробками заставили только вход, вагон оказался практически пуст. На радостях Коростель устроил перекур.

Вытащив все коробки на перрон меньше чем за час, Коростель даже не слишком устал. Докурил остаток чинарика. Расстелил на досках кусок рваного брезента. Улёгся, запил «колючкой» таблетки сухого пайка и предался любимому занятию каждого молодого литюги – воспоминаниям и размышлениям. Вспоминалось детство: маленькая уютная квартирка, запах котлет из кухни и сирени из открытого окна. Отец, капитан в отставке, подрабатывал управдомом. Бандитский налёт на город. Танк уютжит гусеницами недавно вскопанную клумбу. Страшные, загорелые до черноты солдаты мятежников громят магазины.

Нежаркое августовское солнце было в зените, над степью – ни облачка. Спать почему-то не хотелось, и Коростель раскрыл карманную брошюру «Наставления по истории армии для будущих генералов». Брошюру изрядно потрепали предыдущие читатели. Первые листы отсутствовали по причинам естественного характера, да и от остальных были оторваны изрядные куски на предмет самокруток. Тем не менее Коростель усердно штудировал уцелевшие остатки текста, надеясь когда-нибудь сдать экзамен на старлейские курсы.

«...ожесточённая внутренняя борьба в генеральном штабе между оппортунистами окружных силовых подразделений, разведки, контрразведки с одной стороны и интеллектуальной элитой вооружённых сил – компетентнейшими офицерами– интендантами и военными финансистами завершилась окончательной победой последних. Жезл Верховного Интенданта принял генерал...»

Коростель попытался представить себе этого первого Верховного Интенданта. А что представлять: наверняка был такой же старый толстый буйвол, как и нынешний.

«...несмотря на вопиющую безответственность, отсутствие достойного образования и склонность к анархии генералитета мятежников, будет ошибкой замолчать опе-

ративность, с которой штабные структуры оппортунистов взяли на вооружение боевой опыт и революционные идеи Верховного Интенданта, включая тотальную мобилизацию всего мужского населения без исключений и пересмотр воинских званий личного состава. Включение в устав гарнизонной и караульной службы стимулирующих телесных воздействий, не приводящих к нарушению жизненных функций воина...»

От упоминания о стимулирующих телесных воздействиях у лейтенанта зачесались многократно поротые в строевой части ягодицы. Когда уже нарастут мозоли, которыми так гордился батя...

«...в военной науке открылись новые горизонты. Virtuозная операция финансового отдела завершилась взятием под полный контроль значительной части тыловых служб противника и позволила провести ряд блестящих бескровных кампаний по освобождению от путчистов областей...»

Лейтенанта всегда раздражала необходимость зубрить скуотищу, которую через чип интерфейса могли бы ввести в память за доли секунды. Пожалуй, что и вводят, кому положено. А кому-то и прямо на экзамене ответы на вопросы передают. Коростель представил себя генеральским сыном: майорские звёзды в шестнадцать лет, военная академия, «Хаммер» с подобострастным мордovorотом-водителем, полканы по стойке смирно... Незаметно сладостные мечтания перешли в дрему.

Проснулся от того, что отлежал плечо. Вовремя: только успел встать и ухватить последнюю коробку, предусмотрительно оставленную в вагоне, как Быковенко вышел из кондейки. Свеженький, выспавшийся, в вычищенном и выглаженном камуфляже. Выбритый и благоухающий одеколоном. Увидев пустой вагон – заулыбался:

– А ты молодец, Птичкин. Может, и выйдет из тебя толк, – даже не обратил внимания, что коробок всего ничего. Сбросил на поддон бушлат, уселся на него, махнул рукой Коростелю: располагайся, то есть, рядом, разрешаю. Потом совершил и вовсе необычное: вытащил из пачки две сигареты, одну протянул лейтенанту.

Закурили. Степной закат тлел в дымке серых облаков гигантским «чинариком». Поддавшись очарованию момента, Коростель ощутил к Быковенко что-то вроде симпатии и попытался завязать разговор:

– А вот вы слышали, господин лейтенант, старший по наряду на станции, что сто лет назад лейтенанты были не нижними чинами, а офицерским составом? И всю работу делали такие специальные военнослужащие – рядовые. И полы мыли, и посуду, и плац подметали, и траншеи копали... И вагоны разгружали... – Коростель мечтательно зажмурился, представив себя начальником нескольких десятков военных. – И в личном составе роты числилось не десять человек, как сейчас, а больше сотни.

– Ну ты и загнул, Пичуга. Это как же управиться с такой оравой... Сам знаешь, полковой ретранслятор чуть справляется с тем, чтобы нас в курсе дел держать. А если в каждой роте больше сотни, то никакого руф... Риф... Как его...

– Трафик, господин лейтенант, старший по наряду на станции, – подобострастным елеем подсказал Коростель.

– Точно, точно, ботаник хренов, никакого Рафика не хватит, чтобы такой оравой рулить, так что... – тут у Быковенко на мгновение закатились глаза, он вскочил и удивлённо заморгал. Коростеля очередная передача директив накрыла секундой позже.

* * *

Старший по наряду на станции лейтенант Коростель достал из внутреннего кармана бушлата плоскую бутылочку с одеколоном. Накинул бушлат на плечи. Сделал небольшой глоток, несколько секунд посмаковал тепло, разлившееся по телу. Смачно хрюкнул, вытащил

сигарету из портсигара, прикурил. И только после этого соизволил встать и взглянуть в сторону своего слоняры, вытянувшегося по стойке смирно. Васька-Бычок преданным взглядом следил за начальственными телодвижениями. Интересно, как он сумел разгрузить вагон, не помяв и не испачкав форму? Коростель картинно вздохнул, стремясь выразить всю несоизмеримую тоску человека, вынужденного командовать кретинами. Сказал по силам вежливо, но твёрдо:

– Ты это, Быковенко, молодец, старательный. Только говорено тебе было: не разгружать, а загружать, для возврата. Сам посуди: зачем нам в степи столько соковыжималок? Папа мой всегда говаривал: дружи с головой. И гляди у меня, аккуратно загружай, с умом. В тылу бабам на разгрузке лишнее упираться, если в кучу накидаешь.

– Служу Независимости! – браво отрапортовал старослужащему лейтенант Быковенко.

На мгновение ситуация показалась Коростелю нереальной и нелогичной, но ещё один обжигающий глоток вернул его к прежнему благодушному состоянию. Может, ну его, этот вагон, пойти в кондейку, допить одеколон и завалиться на топчан? Бычок исполнительный, отлынивать не станет, ночку поднатужится – и всё в ажуре. Ему бы самое место в армии узурпатора. Эти, по слухам, качков ценят выше, чем интеллигентов, к коим лейтенант, умевший читать и писать, себя причислял. Хорошо, что у конфедератов на первом месте не строевая подготовка, а идеология и наглядная агитация. От мысли, как это ужасно, если всё наоборот, Коростель на мгновение ощутил изрядный трепет. Взглянул на Быковенко, уже склонившегося над коробками, и, чтобы преодолеть возникший страх, несильно пнул его ногой под зад. Насладившись видом присевшего от испуга и изображающего страдание здоровяка, – пошёл отдыхать.

Над степным горизонтом арбузным ломтем алел полукруг заходящего солнца. Коростелю вдруг вспомнилось детство: убогая ведомственная конура в полуподвале, жалкая пародия на котлеты из соевой муки, одноразовый пакетик чая на неделю. Треснувшее стекло в форточке – не преграда для вони мусорных баков. Отец-отставник с утра до ночи корячится дворником, один на весь квартал. Крохотная пенсия – насмешка. Ура! Город освобождают партизаны! Рослый узкоглазый танкист насыпает полную шапку черешни. Улыбчивые солдаты в синих беретах разбивают витрину, раздают детям мороженое и конфеты, сколько унесёшь. Ура!

Спать почему-то совсем не хотелось, спина ныла, будто целый день на досках пролежал. В кармане на рукаве Коростель с удивлением обнаружил трофейную брошюру по военной истории. Когда её туда положил... Первые страницы брошюры безжалостно покоцаны, небось юные соловьи на самокрутки и сортирные нужды употребляли. Темнота неграмотная... От начала оставались жалкие обрывки, и Коростель начал читать с первой уцелевшей страницы.

«... пользование для организации связи и взаимодействия частей индивидуальных интерфейсных имплантатов, любезно предоставленных сочувствующей защитникам конституционного порядка и целостности страны Дальневосточной коалицией, позволяет избежать обычной для традиционных армий несогласованности действий, поддерживать несокрушимый боевой дух, а также контролировать каждого воина индивидуально, непосредственно из генерального штаба. Приходится признать, что аналогичная система мятежников столь же эффективна».

Коростель потрогал гузак в основании черепа, куда ему три года назад, сразу же после принятия присяги, потрошители зашили этот самый имплантант. Как же, каждого воина – индивидуально... Ага, «избежать несогласованности», «столь же эффективна»... Пару месяцев назад полковой ретранслятор «закачал» инструкции для роты штабных садовников. Целый день вся часть, включая старших офицеров, вооружившись садовыми ножницами,

осваивала на неблагодарном материале верблюжьей колючки непростое искусство зелёной скульптуры.

«Поскольку интерфейсы путчистов совместимы с АСУ нашей доблестной армии, специалисты технического отдела разработали и повсеместно применяют на практике тактику перехвата контроля над личным составом врага».

Лейтенант зевнул: что есть, то есть. Повсеместно. Хорошо, что и «АСУры» Освобождения не лыком шиты, принимают контрмеры. И вражеские передачи глушат, и на собственных не экономят.

Бывали казусы. Прошлым летом прибыл из штаба округа подполковник, важный как генерал. Привёз для испытаний специальный шлем, якобы фильтрующий вражеские передачи. Думал, в сказку приехал, а тут – передовая, закачка от южан. Что-то в этом шлеме не так сработало. И записались в верхнюю часть подполковника директивы своего штаба, а в нижнюю – инструкции противника. Весь личный состав животы от смеха надрывал, наблюдая из экранированного кунга, как штабник руками цеплялся за деревья, а ноги несли его на спортплощадку. Бедолага попытался повиснуть на турнике, но злокозненная программа противника воспользовалась тем, что органы дефекации также находятся ниже пояса. Галифе подполковнику, конечно, потом отстирали.

Подполковник ср...ный... Вот папе даже майорство так и не улыбнулось, желудок слабый. Всем, кто большие звёздочки таскает, по уставу положено с вечера надираться до полного нелицеприятия. Вроде для того, чтобы если под вражеской закачкой, так меньше пользы неприятелю принесли. Только и неприятели в этом плане не дураки, ох не дураки! Вот и просыпаются майоры-полковники каждое утро в блевотине и похмелье. Коростель горько вздохнул, да и сделал ещё глоток одеколона. Для тренировки.

«Тот факт, что современные методики закачки директив позволяют манипулировать воспоминаниями, полностью изменил характер военных действий».

Военные историки узурпаторов оказались такими же нудными, как и свои щелкопёры. Коростель заснул, даже не дочитав страницу.

* * *

– Рота, подъём! Любим спать по ночам? Любим на командирских бушлатах нежиться? – голос господина старшего по наряду не давал повода заподозрить его в неуставной мягкости, – ты, чмо болотное, почему вагон не разгружен? Меня, через ...

Быковенко в праведном негодовании вlepил ещё не полностью проснувшегося душаре Коростелю крепкого леща.

Глоссарий

Керзу стаптывал – носил кирзовые сапоги, то есть был на нижних ступенях армейской иерархии.

Четвёртую звёздочку – только под дембель – получил капитана только по выслуге лет, перед самой демобилизацией.

Колючка – 1) верблюжья колючка; 2) колючая проволока; 3) напиток из заваренной в кипятке верблюжьей колючки.

Чамора – урод.

Литюга – лейтенант.

Начстроя – начальник строевой части.

Чипок – вариант солдатского буфета.

Кондейка – любое запирающееся изнутри помещение, в котором солдат имеет возможность спрятаться от наблюдения начальства.

Заначил – спрятал про запас.

Полканы – полковники.

Чмо – неряха, лох, неудачник, ни к чему не способный.

Сергей Фомичёв

Мореход

Рассказ

1

У нас ведь как принято. Если тебя нанимают в вояж на Архипелаг, требуй вперёд половину. И стой на своём, хотя бы наниматель и посинел от натуги. Ну а уж потом, как по рукам ударили, скликай друзей-мореходов в корчму и пои на весь задаток.

Почему? Так уж заведено. С Архипелага мало ведь кто возвращался. Драконы тамошние не то чтобы дикие – бешеные. А ко всему прочему, они – нырковые. И когда запузырится у тебя возле борта, тут уж спасаться поздно. Бьёт он из-под воды, ломает хребет корабельный. Нет спасения. Но, бывает, и с облаков валится. Дохнёт полымем и обратно уйдёт, в облака то есть. А ты, если чудом живым останешься, то без парусов с горелыми мачтами посреди океана. И тут уж невелик у демонов морских выбор. Либо скалы, либо жажда, либо холод. Кто-то на такой случай запасные паруса берёт, мачты. В трюме в воде замачивает, чтобы огненный вал не достал. Но когда обратно идут, для груза место освобождают. Так и гибнут.

Семья? А что семья. У нас сиротами не остаются. Те, что взрослые, сами в море выходят. А за жёнами да малыми народ присмотрит. В обиду не даст. Так что весь задаток в корчме остаётся. Так принято.

Отказаться? Сразу видно, что вы не здешний. Мы мореходы! У нас своя слава и своя гордость. Мы грамоте не по церковным книгам обучались, а по морским журналам, таблицам счислений да по логиям. . . . От фрахта или найма никогда не отказывались. Но цену называем свою и ни медяка не уступим, хоть ты тресни. А там – как судьба распорядится. Может, до старости будешь припас возить на Тюремный остров, треску в Новые Порты доставлять, кита промышлять, калана, а может, тебя в первый же капитанский день на Архипелаг подрядят.

2

Пришёл он такой важный. В плаще, шляпе, с посохом таким – тростью. За плечами мешок пустой. Никого не расспрашивал, сразу ко мне присел. Цену, говорит, знаю, что половину вперёд запросишь, ведаю, про обычаи ваши слышан. Я, хоть и кольнуло где-то внутри, отвечаю спокойно, что, мол, тогда и говорить не о чем. Завтра, стало быть, и пойдём.

Тут же созываю корабельщиков. На всём Побережье тогда три корчмы содержалось. Я к Степняку позвал. Кроме больных или тех, кто в море уже, все пришли. Отказываться от такого приглашения у нашего брата не принято. Церкви по эту сторону гор нет. Попы не прижились как-то. Благословение мы от мира получаем на такой вот прощальной вечере.

Расселись братья, без веселья за трапезу принялись. Сам-то не пью, конечно, хожу вдоль стола и собственноручно наливаю по первой чарке. А кого пропускаю, тот, стало быть, завтра вместе со мной пойдёт.

На Архипелаг добровольцев не кличут. Берёшь лучших, в ком как в себе уверен. Отказываться? Нет, такого и не упомяну.

3

Шхуна моя не зря «Мечтой» называлась. Мечтой она и была.

Слышал, там у вас на юге особые корабельные мастера именуются и особые моряки. Одни в вояжи ходят, другие строят, третьи владеют, монету считают. Покупают и продают корабли, вроде как горшки. Верно говорят? Чудно. У нас не так, у нас каждый сам себе корабль ладит. Сам строит, сам владеет, сам и промышляет на нём. А покуда собственным не обзавёлся, матросом служишь и на плотбищах соседских работаешь. Прежде чем себе шхуну заложить, нужно с десятков товарищам построить. Так-то.

Я для хребта корабельного и для рёбер дерево два года искал. Одно к одному подбираю. На склонах, что к мёрзлым топям спускаются, растут сосны кривые. Северные ветра их крутят, гнут – под любые обводы загогулину сыщешь. И лучше нет дерева для набора.

А на обшивку идёт лиственница из ущелья. Железо, не дерево. Не сгниёт и за сотню лет. Ну, может и не за сотню, столько-то у нас корабли не живут. Но менять случается, только если льдинами обдерёт или скалами. И дух у нашей лиственницы особый. Червь морской пугается его, не липнет к бортам. Хоть в южные моря ходи, хоть в гнилых заливах отстаивайся.

Сушить? Нет, не сушим. Из живого дерева и корабль живой выходит. Гибкий. Воду берёт, не без этого, зато в студёных водах спасение. Не раздавить его льдинам. Выпихнуть из воды могут, а раздавить не выходит.

Паруса сами ладим, канаты плетём. Гвозди куём и всё прочее железо. А в конце якоря отливаем. Сами, конечно, кому ж доверим-то? Якоря корабельные для нас – что колокола по ту сторону гор для церкви. Венец всему делу.

4

К самым островам уже подошли, а духу драконьего не почували. Обычно смердит, как только вершины покажутся. Чем? Серой и ещё чем-то таким, вонючим. Если туман встаёт – только по запаху Архипелаг и узнаём, когда дела в тех водах случаются.

Обрадовались было, что пронесло на починок. И тут парок над водой показался. К нам приближается, да быстро так. Ну, я шхуну на отмель бросил. Хребтом по хрящу прошёлся, аж зубы свело, но выдержал набор, а ходу хватило – перевалили. Дракон взмыл и ушёл к острову. Не стал добивать.

Я хоть и дрожь почалась в ногах, спрашиваю нанимателя спокойно, куда приставать, откуда, мол, камни он наваливать собирается? А тот, на тебе новость, отвечает, чтобы россыпей не касались даже.

Тут вот такая штука. На Архипелаг кроме как за камнями и ходить незачем. Янтарь по сравнению с ними обычная канифоль. На лайде можно за два-три отлива полный груз камушков взять. И стать богачом. Однако скажу тебе, если в богачи метишь, лучше пивко научись варить. Вот то верное дело.

Ну, мы-то за пай не нанимаемся. Нам всё равно, хоть ты помёт драконий по скалам соскребай, хоть камбалу в заливах уди – плата одна. А что, кроме шуток, был такой парень, что на Архипелаг рыбачить отправился.

Он, видишь ли, рыбу не для ухи ловил, не для брюха, а как редкости собирал. Вымачивал, солил в чём-то таком, что от гнили спасает, и в ящички стеклянные выставлял. Вроде бы как приятелям да гостям на забаву. Учёный человек – одно слово.

В очках вроде ваших, только стёклышки в его очках прозрачные были. Нет, я учение книжное уважаю. Куда без него? Хотя мы всё больше навыком да отцовским заветом. А иной раз нутро вернее и скорее выход подскажет.

Худого о нём не скажу, везунчиком парень оказался. В первый раз благополучно вернулся с редкостями своими, и Степняк с артелью целёхонек пришёл. Через год парень ещё раз судьбу искусил. Тут-то судьба и сдалась. Не вывезла везунчика вдругорядь. И корабельщики, что с ним пошли, пропали все как один.

Ну вот. А наш-то наниматель себе на уме – ни на камни не смотрит, ни на рыбу. Мешок пустой на плечо закинул, шляпу эдак к голове притёр и ушёл вверх по ручью.

Мы корабль под тень скалы отогнали, чтобы, значит, сверху неприметно было. Затаились. На сушу ни ногой, огня не разводили. Лопали сушёную треску и даже воду из бочки брали, хоть она к тому времени и попахивать стала. Но я так скажу – лучше уж вонючую воду пить, чем с хозяевами островов лишний раз переведаться.

Вечер и весь следующий день прождали.

Вернулся он с мешком уже полным, а зачем ходил, промолчал.

– Теперь ходу, – говорит.

На парней покрикивать не пришлось, а на шхуну бесполезно. Медленно она из залива выползала. Но выползла.

5

Благополучно отвалили от островов, из течений прибрежных выбрались, а ночью позади нас небеса засветились. Сполохи играли, как в кузне, когда металл отбивают. По зиме так иной раз случалось, но летом... Мы сразу смекнули, что драконы беснуются. Косимся, значит, на кормильца нашего, чего ждать от okazji? А тот молчит.

– Догонят, мало не покажется, – вырвалось у Лучка.

Молодой он ещё, Лучок. Тут же затрещину от товарищей получил. Не положено нам заботу посторонним показывать.

– На юг пойдём, – сказал наниматель. – В буре укроемся.

Не зря мы, значит, о драконах подумали. Досадил он им чем-то. Крепко, видать, досадил. Но где укроешься? Бурей вовсе не пахло. Ветерок бы последний не распустить. Но я спорить не стал. Куда именно возвращаться, уговора не было – вернуться бы вовсе. А раз так, то за нанимателем последнее слово.

Я в море не первый год, а примет ненастья не разглядел. Но не соврал пассажир. Через час затемнело на юге, будто сопки из бездны повывлезли и задымили разом. И что за буря, стало понятно. У нас такие Чёртовым Котлом называют. Чёртов Котёл он и есть – погибель верная.

Вот так и попали. Позади драконы, впереди тучи чёрные.

– Пойдём через бурю, – повторил клиент.

Через бурю, так через бурю. Как-то даже привычнее в волнах погибать. Огонь драконий всё же больней – я так думаю.

Для наших корабликов нет лучшего ветра, чем встречный. При попутном паруса в раскорячку ставим – шхуну бросает, руль из рук рвёт, а тут они прижаты, как крылышки соколиные, когда тот на пташку идёт. Говорите, и дракон так же делает? Верно. Учением познали или опытом? Впрочем, неважно. Мудрёного-то ничего нет. Против напора воздушного так удобней.

Нагнала нас стая на самой кромке бури. Уже и волны пошли стена за стеной, и свет померк, а ветер крепчал с каждым мгновением. Но мы-то видели – главная круговерть ещё

впереди, а это так, присказка – казар пугать. Паруса не укрощаем, прём на рожон, спешим в самую чертовщину.

Драконы смекнули, в чём дело. Им-то мощь небесная крылья поломаёт быстрее, чем нам паруса порвёт. Стали они кругами ходить и быстро снижаться. Нам бы молиться, да молитвам не обучены, а просто так смертушки ждать тошно. Крепим такелаж, косимся опять на клиента.

Тут он из-за пазухи зверёныша достаёт. Маленький такой дракончик, но по виду сущий курёнок ощипанный. Тело голенькое, глаза – две бусинки красные, шейка тонюсенькая. Вот за шейку эту он зверёныша и подцепил. Да над головой поднял, вроде как чтобы виднее с небес было. А на руке жилы вздулись: мол, ринетесь только – хрусть, и нет родиночки вашей.

Зоркие глаза у драконов. Разглядели намёк. Петлю перестали на небе затягивать, но долго ещё сопровождали кораблик, пока ветер их не погнал обратно к Архипелагу.

Потом уж самая буря началась. Тут рассказывать нечего. Тот, кто пережил подобное, сам знает, а кого миновало, тот не поймёт. Шхуна ведь не купец какой-нибудь, у неё и в спокойный час палуба в локте от воды скользит, а во время штормов море по настилу гуляет.

Тот человек, заказчик наш, не из робких оказался. Люди сухопутные обычно или пугаются моря, в казёнке дрожат, или со страхом совладают. И тут, бывает, ругают море, кулаком небесам грозят, а бывает, молчат, постигают стихию. А этот, он с восторгом на бесноватое море смотрел. С эдаким вызовом. С хохотом.

Всею конец наступает, кончилась буря.

А мы что? Мы молчим. Слыхали, что в зверинцах у князей и царей далёких разную живность для потехи держат. Но чтобы драконыша умыкнуть, такого не представляли.

Не стали мы спрашивать, но как-то похолодели к клиенту, хоть удача ему сопутствовала. Зверёныша жалко. Мы ведь и тюленьё дитё, бывало, брали на льдинах, и калана на привалах избивали, привычные, можно сказать, к хищничеству, а всё равно как-то не по себе. Драконы – твари разумные, и воля для них, что воздух.

Смотрю, киваете. Понятие имеете, значит.

Дальше не совсем хорошо получилось. Море-то, оно мысль прочищает особенно с непривычки. Весь мусор выносит, самый груз оставляет. Самую суть. На третий день, как из бури вырвались, похититель драконий без расспросов говорить начал. Да так полилось из него – успевай ушаты менять. Всё, что в себе держал, выложил.

И по словам его выходило, будто не для потехи он зверёныша выкрал, для важного предприятия. Не за монету рисковал – старался, за общество радел. Рассказал про страну свою, в бедах всяких изнемогающую. Что-де земля скудеет, что дети рождаются хворыми, а соседи-враги насаждают, норовят откусить, растащить, что осталось. И некому людей собрать, встряхнуть, маяк какой-то верный подать.

И вот ведь что удумал наниматель наш. Детёныш-то похищенный не простым птенцом оказался. А вроде как принцем ихнего драконьего племени. Вот как. Кровь в нём царская, в цари наш клиент его и пророчил. На трон в стране своей посадить задумал.

И всё это нам так излагает, будто сочувствия ищет. А нам что? Жалко, конечно, страны той неведомой, людей обнищавших, забитых. А только человеку на себя уповать следует, никак не на зверя, пусть тот и трижды принцем считается. Мы ведь сами-то с драконами вроде как на равных. Они в своём праве, а мы в своём. Их воля против нашей воли. И только так. Уважаем их, но чтобы на шею себе посадить...

Не увидел он в наших глазах отзыва. По второму кругу рассказывать стал, по третьему. А потом вдруг сломался пассажир наш. Неожиданно, как мачта, бывает, на зыби рушится, хотя только что бурю вынесла. Напор сумасшедший держит, а от дрожи щепки летят. Вот и он так. Драконов не побоялся, Чёртов Котёл хохотом встретил, а тут скис.

Мы опять же не спрашивали, сам рассказал. Царя из драконыша, как оказалось, ещё вырастить нужно. А там целая наука – как воспитывать принца, как содержать, чем вскармливать. Всего и не упомяну. Но главное в голове удержалось – жертву принцу положено приносить. И когда оно там до свершений дело дойдёт, их обоих уж возненавидят все. И драконыша и наставника евоного. И жить нашему клиенту в сердце с этим всем предстоит.

Метался он по кораблику, как рыбина в неводе, а как останавливался, пытался опять нас приобщить к метаниям своим. Даже слово учёное беде подобрал – дилемма, мол. Терзание сердечное, по-нашему. И всё к нам с вопросами. И вопросы хитрые, как ни ответь, а будто мы в сообщниках получаемся.

Но мы тут твёрдо встали. Найм, он и есть найм. Твою дилемму бедовую только тебе решать. Хочешь, живи с грузом, тяни его до конца, хочешь врагам-соседям подбрось детёныша, пусть они мучаются, а хочешь – в море его утопи. Слова не скажем против, но только и пальцем не шевельнём в подмогу. А нам вон снасти после бури перебирать надо, набор кое-где укрепить.

Долго он ещё метался. Нас стыдить принялся, о судьбах мира чего-то такое лопотать. Потом успокоился. Замолчал. Так и молчал до самого берега, а там соскочил на волнолом и ушёл, не прощаясь.

Что-что? Говорите, пожрал опекуна выкормыш? Значит, в курсе вы истории этой? Я вот, знаете, ничуть не удивляюсь. Память у драконов особенная, запомнил зверёныш, чья рука его шею сжимала, когда сородичи на выручку шли. Отомстил, стало быть, красноглазый обидчику. А с другого бока взглянуть – и того жалко. Добра хотел людям, надежду хоть какую-то в мраке явить. Вот ведь как.

6

В море я больше не выходил, даже за корюшкой или там детишкам что-то по ремеслу показать. У нас ведь как завелось – мореход, что с Архипелага живым возвращается, корабль сжигает, вроде как жертву такую приносит, и в море ни ногой больше. А на выручку вояжную он корчму открывает. Только такие вот счастливики заведения среди нас и держат. Абы кому обычай не позволяет за стойку вставать.

Год минул, и понятно стало, что драконы с островов пропали. Может, и сразу пропали после того похода нашего, но слухи оттуда не доходят, и пока одного южанина бурей не занесло случайной, не ведали мы о новости.

Нашёлся кто-то смекалистый – камни-то без присмотра остались. Бери – набивай сумки, кто остановит? За ним прочие охотники потянулись. Старатели набежали со всех соседних земель. А только и без драконов счастье мало кому улыбнулось. Богатели, бывало, за сезон, а потом помирали в богатстве-то. С шальными деньгами здесь, на Побережье, никто не задерживался – суровые у нас края, толку от богатства немного. Уходили за перевалы, в города. Там уж иные спивались, другие под кистень попадали, ростовщику в лапы или девке ушлой на поживу.

Вы-то сами куда думаете? На Архипелаг? Это вы запозднились. Что? Нет! Мореходы от фрахта не отказываются – железно! А на Архипелаг больше не ходят. Потому как мореходы мы, а не птицы. Подо льдами теперь острова, и лайды их самоцветные скованы намертво. Драконы-то, видно, огнём внутренним, дыханием льды сдерживали. А как пропали, север своё взял.

Нет, появлялись искатели, вроде вас, за топи мёрзлые уходили, к туземцам тамошним. От них на упряжках собачьих добирались. Пробовали дудки во льду бить, чтобы до отмелей добраться. А только кроме песка и хряща ничего не поднимали.

Вы пейте грог-то, пейте, пока не выстыл. Последняя моя корчма на Побережье. Как Степняк помер, один я остался из везунчиков. Обычай не обойдёшь – без вояжа на Архипелаг за стойкой не встанешь. Так что теперь за всех здесь кручусь.

Что потом будет? А что будет? Вернутся драконы, я так полагаю. Улыбаетесь? Как знать, как знать. А не вернутся, иначе как – нибудь всё устроится. Старики знаете как говорили? Твердь земная за пахаря держится, а небесную наши шхуны хранят. И покуда тревожит плуг землю, а мачты терзают облака, мир стоять будет.

2. Личности. Идеи. Мысли

Владимир Цаплин Мемы и мифические аксиомы

Сначала остановимся на редко обсуждаемом, но важнейшем природном свойстве формирующейся разумности, которое отмечалось – вскользь – еще более полувека назад, но до последнего времени не получавшего дальнейшего развития. Это свойство – интеллектуальный импринтинг, заключающийся в пожизненном впечатывании в детскую память некоторых представлений, устойчивых и глубоко укоренившихся в сообществе или социальном кругу, к которому и принадлежит ребенок. «Впечатанность» означает, что подспудно эти представления уже стали убеждениями самого ребенка на всю жизнь, но без всякого критического осмысления, отбора и сомнений – ведь это происходит в раннем детстве! Став впечатанными, эти представления начинают восприниматься самим человеком как нечто само собой разумеющееся и автоматически определяют оценку других явлений, отношение к другим событиям и поведение в самых различных ситуациях! Подобно поведению человека, который автоматически надевает верхнюю одежду перед выходом на улицу, потому что для него это нечто само собой разумеющееся. Очевидно, что импринтинг сам не выбирает какие из детских представлений должны стать впечатанными в сознание – истинные или нет, все зависит от того, насколько они характерны для окружающих людей и поэтому насколько часто афишируются. В любом случае, впечатанные представления будут ограничивать мышление, а следовательно, и поведение определенными рамками, играя либо положительную, либо отрицательную роль в мотивациях или поступках человека в течение всей последующей жизни.

Механизм интеллектуального импринтинга находит свое возможное качественное объяснение в идее, сформулированной более 30 лет назад Ричардом Докинзом в широко известной книге «Эгоистичный ген». Он предложил специальный термин «мемы» для структур, образующихся в мозгу под действием часто повторяемых идей и представлений, в процессе формирования разумности. Эти идеи и представления оказываются запрограммированными в образовавшихся мемах, становясь собственными базовыми представлениями и как бы образуя неизменный каркас мышления на всю жизнь, подобно тому, как прутья плетеной корзины определяют ее неизменный объем. Мемы формируются в детстве, но не раньше чем становится возможной осмысленная коммуникация – первые признаки разумности. Поэтому они не относятся к числу наследуемых структур, т. к. разумность формируется только после рождения человека. В работе «Иллюзия Бога» (2006) Р. Докинз, говоря о мемах, употребляет метафору «психические вирусы» (в ряде других публикаций – «ментальные вирусы»). Имеется в виду способность мемов к «размножению» подобно вирусам. Действительно, человек при общении с окружающими делится устойчивыми базовыми представлениями и бессознательно использует их – практически всегда – при оценке самых разнообразных явлений. Но тем самым он благодаря интеллектуальному импринтингу способствует образованию сходных мемов у следующей генерации людей. Мемы множатся в поколениях и расползаются в человеческой среде подобно обычным вирусам при эпидемии. Можно провести некоторую аналогию и с традиционными генами, создающими жесткую программу анатомического и физиологического строения организма и тем самым непрерывно копирующими самих себя.

Т.о., под «мемами» подразумеваются некоторые устойчивые нейрофизиологические структуры, образующиеся в детстве под действием часто повторяемых идей и представлений, и затем, в течение всей жизни, определяющие существование базовых представлений – либо ложных, либо адекватных реальности.

Необходимо отметить, что прямая интерпретация понятия «мем» как материальной структуры у самого Р. Докинза отсутствует – поводом, ввиду самоочевидности этого факта. Тем более, отсутствуют какие-либо экспериментальные данные о физико– химической структуре мемов. Но та же картина наблюдалась и при зарождении генетики, хотя ситуация с мемами может оказаться более сложной, потому что экспериментальному обнаружению мемов – возможно – должен будет предшествовать общий ответ на вопрос о принципе и структуре разумности в целом. Структура мемов может быть непредсказуемо различной даже в тех случаях, когда образование мемов происходит в результате влияния сходных раздражителей. Так, например, в основе религиозности лежат сходные мемы, однако в своей структуре они будут несколько отличаться друг от друга у разных людей, потому что религиозные представления имеют разное образное воплощение в зависимости от конфессии, течения или секты. А т. к. мемы в принципе не дают возможности волевого выбора идей – «так и только так», то возникновение противоречий неизбежно в случае столкновения «впечатанных» религиозных представлений. По тем же причинам призывы к терпимости просто не воспринимаются. Возникшие противоречия приводят к появлению предлогов, уже провоцирующих религиозную вражду, религиозную ненависть и даже религиозные войны. Не забудем, что конкретные поступки всегда мотивированы имеющимися представлениями! Очевидно, что покончить с подобными явлениями можно только полностью исключив вероятность образования любых религиозных мемов. Итак, если образовавшиеся мемы соответствуют адекватным реальности представлениям, то развитие мышления происходит плавно, без противоречий или непреодолимых логических препятствий, достигая полноценного уровня, и поэтому вероятность появления общественных конфликтов будет минимальной. В противоположном случае мышление формируется во многом неадекватным реальности, фрагментарным и хаотическим, и вероятность возникновения конфликтов резко возрастает. ...Что и наблюдается в мире! Непонимание этого приводит к подмене реальных причин какого-либо конфликта второстепенными предлогами. Устранение последних, разумеется, ничего по-существу не меняет, заканчиваясь реанимацией тех же конфликтов.

Подведем итог:

- образование мемов происходит только в раннем детском возрасте, т. е. это не наследуемые структуры, и у новорожденных их нет;
- образовавшиеся мемы представляют собой прижизненные и пожизненно устойчивые структуры, а следовательно, пожизненно устойчивы и представления, за которые отвечают эти мемы;
- массовое формирование мемов, соответствующих только адекватным реальности представлениям, а значит, и достижение гармонии общественных отношений может происходить только в обществе, полностью лишенном неадекватных представлений;
- в реальном современном обществе формирование мемов, соответствующих только адекватным реальности представлениям, возможно только в условиях специально созданной образовательной структуры, предполагающей особое человеческое окружение;
- наблюдаемое разнообразие мемов соответствует разнообразию стимулов, приведших к их формированию, поэтому среди «генерируемых» ими базовых представлений есть заведомо особо вредоносные, и они-то и становятся истинной причиной большинства конфликтов между странами, сообществами или отдельными людьми.

Все вышесказанное заставляет прийти к общему выводу, что разумность представляет собой не свободную систему, обладающую неограниченной свободой воли, т. е. способную

произвольно выбрать «направление» мышления (следовательно, и поведения), как это принято считать. В действительности мышление на всю жизнь детерминировано представлениями, источником которых являются уже существующие биохимические структуры мозга. Если в этом утверждении нет принципиальной ошибки, то очевиден вывод, что выход цивилизации из системного кризиса невозможен без скорейших, радикальных и повсеместных изменений в системах детского образования и воспитания.

Неадекватные базовые представления: предрассудки, иррациональные и мистические представления, порождения глупости или невежества и т. п. являются скорее мифами, не соответствующими действительности ни при каких условиях, а не мнениями или гипотезами, которые могут оказаться и верными. Мифы, распространяющиеся как вирусы вслед за породившими их мемами, становятся массовой необсуждаемой основой для всех последующих рассуждений и решений, порождая непримиримые противоречия в человеческом обществе. Поэтому конфликты непрерывно повторяются, меняя лишь внешнюю форму со сменой поколений, оставаясь теми же по сути, но со все более масштабными трагическими последствиями. Гипотеза о природе мемов качественно объясняет и почему совершенно бесплодны все попытки переубеждения, доказательства ошибочности, противоречивости, неадекватности и вредности базовых мифов. Такие попытки не более эффективны, чем попытки убедить дождь не капать зашиворот, т. е. сомнения и возражения просто не воспринимаются! До сих пор это практически не осознается, приводя к тому, что мифы утверждаются уже в статусе аксиом, поэтому соответствующие ложные базовые представления логично назвать мифическими аксиомами. Ниже перечислены наиболее вредные мифические аксиомы с точки зрения стабильности, безопасности и благосостояния общества.

1. Миф о наследственном характере разумности.
2. Миф о программировании в наследственном аппарате каких бы то ни было понятийных (цивилизационных) характеристик.
3. Миф о природном психическом отличии наций, народностей и этносов.
4. Миф о врожденном характере норм морали и нравственности.
5. Миф о благотворной роли религии.
6. Миф о цели традиционного образования, как якобы направленного на формирование самостоятельного мышления.
7. Миф о прогрессивности экономической системы, основанной на частной собственности на средства производства, всеохватывающей спекуляции, коммерциализации и преследующей единственную цель – получение прибыли.
8. Миф о представительности и компетентности демократически избранной власти.
9. Миф о демократической системе, как панацее от противоречий и рецепте достижения гармоничной жизни, справедливости и всеобщего благосостояния.
10. Мифы, вытекающие из подмены ложными или преходящими целями конечных и желаемых целей развития общества.
11. Миф об умиротворяющей роли терпимости к иррациональным, архаическим и реакционным мнениям и взглядам.
12. Миф о направленности, закономерности и простой достоверности исторических событий и процессов.
13. Миф о способности гуманитарных и общественных «наук» устанавливать закономерности и давать прогнозы, которые якобы неумолимо выполняются.
14. Миф о равноправии различных мировоззрений.
15. Миф о порочности и утопичности коммунистической идеологии.
16. Миф о закономерности существования именно той формы организации человеческого общества, которая реально существует.

Приведенные в систему мифические аксиомы цивилизации отражают наиболее общие первопричины самых различных трагических и кризисных событий, реально происходящих в сегодняшнем человеческом обществе. Это утверждение следует из последовательного анализа по выявлению глубинной подоплеки всех более или менее глобальных конфликтов и противоречий на Земле. Если бы эти первопричины были изначально исключены, то не возникли бы ни неразрешимые противоречия, ни сами конфликтные ситуации со всеми драматическими последствиями. Многие из перечисленных мифических аксиом были первопричиной событий и в более отдаленной исторической ретроспективе, но почти невозможно предвидеть какой вид приобретет этот список в отдаленном и не очень отдаленном будущем. Во всяком случае очевидно, что разоблачение этих мифических аксиом и, следовательно, их роли в возникновении конфликтов, будет объективно способствовать резкому уменьшению скорости расползания вредоносных мемов и, следовательно, росту стабильности общества.

3. Информаторий

«Интерпресскон – 2011»

Двадцать второй «Интерпресскон», старейший из российских конвентов фантастики, пройдет под Петербургом, в пансионате «Морской прибой» с 6 по 9 мая 2011 года.

В этом году программа конвента посвящена пятидесятилетию первого космического полета, совершенного Юрием Гагариным.

«Интерпресскон» – это возможность лично пообщаться с ведущими писателями-фантастами России и СНГ, создателями киноблокбастеров, сценаристами популярных компьютерных и настольных игр, мастерами ролевых игр на литературные темы. «Интерпресскон» – это многочисленные презентации и семинары, доклады и дискуссии, концерты и банкеты, это традиционный «Пикник на обочине» с жареной на костре корюшкой и «пивные» вечеринки. Это уникальная возможность для начинающих авторов установить деловые контакты с издателями, перенять опыт старших коллег, составляющих славу российской фантастики.

На «Интерпрессконе» вручаются самые популярные премии в области фантастики: «Бронзовая улитка», присуждаемая лично Борисом Стругацким, почетным президентом конвента; премия имени Александра Беляева за лучшие научно-художественные произведения; присуждаемая участниками конвента премия «Интерпресскон»; премия «Полдень» за лучшую публикацию в альманахе «Полдень, XXI век».

Как и в прошлом году, будут работать Литературные студии для молодых писателей-фантастов.

В программу «Интерпресскона» традиционно включены доклады и дискуссии, посвященные актуальным проблемам современной фантастики и истории жанра, презентации издательств и книжных серий, концерты и кинопоказы, большой и разнообразный блок ролевых игр и награждение финалистов конкурса «Фанспритик».

Размер организационного взноса:

Номера «Эконом» (главный корпус)

2- и 3-местные номера с частичными удобствами. Умывальник в номере, туалеты – на этаже, душ – в цоколе.

Стоимость места – 5500 руб. (Проживание, 3-разовое питание, пикник, банкет, все мероприятия).

Одноместное проживание – 7000 руб.

Улучшенные номера (главный корпус)

Двухместные номера с современной мебелью и сантехникой. В номере все удобства, холодильник, телевизор, телефон, балкон.

Стоимость места – 9500 руб.

Номера «полулюкс» (главный корпус)

Двухместные номера повышенной комфортности, все удобства, панорамный вид (либо «палуба»).

Стоимость места – 12000 руб.

Одноместное проживание – 14000 руб.

Аккредитация (без проживания и питания)

Стоимость – 1500 руб. (пикник и все мероприятия, кроме банкета).

Аккредитация с банкетом (без проживания и питания)

Стоимость – 3000 руб. (банкет, пикник, все мероприятия).

«Интерпресскон» в интернете:

interpresscon.ru; rusf.ru/interpresscon;
Адрес электронной почты: 2011@interpresscon.ru

Наши авторы

Наталья Анискова (род. в 1981 г. в Новосибирской обл.). Окончила Новосибирский университет экономики и управления. Писать начала в 2008 году, с 2010-го переключилась на фантастику.

Валерий Воробьёв (род. в 1965 г. в Минске). Окончил МРТИ и аспирантуру. Публиковался по специальности в академических изданиях. Имеются публикации в научно-популярных журналах и газете «Знамя юности». Работает инженером, живет в Минске.

Майк Гелприн (род. в 1961 г. в Ленинграде) окончил Ленинградский политехнический институт. Сменил множество работ и профессий. Писать начал в 2006-м, увлёкся писательством отчаянно и бесповоротно. Написал около сотни повестей и рассказов, закончил первый роман. Победитель и призёр множества сетевых литературных конкурсов. Известен в сети как Джи Майк, он же Балшой Грофаман, он же Монстр короткой формы. В нашем альманахе печатался неоднократно. С 1994-го живёт в США.

Яна Дубинянская (род. в Крыму, г. Феодосия). Закончила Крымское художественное училище и Киевский институт журналистики. Автор множества романов, повестей и рассказов. Книги издаются на языке оригинала в России, а на родине – в украинских переводах. Лауреат литературных премий: «Портал» (Киев, 2005), «Русской премии» (Москва, 2008), премии «Бронзовая улитка» (СПб, 2010). Дипломант «АБС-премии» (СПб, 2010). Живет в Киеве, обозреватель общественно-политического еженедельника «Зеркало недели». В альманахе «Полдень, XXI век» произведения Я. Дубинянской печатались неоднократно.

Александр Житинский (род. в 1941 г.), писатель, киносценарист, дебютировал в жанре фантастики в 1973 году повестью «Эффект Брумма» в журнале «Студенческий меридиан», которая позже вошла в сборник «Незримый мост» под ред. А. и Б. Стругацких. Известен своими повестями и романами, в которых так или иначе используется фантастический элемент: «Потерянный дом, или разговоры с милордом», «Лестница», «Часы с вариантами», «Снюсь», «Арсик», «Хеопс и Нефертити», «Фигня» и др. По сценариям А.Ж. сняты фантастические фильмы «Уникум», «Лестница», «Филиал», «Время летать». Живет в Санкт-Петербурге.

Сергей Фомичёв (род. в 1966 г. в г. Дзержинск Нижегородской обл.). Учился в Куйбышевском государственном институте культуры. С конца 80-х годов активный участник гражданского движения. С середины 90-х занимается публицистикой, социологией и социальной философией. Автор и соавтор книг «Разноцветные Зелёные», «Акции экологического движения», справочника «Зелёная библиография», статей и эссе.

В настоящее время работает в Экологическом центре «Дронт» (Нижний Новгород), но проживает главным образом в Киеве. Автор криптоисторических романов мещёрского цикла, основанных на нижегородских и финно-угорских преданиях, легендах, сказках («Агриков меч», «Серая Орда», «Пророчество Предславы», «Сон Ястреба») и фэнтезийного цикла «Хроники Покрова», а также рассказов и повестей (фэнтези, НФ, детектив, современная проза).

Владимир Цаплин (род. в 1941 г. в Москве). Окончил физический факультет МГУ. Работал в НИИ ядерной физики МГУ. С 1991 года живет в США. Был главным редактором и издателем газеты «Взгляд» в Нью-Йорке. Автор трех книг и множества статей в журналах. В альманахе «Полдень, XXI век» эссе В. Цаплина печатались неоднократно.

Дэн Шорин (род. в 1977 г. в городе Киреевск Тульской обл.). Потомок известного русского писателя И. С. Тургенева. Окончил Тульский государственный университет по специальности «Информационные системы в экономике», зарабатывает копирайтингом и писательством. Имеются многочисленные публикации в журналах и сборниках. Лауреат

конкурса научно-фантастических рассказов ЛФГ «Басткон». Победитель конкурса научно-фантастического очерка фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг». Неоднократный финалист международного конкурса фантастики «Златен кан».